

Лев Розенберг

ВСЯ ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

Воспоминания

Рассказы

Новеллы

Израиль Ашдод 2019

Лев Розенберг. Вся жизнь как на ладони.
Воспоминания, рассказы, новеллы. – Израиль,
Ашдод. – 2019 г. – 265 с.

©Лев Розенберг, 2019

Издательство журнала «Начало».

ВСЯ ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ ВОСПОМИНАНИЯ

Часть первая. ДЕТСТВО

ГЛАВА 1

Если вы, прохаживаясь возле хлебного магазина, увидите паренька лет восьми-девяти, усыпанного веснушками, так знайте, что это я, мальчик Лёва. Сейчас я уже взрослый, но до сих пор не пойму, за что тогда, в детстве, меня одного из всех ребят нашего двора бог наградил веснушками. Видно, так надо мною он решил пошутить. Может, в тот день бог решил раздать понемногу веснушки всем детям нашего двора, а они в то раннее утро, как всегда, ещё крепко спали, а наш бог в тот злополучный день, как всегда, был очень занят работой и у него просто не хватало времени дожждаться, когда, наконец, проснутся наши сони. И вдруг он увидел меня и очень обрадовался, что хоть один ребёнок в это раннее утро уже не спит и с удовольствием всеми веснушками, которые были у него с собой, обсыпал меня всего с головы до пят – и лицо, и руки, и ноги, и живот, и спину. Бабушка Хава из нашего подъезда при встрече со мной всегда смеётся и говорит мне, что кто рано встаёт, тому и бог даёт. Но я на старушкунисколько не обижаюсь. Она очень добрая и зря никого не обидит. А тётя Злата из третьего

подъезда, когда меня видит, всегда надо мной смеётся и припеваёт песенку из мультика: «Рыжий, рыжий, конопатый лупил дедушку лопатой». Вчера я даже не выдержал и пригрозил ей подать на неё в суд за оскорбление личности.

И дедушка Герсун из второго подъезда тоже смеётся надо мной.

– Послушай, Лейбл, – говорит он, – когда ты, наконец, сходишь в баню и смоешь хотя бы с лица свои веснушки? Хочешь, я подарю тебе скребок для чистки лошадей, может, с ним ты, наконец, избавишься от своих веснушек?

За его ехидные советы однажды я привязал его кнутом к подводе на пять крепких узлов. Старик долго потом распутывал эти узлы и даже грозился, что, когда узнает, кто это сделал, забьёт его кнутом до смерти.

А уже взрослые девки, десятиклассницы из соседнего дома, вообще, стали звать меня Рыжиком, точно так, как и свою комнатную домашнюю собачку. Это меня тоже очень злит. Жаль, я пока никак не могу придумать, чем бы таким «хорошим» отомстить.

Некоторые девочки в нашем классе зовут меня китайчиком. Я до сих пор их понять не могу, чем я похож на этих китайцев. Может, у этих китайцев цвет кожи такой же рыжий, как мои веснушки? И глаза, как у меня – большие и голубые?

У взрослых во дворе я узнал, что где-то на окраине Бобруйска, на строительстве шинного комбината, работают китайцы. Надо будет мне когда-нибудь туда съездить и посмотреть на этих китайцев, как говорят девочки, моих далёких родственников.

Единственные мои защитники от незаслуженных оскорблений – это Эткин Борис и Фундаминский Яша –

оба друга моего старшего брата Изи. Они уже закончили третий курс бобруйского автотехникума и сейчас, в свои каникулы, усиленно занимаются спортом. Каждое утро делают большие пробежки, потом по много раз поднимают тяжеленные гири, а по вечерам ходят на тренировки по борьбе в физкабинет, напротив нашего дома. У них уже есть взрослый разряд по вольной борьбе.

Между усиленными тренировками Борис и Яша отдыхают в сарае у Бориса на его старой большой железной кровати. Под изголовьем у них всегда лежит небольшой старый чемодан, полный яблок, который по мере опустошения всегда пополняется новыми яблоками, принесёнными ребятами младших классов, больших любителей послушать от Яшки и Бори последние известия о жизни, последних рекордах всего мирового спорта. Все рады услужить старшим парням и с удовольствием куда-нибудь сбегать по их поручениям. В этой компании меня зовут только по имени.

Ребята, пришедшие к нам из других дворов, даже за случайные оскорбления в мой адрес сразу же наказываются Яшкой и Борисом. Они, услышав оскорбление в мой адрес, быстро вскакивают с кровати, ловят обидчика и в качестве наказания дают им по три саечки или, как говорят они, за умышленное оскорбление личности по нашим дворовым законам положено о голову обидчика почесать немного свои ногти. Яшка и Борис зажимают обидчика между ног, кладут по очереди свои уже далеко не детские руки ему на голову и, оттянув до отказа вверх свой указательный палец, отпускают его. Палец, как от сильной пружины, опускается на голову обидчика.

Иногда от таких саечек у пацана от боли на глазах появляются слёзы.

Таким же способом был воспитан и соседский Валерка по кличке Гибон, который постоянно делал всем соседям нашего двора разные пакости. А некоторым ребятам доставались саечки просто не за что, так, на всякий случай, как говорили Яшка и Борька, для профилактики, на будущее, для воспитания. Незаслуженно получал саечки и мой лучший друг Олег, по дворовой кличке Дадон. Он по просьбе Яшки и Бориса сам к ним подходил и подставлял свою голову.

У Олега мама была очень слабой и болезненной, работала уборщицей в мастерской по ремонту обуви. Олег жалел её и, чтобы лишний раз не расстраивать, никогда ей не рассказывал о своих иногда совсем не детских обидах.

Моего второго друга Толика Смирнова, чтобы он ни натворил, саечками никогда не наказывали. Наверное, потому что за Толика всегда было кому заступиться. Папа его работал на весовом заводе начальником цеха, и мама в нашей школе была учителем.

После саечек пострадавшим разрешалось заходить в сарай и даже по их желанию самим угоститься кислым ещё зелёным яблоком.

Жила в нашем доме очень старая женщина по имени Химка. С ней у нас была общая кухня, но мы не встречались. Баба Химка целыми днями отдыхала на своей кровати, поднималась только по своим большим надобностям. Однажды она, поднявшись с кровати, через полуоткрытую входную дверь увидела меня и, от удивления раскрыв свой рот почти до самых ушей и показывая на меня своими корявыми пальцами, сказала своей дочке: «Смотри, Рая, живой коко!»

В тот же день я спросил у мамы, что такое «коко». Мама объяснила, что по-белорусски это означает яйцо, и даже не само яйцо, а его желток. Долго обижаться на эту древнюю противную старуху я не стал, успокоившись тем, что кроме меня её никто не слышал и никогда не услышит, а на её реплику можно просто не обращать внимание.

Сейчас раннее утро, ещё всего семь часов. А я уже давно на улице. Мне очень хочется ещё немного понаблюдать за Бураном. Буран – это огромный чёрный конь, запряжённый в телегу, которая уже давно стоит на тротуаре рядом с хлебным магазином под окном у дяди Герсуна. Буран полностью перенял характер своего хозяина – очень злой и нелюбимый. На женщин, спешащих мимо него в хлебный магазин, он никак не реагирует, просто не обращает на них внимания, а на мужчин, проходящих мимо, у него просто горят глаза. Он поднимает голову и старается своими губами стянуть с мужчины головной убор. Когда это ему удаётся, он швыряет этот головной убор через свою спину на подводу. Мне наблюдать за Бураном очень весело. Цирк, да и только.

Когда появляется его хозяин, Буран приветствует его громким ржанием и топотом передних ног. Правильно говорят соседи: свояк свояка видит издалека.

Когда дядя Герсун, сидя на своей подводе, выгруливает, наконец, на трассу, сзади к подводе всегда цепляются несколько ребят из соседних дворов. Дядя Герсун управляет своим транспортом, вначале никак не реагируя на шалости ребят, потом незаметно берёт в руку длинный кнут и, резко повернувшись, с силой бьёт им по задней части подводы, где улыбаясь сидят пацаны, любители бесплатно покататься. Они все очень хорошо знают, чем может закончиться их

бесплатное катание, поэтому, не дожидаясь того, как кнут со свистом опуститься на них, вовремя соскакивают с подводы и вдогонку дяде Герсуну кривляются и показывают языки.

Лето – самая хорошая пора года. Не надо учить уроки, зато целыми днями делать всё, что захочешь. Можно с ребятами просто бегать по двору, играть в догонялки, жмурки, казаков-разбойников, в футбол. В футбол мы играем пока ещё не настоящим мячом, как взрослые ребята, а простым, сшитым из тряпок, который от удара ногой не летит так, как настоящий надувной, но всё равно нам всем очень весело и интересно. Мы, как взрослые, делимся на две команды и гоняем мяч от ворот до ворот. Все пацаны на нашем футбольном поле одинаковые игроки, все защитники и все нападающие.

Правда, один из лучших вратарей – это Дима Малкин с соседнего двора. Он очень ловкий и прыгучий, несмотря на то что настоящий толстяк. Забить ему гол может посчастливиться далеко не каждому, ну а «пендель» (штрафной одиннадцатиметровый) ему никто из нас забить не может. Когда я стою на воротах, тоже далеко не каждый может забить в ворота мяч. Правда, мне, прежде чем поймать мяч, приходится зажмуривать свои глаза, так как из тряпичного мяча всегда сыплется много пыли и разных тряпок.

А иногда мы, все пацаны, ходим в нашу школу, чтобы посмотреть футбол на школьном стадионе. Нам интересно посмотреть на игру взрослых ребят и поболеть за ребят с нашего двора, которые часто играют на школьном стадионе улица на улицу и, в отличие от

нас, настоящим футбольным мячом, на настоящем футбольном поле, с настоящими большими воротами. Мы дружно болеем за наших взрослых пацанов, как взрослые на настоящем стадионе орём во всю глотку: «Серёга, мазила, что держишь мяч? Отпасни Мишке, он у самых ворот. Эх, мазила, когда уже вы научитесь играть». А судьёю матча – обычно это кто-то из студентов – мы за игру десятки раз отправляем «на мыло», хотя, куда это «на мыло», мы толком не знаем сами.

Набегавшись, я уже сижу на нашей общей кухне и читаю какую-нибудь интересную книгу. Мама и наши соседи в это время готовят еду на своих керогазах. Сейчас стало хорошо сидеть на кухне. Все говорят между собой вполголоса, а керогазы варят еду абсолютно бесшумно. А раньше, ещё какой-то год тому назад, у нас на кухне трещали по несколько примусов одновременно. Находиться на кухне в таком шуме было просто невозможно. Иногда соседи интересуются, что я читаю, и я всегда охотно им рассказываю о прочитанном. И они так внимательно вслушиваются в мой рассказ, что иногда даже забывают вовремя проследить за тем, что у них в кастрюлях варится.

К четырём часам мы с мамой оканчиваем все свои домашние дела и идём вместе забирать из детского сада моего младшего братика Яна. По дороге мы иногда на полчаса заходим к маминой подруге тёте Мине, она живёт рядом с детским садом. У тёти Мины на её небольшую семью всего из трёх человек – её, мужа и их сына маленького Мулю – четыре огромные комнаты, зал, кухня и веранда.

Мы, в отличие от них, живём скромно, в двухкомнатной квартире. У нас небольшая столовая, половину которой занимает огромная русская печь, где зимой мама готовит еду, и небольшая спальня, в которой

стоит шкаф, две металлические кровати и лежанка – это такая невысокая печь, на ней зимой, если кто-то из нас простужался, можно было хорошо прогреться, а летом на ней сплю я один, как барон.

Зимой я сплю на большой кровати вместе с папой, на другой кровати спит моя мама вместе с братом Яном. А мой старший брат Изя спит всегда в столовой на кушетке рядом с этажеркой для книг и старинным буфетом. И ещё в столовой есть погреб, где на всю стену находится встроенный холодный шкаф, вдоль стен с полками весь погреб выложен кирпичами. В нём хранятся все наши запасы на зиму. Огромная бочка с квашеной капустой, в небольшой бочонке солёные огурцы, в специальном ограждении картофель, свёкла, морковь. На полках большие банки с вареньем.

Но об этом я расскажу позже. А сейчас мы стоим у калитки тёти Мини, мама тянет за «серебряную» цепочку, и в прихожей звенит звонок. Он оповещает, что пришли гости, надо встречать.

С тётей Миней мама познакомилась в начале войны в эвакуации, работая на большом военном заводе, выпускающем вооружение для армии. Мама сначала работала токарем, обтачивала какие-то болванки, а через год, освоив разные профессии, стала освобождённым бригадиром на участке, то есть, если кто-то по каким-то причинам не вышел на смену, мама работала на его станке. Маму слушался весь мастерский участок, а её слово было законом для всех. В конце рабочего дня она лично докладывала начальнику цеха, как прошёл очередной день на участке, сколько было выпущено продукции. Когда маме приходилось работать на новом месте, начальник

цеха лично делал для неё подставку из ящичков и скреплял её. Дело в том, что мама небольшого роста. Со стороны кажется, что мы с ней одного роста: я, девятилетний мальчик, и моя мама – мать троих детей. И мне уже не подходят мамины тапки, у неё размер тридцать второй, а у меня тридцать пятый.

Тётя Миня про мою маму говорит всегда «мал золотник, да дорог». Тётя Миня попала на завод почти через год после начала войны. «Ох и намучились мы тогда втроём – я, моя мама и маленький Сёмочка, – вспоминала тётя Миня. – За год мы побывали в Ташкенте, и в Андижане, и в Сызрани, и слава богу наконец оказались здесь, среди своих», – говоря «среди своих», она имела в виду мою маму. Когда-то до войны, они жили в одном городе, в нашем Бобруйске. Ходили, как оказалось, в одну и ту же школу, в одну и ту же булочную, на один и тот же рынок. Правда, мама моя до войны успела получить аттестат зрелости и закончить политехнический техникум, а тётя Миня еле одолела семь классов, а ей больше и не надо было. «К учёбе у меня особого таланта не было, – жаловалась она. – А вот что-то упаковать, выгодно что-то продать – это уже всё моё, да и маляр из меня до войны тоже получился неплохой. Начальство всегда меня хвалило».

На заводе у неё ни на одном процессе никак не могла освоиться. Даже не пыталась, да и с учёбой были одни только неприятности. Она, крупная баба под сто килограммов, то болт сорвёт с резьбы, то заготовку зажмёт не по центру. Начальник участка только смотрел на тётю Миню и качал головой. «Впервые, – говорил он, – я вижу такого бестолкового человека, хуже работающей детворы, что с ней делать, я не знаю». И тут моя мама предложила попробовать

отправить её на склад, и по тётю Миню отправили на склад. Через неделю всё руководство огромного цеха уже не могло просто нахвалиться новой работницей. Она целый день носилась, как мотылёк. Вся готовая продукция была аккуратно сложена на стеллажах, повсюду висели бирки, когда и сколько продукции и кому отбыло со склада. Сколько заготовок прибыло в цех и сколько ещё надо заготовок для выполнения плана.

Тётя Миня не могла поверить, что в нужное время в нужную минуту она повстречала свою землячку, которая для неё стала не только подругой, но и близкой, как родная сестра, и благодаря которой она, со своей нестандартной комплекцией, тоже смогла внести заметный вклад в победу нашей армии над фашисткой Германией.

Вскоре на складе появилось место и для моего старшего, тогда ещё пятилетнего брата Изя. Он, теперь уже благодаря тётю Мине, сидел на складе в уголке на маленьком стульчике, столом у него был большой пустой ящик. На упаковочной бумаге Изя рисовал самолёты и танки и всем говорил, что, когда он нарисует очень много, он их отправит на фронт бить фашистов. Иногда Изе от тётю Мини перепало что-нибудь съестное, то пирожок, то котлетка, неизвестно откуда появившиеся в её сумке. Наигравшись на складе, Изя бежал в цех к маме помогать ей. Он подтаскивал к станку нужные заготовки и складывал их возле мамы. Эту «помощь» мой брат вспоминает до сих пор: от излишнего старания надорвался на «игре с металлическими заготовками» и до самой старости ходил с резиновым бандажом, предохраняющим его от выпадения грыжи.

Среди разрушенных войной многих домов дом и сад тёти Мини остался целым и невредимым. Старые вишнёвые деревья вымахали за эти годы выше крыши. С самой верхушки деревьев вишни даже никогда не снимались, так как вишни, которые были усыпаны деревья, с лихвой хватало тёте Мини, чтобы продавать корзинами на базаре и на собственные нужды (варенья, компоты, наливки). Мне иногда разрешалось залезть с бидоном от молока на шее на самый верх дерева, что для меня не составляло никакого труда. Я за полчаса собирал целый бидон сладких вишен, конечно, не забывая и о своём рте. За один такой день я наедал вишнями за всё лето.

Муж тёти Мини работал посменно на каком-то заводе и всё свободное время проводил на огороде, каждый раз придумывая всякие новшества. Например, он вдоль забора скотил гвоздями длинные доски лесенкой, засыпал их землёй и посадил на них клубнику, причем на каждые две ступеньки с этой чудо-лестницы клубника созревала в разное время. Разные сорта клубники ему по заказу привозили из Украины, из Прибалтики и даже из Финляндии. Спелую клубнику они ели с июня по сентябрь. В середине сентября уже и мне разрешалось последнему собирать урожай. Я аккуратно раздвигал кусты и умудрялся после всех собрать ещё для себя целый бидон клубники.

Второе новшество мужа тёти Мини состояло в том, что он высаживал специальные сорта огурцов и капусты рядом, и когда капуста начинала сворачивать в кочан свои листья, а на ветках огурцов появлялись первые маленькие огурчики, он клал огурчики прямо с ветками в середину листьев капусты. А в середине сентября кочаны капусты убирали с огорода на

хранение в погреб. К первому января к удивлению встречающих в их доме Новый год разрезали капусту и из неё доставали из каждого кочана по несколько свежих ароматных с пупырышками огурчиков.

Поздние помидоры тоже были украшением новогоднего стола. Снятые аккуратно с куста их погружали на мгновение в расплавленный парафин, давали высохнуть и за хвостики подвешивали в кладовке. Ещё муж тёти Мини отправлял в свой погреб на хранение сладкие арбузы, обмазывая их перед длительным хранением глиной и дав ей хорошенько высохнуть на солнце. Какие получались арбузы к новому году мы с мамой не знали, так как их никогда не пробовали, но хорошо знали огурчики и помидоры.

Однажды я даже написал стихи про огород тёти Мини. Они, правда, еще детские, но мне приятно об этом вспомнить:

Я сижу на вишенке,
Не могу накушаться,
Тетя Миня говорит,
Надо маму слушаться.

Помидоры тети Мини
Хранят долго в парафине.
Для огурцов капуста, как кровать,
До года нового в капусте можно спать.

Если тётя Миня клубничку захочет съесть,
Ей вначале на забор надо залезть.

Тёте Мине так понравились мои стишки про её огород, что она меня за них поцеловала и дала домой полсетки всякой всячины: немного помидоров, огурцов, и даже полпакета арбузных белых семечек. Я раньше

не представлял, что белые семечки растут не как чёрные в подсолнухах, а на земле в огромных арбузах.

Если вы когда-нибудь бывали в нашем Бобруйске, то, конечно, знаете аптеку на углу улиц Бахарева и Социалистической. Вход в аптеку со стороны улицы Бахарева, а со стороны улицы Социалистической есть большой въезд во двор между аптекой и длинным кирпичным одноэтажным домом. Во двор каждый день заезжают всякие машины, разворачиваются и останавливаются почти вплотную с боковой стороной одноэтажного дома. Всякие медикаменты в аптеку разгружаются очень быстро, а вот осенью машины с яблоками стоят и ждут своей очереди для разгрузки. Иногда по три-четыре машины. Дело в том, что под аптекой находится очень большой склад для продуктов. В него на грузовых машинах завозят в основном яблоки из блажащих сёл и деревень.

Машины с яблоками разгружались обычно очень медленно. А мы, пацаны, залазили на дом и сверху наблюдали за работой грузчиков, а потом приступали и сами к разгрузке. На длинные резинки мы привязывали каштаны и, хорошо их раскачав в воздухе, опускали в машину. Подцепив на иголки скорлупы каштана яблоко, а иногда и два, мы быстро затащивали их к себе на крышу.

Одни грузчики грозили кулаком и обрывали наши каштаны вместе с резинкой, другие улыбались нашей смекалке и даже сами подцепляли для нас на наши каштаны самые большие и самые спелые яблоки. Набрав несколько сеток яблок, мы спускались с крыши. Одну сетку мы обычно прятали у кого-то в сарае, хозяева которого не закрывали его на замок. Это для того, чтобы набегавшись, смогли немного перекусить.

Домой относил яблоки только я один. У Толика мама были учительницей, и он никогда ворованное яблоко даже не положит себе в карман. Помогал он таскать нам яблоки просто для своего интереса.

Второго моего друга, Олега, за ворованные яблоки мама била по спине половой тряпкой: «Тебе что, дома уже кушать нечего? – ругала она его. – Если ты захочешь яблок, скажи мне, я куплю тебе на базаре хоть целый килограмм». Потом она садилась на табурет и начинала плакать по-настоящему, из глаз её ручьём лились слёзы. «Ты у меня, Олежка, один единственный на этом свете. Я не хочу, чтобы из тебя вырос вор».

Я за свои яблоки тоже получал большой нагоняй и от родителей, и от брата Изи. А потом, когда мы с братом за столом столовыми ложками уплетали вкусные пенку от яблочного джема, я, как герой и настоящий кормилец, говорил всем, что на этот раз получил свой *клэп* (наказание) за две большие трёхлитровые банки джема, которые пригодятся нам в длинную холодную зиму. А яблоки в этом году я больше таскать не буду, они мне уже не нужны.

Есть у меня ещё один друг, Виталька. Он мой одногодка, ему, как и мне, скоро будет девять лет. Отец его Данилка – пьяница, а мама и обе сестры ему оказывается совсем не родные. Новая мама Витальки – наша соседка с третьего подъезда тетя Фрося, работает медсестрой в санэпидемстанции. Замужем она почему-то никогда не была, а откуда у неё появились две родные дочери, никто из соседей так и не знал. Говорят, что девочки – точная копия её постояльца Тимура из Азербайджана, каждый год привозившего в Бобруйск всякие экзотические фрукты – хурму, манго, мандари-

ны. Тимур снимал угол для себя у Фроси, складывал в этот угол ящики с фруктами, там же и спал на раскладушке. Я себе просто не представляю, как это твои родные дети могут быть похожи на чужого дядю. Дочери Фроси сейчас уже взрослые. Светка учится в сельхозтехникуме на бухгалтера, а Тамара уже где-то работает, а по вечерам бегаёт с соседними ребятами в парк на танцы.

Данилка работает на стройке водопроводчиком. Один раз он, по просьбе Фроси, провёл ей в квартиру водопровод. Работая после основной работы каждый день у соседки, он к ней так привык и пригрелся, что решил остаться у неё жить навсегда. Фрося говорила, что как только в квартире появился Данилка, у неё сразу открылись глаза, и она сразу почувствовала себя уже не служанкой на побегушках у своих дочерей, а настоящей ещё совсем молодой женщиной. Данилка был мастером на все руки, мог сам, если надо, и ремонт в квартире сделать, и дрова где-то достать, и в магазин лишний раз сходить. «Только дай ему деньги и напиши, чего и сколько надо купить. Мне и мои девчатам через день покупал шоколадные конфеты. Скажите, что мне незамужней женщине ещё надо?»

Однажды Данила привёл в дом к Фросе своего годовалого сына Витальку. До этого он жил в деревне у бабушки – престарелой мамы Данилки. Куда девалась настоящая мама Витальки, даже сам Данилка не знает. С первых же дней Фрося невлюбила ребёнка. «Чёрненький, кудрявенький, похож на еврейчика, целыми днями носится по квартире, всюду залезает, все перетрогает, всё перепачкает. Мало мне этого, так его ещё надо и обстирать, и переодевать каждую минуту». Фроська сама уже не помнит, когда ей в последний раз приходилось так бегать за своими

девочками. «Аппетит у этого малого, дай бог, каждому, не успеешь его накормить, как он снова ходит за тобой по пятам и знает зараза всего два слова, да какие – мама, дай, мама, дай. Какая я ему мама? Чтобы не орал, всуну ему в руки чёрствый кусок чёрного хлеба. На, жри, обжора. И что вы думаете? Через полчаса он, как хвост, опять бежит за тобой и опять – мама, дай, мама, дай! Просто спасу от него нету никакого. Каждый день стирай его испачканные трусики. А малец чужой, не то, что свой, родной, признаюсь, я ужасно брезглива». Иногда перед своими подругами по работе она признавалась: «Как это некоторые бездетные пары усыновляют чужих детей? Ведь как ни старайся, сколько в него ни пичкай, всё равно чужой остаётся чужим. За Виталиком я раньше бегала только ради Данилки. Данилка мне всем подходил – и свои характером, и добрым сердцем. Даже когда в получку он приходил домой в стельку пьяным, я ему тоже была рада. Он никогда не буянил, как некоторые. Всегда лез целоваться. Фросенька, милая, поверь мне, я тут ни в чём не виноват, это мои друзья. Вначале я хотел с друзьями по работе выпить всего одну бутылку на троих. Что это да доза для нормального мужика – капля в море. А тут этот Федька зараза поставил на стол ещё одну бутылку домашней водки. Ну и чтобы не ударить в грязь лицом, я достал из своей сетки три бутылки пива, которые я купил домой в честь получки. Вот нас и разнесло. Поверь мне, я так напился в последний раз. С завтрашнего дня больше не пью, в рот больше не беру ни грамма. Можешь даже мне и не предлагать». – «Верю, верю, – отвечала Фрося. – Иди уже спать, горе ты моё луковое», – и, провожая Данилку до кровати, на ходу чистила ему карманы брюк от остатка получки.

К Витальке Фроська ещё долго не могла привыкнуть, а однажды даже решила от него совсем избавиться. Сама твёрдо решила, даже не сказав своим близким подругам ни слова, приступила к своему коварному плану. Каждый день, когда оставалась дома одна, она раздевала Витальку и срочно начинала купать. Наливала в большую ванну не подогретую на керогазе воду, а только что принесённую из колонки ледяную, и сажала в неё Витальку. Вначале малыш от холода полуоткрывал рот и хватал ртом тёплый воздух, а потом быстро-быстро, без перерыва бил по воде руками и ногами, разбрызгивая воду во все стороны и заливая всё вокруг – и пол, и стены, и кушетку, и саму Фросю. После купания Фроська, насухо вытерев мальчика, одевала его во всё чистое и сухое, потом целый день ждала, когда уже этот чужой противный малыш для начала получит хотя бы воспаление лёгких, ну хотя бы для начала простуду или сопли под носом. Но как говорят подруги по работе, чему быть, тому не миновать. Так было и с Виталькой – ни одна простуда так к нему и не пристала.

В отличие от нас, маменькиных сынков, спешащих в школу в тёплых лыжных костюмах, в шапках ушанках и в пальто, Виталька по дороге обгонял всех в одной рубашке без головного убора и, в отличие от нас, у него редко текли из носа сопли.

Учился мой друг на одни пятёрки, совсем не напрягаясь. Домашние задания он успевал всегда сделать уже в школе прямо на уроках, а если не успевал, делал на переменах, в то время как мы носились по двору, как угорелые. На родительских собраниях Фроську всегда хвалили за отличное воспитание сына и ставили её в пример остальным родителям. Иногда даже просили поделиться своим

опытом в воспитании сына, и она, краснея от повышенного внимания к своей особе, с удовольствием делилась своим опытом. «Утром, перед работой, мы с мужем вместе проверяем Виталькин портфель и сделал ли он все уроки. Вечером он нам рассказывает, как прошёл его очередной школьный день. Так что, дорогие мои родители, Виталькины пятёрки мы зарабатывает всей семьёй, я и мой муж, и наш Виталька».

Если к её рассказу о сыне добавить, что по утрам он сам заправлял свою кровать, мыл посуду, без всяких просьб заносил в квартиру дрова, то скажите, как такого мальчика можно было не любить?

И Фроська постепенно, сама того не замечая, не только привязалась к нему, но даже полюбила. А её любимые доченьки стали упрекать мать: «Мы тебя уже перестали понимать. Неужели тебе этот чужой пацан стал ближе, чем мы». И Фроська отвечала: «Вы все для меня одинаково дороги и любимы. И я очень счастлива, что у меня есть и вы, и наш Виталька».

Сейчас пять тридцать утра. Я уже ворочаюсь в кровати, мне давно уже не спится. Я, как мой папа, привык рано вставать. Папа вообще встаёт каждый день в четыре часа утра и идёт пешком далеко-далеко, почти в самый конец нашего города, к конюшне, где отдыхает наша кормилица белая лошадь по кличке Машка. Папа каждый день чистит её специальной щёткой, подсыпает в кормушку целую упаковку овса, специально для Машки принесённую из дома, потом подождёт, пока она поест, и запрягает её в нашу подводу.

Папа, кроме основной работы, всегда хочет что-то подзаработать, чтобы его основной небольшой зарплаты вместе с дополнительным заработком нам хватало и на еду, и на одежду, и на дрова. Поэтому он до своей основной работы подвозит загородных жителей на базар. Основная папина работа – это подвозить к ларькам ящики с шипучей водой и пивом, а также продукты для столовой. Папа сам и водитель, и грузчик, и экспедитор. Некоторые ящики и бочки бывают очень тяжёлыми, он их заталкивает и снимает с подводы по специальной доске. К примеру, бочка с селёдкой весит больше 100 килограммов. Бидон с молоком, сметаной – 50 кг. Мясо больше пятидесяти. За день папа очень устаёт, поэтому почти всегда в восемь часов вечера уже ложится спать.

В пять часов утра папу с полными корзинами яблок, груш, помидоров, ягод и другими дарами леса уже поджидают жители загородных домов и огородов. В пять тридцать папа разносит корзины по базару и едет домой – до основной работы успеть позавтракать.

А я в это время выбегаю во двор, подхожу к Машке и глажу её по морде. Она в ответ ласково смотрит на меня, а потом начинает обнюхивать мои карманы, знает, что у меня для неё всегда припрятаны гостинцы: пара кусочков хлеба, а иногда один или несколько кусочков кускового сахара. Машка осторожно своими губами берёт у меня из рук эту еду. И я немного покормив её, бегу на середину нашего двора, на траву полежать и поговорить с моим другом Виталькой. Он в нашем доме самая ранняя птичка и уже давно лежит на траве, любит проплывающими над ним облаками. Ну а Машка в это время поворачивает в мою сторону голову и провожает меня своим взглядом.

– Смотри, Лёвка, смотри на небо! – говорит мне друг. – Это плывут совсем не облака, а герои наших сказок. Вон, смотри, смотри, мимо нас проплывает Кощей Бессмертный, а вон вместе над нами два великана, а за великанами мчится в своих сапогах-скороходах маленький Мук. Смотри, и он уже почти догнал великанов.

– Точно, точно, – подыгрываю я Витальке. – А вон, видишь, на большом облаке плывёт Рике Хохолок со своей красавицей принцессой.

– А за ними, смотри Лёвка, три огромных льва тащат сани, в которых сидят и стеклянный человек рядом с Михеем Великаном из сказки «Холодное сердце», а напротив Белоснежка и семь гномов.

– А рядом, посмотри, на круглом облаке, да куда ты, Виталька, смотришь? Прямо над нами с моей стороны! – кричу я на ухо Витальке. – Проплывает целый город. И что ты в нём видишь? Смотри, посередине огромный торт из шоколада, конфет, мармелада и зефира, а вокруг него из четырёх фонтанов бьёт струя лимонада. А рядом огромный бассейн, наполненный вкуснейшим мороженым, а вокруг него множество золотых ложечек. Ты никогда не ел мороженое золотой ложечкой? Совсем другой вкус.

– А откуда ты это всё знаешь? – удивился Виталька.

– А я вчера побывал на этом облаке.

– Как?

– А очень просто, во сне. Смотри, Виталька, – продолжаю я мечтать. – Смотри, сколько кругом вокруг фонтанов веселится народу. Там нарядно одетые армяне и греки, евреи и французы, русские и украинцы, – в общем, весь люд, который только

встречается на белом свете – из-за всяких войн на земле и людской несправедливости попавших преждевременно на небо за облака. Люди всех национальностей там за облаками, на небе обрели любовь и счастье, которые плохие люди помешали им найти на земле.

– Послушай, Лёвка, а ты в Бога веришь? – подперев свою голову ладонью, спросил друг.

– Не знаю – честно ответил я.

– А я вот верю. Вот посмотри. Я прочитал в газете, что Скандинавский полуостров самый северный в Европе и там по идее должно быть холодно, как на Северном полюсе. А на самом деле, чтобы там зимой было не очень холодно, этот полуостров омывают тёплые воды Гольфстрима. На этом полуострове есть всё необходимо для проживания людей. Там есть самая лучшая в мире железная руда, лучший в мире каменный уголь, а вокруг в океанах много разной рыбы. А почти рядом в Нидерландах при относительно холодной зиме выращивают самые красивые в мире тюльпаны.

Он замолчал, а потом снова спросил:

– А ты, Лёвка, был хоть раз в лесу? Да? Так там растёт много съедобных грибов, орехов, ягод. Даже в болотах растёт клюква. И протекает много небольших ручьёв с чистой прохладной питьевой водой. Скажи, кто это всё создал? Человек? Нет, Бог. Чтобы люди и звери никогда не голодали и никогда не страдали от жажды.

А на Дальнем востоке, где зимой всегда сильные морозы, снежные заносы и разные цунами, да такие, что невозможно выйти на улицу из земли бьют гейзеры (горячие струи воды), которыми люди обогревают свои дома. Скажи, что такое смог бы придумать, кроме бога?

Никто. А люди смотрят на все эти божьи дары и у них от жадности загораются глаза. Заходят они в рыбный магазин покупают по четыре баночки икры, чтобы пятую получить бесплатно. А некоторые даже зло шутят с продавцами: «А когда уже в магазине будет уже все наоборот? Одну баночку икры мы покупаем за деньги, а четыре вы даёте нам бесплатно». А представляешь, Лёва, если бы не ловили из-за икры большую рыбу и дали возможность из каждой икринки превратиться в огромную рыбину. Всё бы человечество избавилось от голода.

– Скажи, Лёвка, – продолжает фантазировать друг. – А это разве не чудо, что семян, засыпанных землёй или песком и политых дождём, вырастают овощи и фрукты, разные по вкусу и по цвету. Вырастает кислый лимон и сладкий арбуз, душистый перец, персики, вишни, груши, яблоки, в которых есть много полезных витаминов. Что скажешь, это всё плоды рук человеческих? Нет, это всё создал для людей Бог. Скажи, а запасы в земле на долгие годы разных ископаемых, нефти, газа, воды, ледяной чистой или очень горячей, кто это сотворил? Человек? Нет, это опять создал Бог. И как люди пользуются этими богатствами? Не знаешь? Так я тебе скажу. На земле с каждым годом появляется всё больше и больше бедных и богатых. Одни люди всю жизнь живут на улице, не имеют своего жилища, а другие имеют десятки огромных дворцов по всему миру. В одних семьях дети сразу становятся миллионерами, даже миллиардерами, а в других, в бедных семьях, чтобы выжить, приходится с детских лет много трудиться. Редко кому из таких детей, даже вундеркиндов, удаётся доказать, что они талантливые.

Я, Лёвка, когда вырасту, обязательно сделаю так, чтобы талант и трудолюбие ценились выше всяких

богатств. И запрещу работу всяких слуг, секретарей, уборщиц, садоводов, кухарок, домашних воспитателей. У тебя пять дворцов и тебе для их обслуживания не хватает рук, отдай их другим, кто нуждается в жилье, а сам переходи жить в обычную квартиру. Сам закатай рукава и вперёд. И ещё самое суровое наказание я узаконю для тех, кто постоянно натравливает народ на народ, изготавливает и продаёт огромное количество оружия, заставляет людей убивать друг друга, при этом увеличивая свои несметные богатства. Мне кажется, что в моей борьбе с несправедливостью Бог мне поможет.

Вот такой был у меня друг Виталька. Жаль, что моя дружба с ним не получилась такой, как я бы хотел – крепкой, мужской, на всю жизнь.

Где-то года через два семья Витальки переехала жить в новую благоустроенную квартиру. Вначале изредка я ходил к нему в гости, смотрел у него кино по телевизору. Родители друга одни из первых в городе купили телевизор, ещё с малюсеньким экраном. А потом мама не разрешила мне ходить к другу, так как она очень волновалась, когда я должен был переходить проезжую часть дороги в четырёх местах. Да и одну её, не совсем здоровую, с маленьким Яником, надолго оставить было нельзя. Иногда случайно встречаясь с Виталиком, мы оба по-прежнему были очень рады друг другу, но особых тем для разговора, к сожалению, у нас уже не было.

Ещё одной необычной личностью нашего двора был Марченко Валерка из второго подъезда. В отличие от всегда аккуратного Витальки Валерка мог щеголять по двору в чём угодно: и в малиновых маминых тапках,

и в какой-то не по размеру большой мужской рубашке, а летом в жаркую погоду вообще бегать в одних трусах. У Валерки сопли под носом текли круглый год – и в тридцатиградусный мороз, и в тридцатиградусную жару. Мне припомнились слова из песни – «я б милого узнала по походке». Так и наш сопливый Валерка, его и искать никогда не надо. Найду самого сопливого, и это точно будет он.

Утром, ещё полностью не проснувшись, Валерка уже думал, чтобы такое интересное сделать, чтобы в очередной раз повеселиться. Нас он не трогал. Во-первых, мы, пацаны, почти всегда играли вместе, а во-вторых, потому что за малейшую провинность могли его поймать уложить на землю и хорошенько отметились, несмотря на то, что Валерка был постарше нас и почти на голову выше всех пацанов.

Вот и сегодня Валерка сначала зацепился за подводу моего папы, и за ней, зацепившись, пробежал почти целый квартал, потом залез сзади на подводу и с удовольствием немного прокатился, но испугавшись, что так можно заехать далеко от дома, решил на ходу соскочить и, споткнувшись, зацепился за бордюр и носом уткнулся в самую грязь после тёплого летнего дождя. Пришлось ему срочно помыться под ближайшей питьевой колонкой. Он воткнул небольшую палочку под ручку колонки, чтобы вода лилась не прекращаясь, помыл руки, лицо, а потом и слипшиеся от грязи волосы на голове. А потом, даже не пригладив мокрые волосы, с причёской на голове под колючего ёжика, побежал домой. Палочку он не вынул, и вода из колонки большой струёй уже выливалась на проезжую дорогу настоящим ручьём.

Во дворе он первым делом решил подразнить толстую Добу из третьего подъезда. Он постучал кулаком в

её окно и пропищал: «Доба-удоба, как дела? Ты меня сегодня не ждала?»

Доба открыла окно и спросила, кто её зовёт. А потом, догадавшись, что её кто-то дразнит, предупредила, что лучше с ней не шалить. Валерке очень понравилась реакция соседки, и он решил повторить. На третий раз окно резко отворилось и на Валерку вылилось из ведра порядочное количество воды. Но что ему эта вода, если волосы всё равно ещё мокрые.

После Добы Валерке стало ещё веселей. Чтобы не растерять отличное настроение, он забежал в соседнем доме во второй подъезд и постучал на первом этаже кулаком во все четыре входных двери соседей, а сам быстренько поднялся по лестнице на второй этаж. Все четыре двери соседей почти одновременно открылись, и к радости Валерки послышалось: «Здравствуйте, заходите, что вам надо», «извините, у меня на керогазе борщ варится», «мне сейчас некогда, зайдите попозже».

Двери одновременно закрывались. Через пять минут во все двери снова послышался второй стук кулаком, а через полчаса и третий стук. Ну а четвёртый, к сожалению, для Валерки оказался неудачным. Только он успел постучать во все двери, как из одной квартиры выскочил Борис Эткин, взрослый здоровенный парень, (он учился на третьем курсе бобруйского автотехникума и каждый день утром делал пробежки, поднимал тяжёлые гири) и сразу же словил хулигана. В качестве наказания Борис влепил ему три мощные саечки. От боли у Валерки слёзы градом полились из глаз. Немного похныкав, он решил срочно за это отомстить этим противным евреям, которые не дают ему спокойно жить.

А вчера вечером тётя Хава сидела во дворе в беседке, вязала носки и рассказывала соседям, что три

дня тому назад, возвращаясь вечером с площади от своей сестры через базар ей сказочно повезло – *гиахт а миция*. Одна колхозница спешила на автобусную станцию, чтобы уехать последним рейсом домой, времени уже было мало, а в корзине ещё лежали две непроданные хорошие жирненькие курочки. А в автобус с курочками живыми водитель не пустит, оставить их ей не у кого, а продать даже по дешёвке тоже некому. А тут я подошла и просто так от нечего делать стала с этой бабой торговаться. И что вы думаете, эта крестьянка от безысходности отдала мне этих курочек почти даром, за 25 рублей, и это когда в базарный день этим курочкам цена минимум 60-75 рублей. Иду я домой и радуюсь от счастья. А в эту субботу к нам придут гости – дети мои, сёстры с мужьями, братья Гершона. Ой, бабоньки, страшно подумать, как летят годы. Кажется, только вчера я познакомилась со своим Гершоном, а ему в эту субботу уже ровно семьдесят. Так совпало, что в один день и день рождение мужа, и суббота для евреев тоже не простой день. Почему, думаю, не поставить на стол в субботу парочку фаршированных курочек. А мой Гершон курочкам тоже обрадовался, он сразу же пошёл в сарай и за пару минут из двух пустых ящичков смастерил просторную клетку с дверцей сверху. Я вам скажу, если бы не война, из моего Гершона получился бы неплохой матер. Посадила я в эту клетку своих курочек, покрошила им немного хлеба, ложку вчерашней каши, поставила мисочку с водой и целый день ходила и радовалась своему счастью, как малое дитя. А сейчас послушайте, бабы, что было дальше. Утром, даже ещё не умывшись, решила я навестить своих курочек, захожу в сарай, и что я вижу: о горе на мою седую головушку, чем я провинилась перед богом?

Лежат в клетке мои курочки на спине, лапками кверху, и не дышат. Я с криком бегу домой. Мой Гершон в это время только сел завтракать. Я с плачем кричу ему: «У нас такое горе, ты же не представляешь, какое. Околели мои курочки. Представляешь, каких курочек позавчера подсунула мне эта крестьянка!» А Гершон мне в ответ: «Сейчас же замолчи, дура ты моя старая. Тоже горе для нас придумала. Я прямо сейчас пойду и выкину этих дохлых кур в мусорку, а к вечеру принесу новых живых здоровых кур. Он, даже не позавтракав, пошёл в наш сарай. И что он там видит? Действительно в клетке лежат окоченевшие курочки лапками кверху. Гершон внимательно присмотрелся и увидел на дне клетки штук десять красных вишнёвых косточек из наливки. Точно такие, которые он вчера видел и выплёвывал у Ольги – матери Валерки. Вчера Ольга у себя дома угощала его наливкой из вишнёвых ягод за то, что он прикрутил новыми шурупами петли к дверной коробке.

– Ну, зараза! Ну, Валерка, – вслух сказал Герсун. – Этот день ты у меня надолго запомнишь.

А тут вдруг наши куры зашевелились, очухались, стали шатаясь пробовать встать на свои лапки, а спустя пять минут обе поднялись и стали запоем пить из блюдечка воду, громко квохча. По-видимому, так они разговаривали между собой, мол, прежде чем клевать незнакомое, надо хотя бы знать, что это такое и съедобное ли это. В общем, как говорит русская пословица, не зная броду – не суйся в воду.

Хава от радости была на седьмом небе, но не Герсун, который от злости готов был лопнуть.

– С этого Валерки сегодня спущу шкуру, – разозлился он. – Отучу его творить всякие пакости людям раз и навсегда.

– Да не трогай его, холера с ним, – посоветовала я своему Герсону. – Не связывайся с этой скандалисткой Ольгой. А Герсун мне: – Я в войну и немцев бил, не боялся, а сейчас испугаюсь Ольги и прошу этого сопливого Валерку? Что я тогда за мужчина?

В том же день Герсун поймал Валерку и по всем статьям, как говорил он, в полсилы отдубасил его по спине кнутом. Эти в полсилы кнутом хватило Валерке получить на спине несколько кровавых полос, которыми на второй день он хвастался перед всеми соседями, гуляя по двору без майки, в одних трусах.

Ольга в тот же день с криком прибежала к Герсону домой.

– Изверг проклятый! Так избил ребёнка! Я сегодня же заявлю на тебя в полицию. Тебя посадят, и ты сам в тюрьме и сгниёшь.

Дядя Герсун не стал спорить с Ольгой, он подошёл к ней, легко, как пушинку, развернул её и выставил из своей квартиры со словами:

– Если ты не научишь своего недоделанного сыночка вести себя как следует и уважать старших, я в следующий раз этим же кнутом забью до смерти и тебя, и твоего сына.

Ольга жаловаться в милицию не пошла, а Валерка на время немного приутих. А вскоре его, как сына погибшего красного командира, приняли курсантом в суворовское училище. А через три месяца после карантина его уже на несколько дней отпустили домой на побывку. Издалека в военной форме Валерку было просто не узнать. Стройный, подтянутый, ну просто настоящий защитник отечества. В первый же день он ходил по квартирам и, со всеми здороваясь, всем отдавал честь.

– Здравствуйте, тётя Доба, как ваше здоровье?

– Тётя Хава, честь имею. Здравствуйте! Вы меня извините за мои все проделки молодости.

– Дядя Герсун, здравствуйте, честь имею. – Валерка в который раз приложил ладонь свою к фуражке. – Я уже совсем не тот, каким был раньше. Я уже не хулиган, а будущий офицер Советской Армии.

– Смотри у меня, Валерка, – пожимая по-мужски ему руку, сказал Герсун. – Смотри у меня, будущий офицер Советской Армии. Кнут в квартире весит в углу наготове. И он по-прежнему хорошо может пристать по заслугам и к злостному хулигану, и даже к невоспитанному ещё суворовцу.

– Буду стараться быть хорошим офицером, – по-военному отчеканил Валерка и, отдав вторично старику честь, чётко, по-строевому развернулся и чеканным шагом пошёл стучать в квартиру напротив.

Сегодня в нашей квартире людей собралось как в кинотеатре. Если всех пересчитать, не хватит пальцев на руках. Во-первых, в столовой сегодня вся наша семья (кроме папы, он на работе) – это мама, мой старший брат Изя, маленький Яник и, конечно, я, плюс соседка бабушке Хава, плюс тетя Мера, со своей внучкой семнадцатилетней Ритой, плюс бабушка Доба с соседнего подъезда, плюс моя учительница по математике Софья Давидовна. С ней я здороваюсь в школе каждый день, а сегодня она просто в упор меня не замечает, как будто я учусь в другой школе. И, наконец, дедушка Герсун. Все вместе мы печём мацу к празднику Песах. Наш Изя с самого утра занёс в дом две охапки сухих дров, и от выгоревшей первой партии дров в печке уже было полно жара. К ней близко подойти просто невозможно, можно сразу обгореть. А

глаза от большой температуры в печи просто сами закрываются. Посреди комнаты впрыток стоят два одинаковых стола, один наш, другой бабушки Хавы. Все присутствующие, кроме маленького Яника, заняты выпечкой мацы.

Вначале в миске на табуретке замешивается тесто из муки и воды. Я решил тоже, как и все, сделать замес теста, но у меня из этого ничего не получилось. Я вам скажу, что замес теста для мацы не такая уже и простая работа. Каждый день занимаясь спортом, я пока просто не в силах справиться с такой вроде несложной работой.

Я уже давно подсчитал, сколько килограммов мацы нам надо испечь. Получилось вместе довольно большое число – аж 25 кило.

На уже тонко раскатанных заготовках мацы я с Ритой специальными редалемиди на конце с зубчатым колёсиком делаем на заготовке насечки. Пока Рита справляется с одним листом мацы, я успеваю сделать насечки на трёх, а потом ещё помогаю всем остальным. Подношу кому-то муку, кому-то воду. А ещё осторожно, чтобы не сломать, отношу уже испечённую мацу в спальню и складываю её каждому по замесам на чистую простыню.

Вначале у печи стоял дедушка Гертун, он наматывал на длинную палку уже раскатанную заготовку мацы и отправлял её далеко в печь, а через несколько минут доставал из печи уже готовую мацу. Выпечка мацы шла у нас как по конвейеру. На столах запасов раскатанных заготовок места не было.

После второго замеса все женщины единогласно решили освободить от замесов теста мою маму. В-первых, она быстрее всех раскатывает тесто, а во-вторых, замес теста – это работа не для маминого

миниатюрного телосложения. И ещё все решили, чтобы маленький Яник не путался под ногами, отправить его с Ритой на улицу.

Через два часа у дедушки Герсуна заныла нога, – ранение ещё во время войны, и он своё место у печи вынужден был уступить бабушке Хава. И в это время зашёл к нам посмотреть, как мы работаем, брат тёти Меры дядя Исроэл. Конечно, он зашёл не просто так, он захотел пробросить испечь и ему пять килограммов мацы к Песаху.

– Ну, раз человек просит, надо его уважить. Подумаешь, ещё какой-то час работы, – посоветовала всем самая добрая всегда для всех баба Доба.

Но тут бабушка Хава, промокнув платочком свой вспотевший лоб, вначале посмотрела на дядю Исрола, а потом, расставив свои руки, как петух крылья на испуганную курицу со злостью сказала:

– А это в честь чего я просто так должна печь мацу для тебя? Кто ты такой мне? Родственник, член обкома, какой-то министр, что советуешь мне, что делать, кому и зачем?

– Никакой я не министр и не член обкома, – удивлённо пожав плечами, опустил обиженно голову Исрол. – Вы ведь знаете, что я являюсь членом партии и работаю в парткоме большого завода с людьми. Что подумает моё руководство, если узнает, что я, коммунист, член парткома сам себе пеку мацу и собираюсь вместе со своими родственниками отмечать религиозный совсем не русский праздник, какой-то Песах? Меня просто попросят положить на стол мой партбилет и выгонят из партии. Как я тогда буду жить? Где работать? Как я буду людям смотреть в глаза?

Все женщины удивлённо уставились на Исроэла, а моя мама единственная по-настоящему посочувствовала ему:

– Ну что ты, как ребёнок, расплакался перед нами, бабами? «Выгонят меня из партии. Как я тогда буду жить? Что буду делать?» Успокойся! Выгонят – так выгонят, без работы не останешься. Возьми в руки любую газету. Всюду требуются рабочие: и столяра, и слесари, и токаря, и даже мастера в цеха на руководящую работу. В общем, как пишут в книжке для детей: «Есть много работ разных. Выбирай на вкус».

Знаете, я раньше думал, что школьные учителя – самые спокойные и уравновешенные на свете, особенно учителя по математике. И тут признаюсь, очень ошибался. Математичка Софья Давыдовна после слов моей мамы просто подскочила со скалкой к бедному Исролу и, размахивая ею, словно шпагой (мне даже показалось, что она хочет этой шпагой нанести бедному Исролу удар по голове), с выражением сказала:

– Я тоже не совсем согласна ещё оставаться и печь для кого-то мацу, пусть даже для брата уважаемой мной тёти Мери. – И продолжила: – Дело в том, что в пять часов вечера я должна забрать своего внука из детского сада. Если до садика я успею помочь печь мацу, тогда пожалуйста, я помогу с удовольствием. А сейчас, мой дорогой Исрол, я советую тебе особенно не кичиться своей партийностью, а скинуть свой френч и рубашку и встать вместо Хавы к печке. Ты должен понимать, что стоять у печи долго и печь мацу – это, во-первых, далеко не женская работа, а во-вторых, без Хавиных рук на раскатке мацы мы никак не успеем за день испечь мацу даже для себя.

Вернувшись на своё место, Софья Давыдовна добавила:

– Ох уж эти еврейские коммунисты! Что за люди – всегда всего боятся, боятся кому-то о чём-то серьёзном сказать. Даже боятся один раз в год по-настоящему по-еврейски, как положено, с мацой и фаршированной рыбой встретить наш главный еврейский праздник и выпить, как положено, по-мужски, за наше благополучие пять стаканов вина.

Несколько минут она молчала, раскатывала очередную заготовку мацы, потом о чём-то вспомнив, вдруг улыбнулась и сказала:

– Знаете, девки! Раньше моему Мотулу выпить за вечер на Песах пять стаканов вина было далеко не предел. Он с моим братом Сёмой могли за вечер добавить ещё по несколько стаканчиков. А сейчас под старость сильно сдал. В прошлый Песах он после четвёртого стакана заснул прямо за столом и проснулся поздно вечером, когда наши гости – мой брат с семьёй и сын с невесткой – уже давно разошлись по домам. И что вы думаете, было дальше? А дальше мой Мотул опять уселся за стол и попросил, чтобы я подала и кусочек фаршированной рыбы и куриный бульон с мацой и любимый салат... И ещё, догадайтесь, бабы, чего? Чтобы я налила ему пятый стакан вина. А когда я сказала, что мне кажется, ему сегодня хватило и четырёх выпитых, он очень на меня рассердился и обиженный поднялся из-за стола.

– Я что для тебя уже не мужчина? – сказал Мотул. – И не могу хоть раз в году за благополучие моей семьи выпить положенных пять стаканов?

– Мужчина ты у меня, Мотул, конечно, мужчина. Садись, мой хороший, за стол и подвинь к себе

поближе закуску, а я, смотри, наливаю тебе пятый стакан вина, да и себе наливаю за компанию.

Как вы думаете, что делал в это время дядя Исрол? Слушал мою учительницу Софью Давыдовну? Обиделся на наших всех женщин и наговорил им всяких гадостей? Хлопнул дверью и ушёл? Всё к вашему огорчению было не так. Дядя Исрол, глубоко вздохнув, скинул свой френч, затем рубаху и хотел было уже взять из рук бабы Хавы длинную палку для выпечки мацы, но баба Хава, держа ещё крепко эту палку, вдруг другой рукой обняла Исрола за талию и, глядя влюблёнными глазами ему в глаза, пропела ею же с ходу сочинённую частушку:

Коммунист мой коммунист,
Положи меня под низ,
Утром встану, погляжу,
Хорошо ли я лежу.

Все весело заулыбались, а Исрол, махнув рукой, взял у бабы Хавы палку и приступил к работе.

– Скажите мне, девки, простой безграмотной бабе, – замешивая очередную порцию теста, спросила баба Доба, – это чем мы так не угодили русским, украинцам, белорусам, что они так недолюбливают нас и всегда все свои неудачи валят на нас. Кажется, во всех великих делах нашей страны евреи всегда были в первых рядах. Например, революция. Так революцию кукиш, что смогли бы сделать и Ленин, и Сталин, и их друзья большевики, если бы не наш еврей Троцкий. Это только он сумел заставить царских генералов из способных солдат, таких как Будённый, Ворошилов, Фрунзе, Чапаев, Щорс, и другие, в кратчайшие сроки подготовить командный состав нашей Красной Армии.

А вспомните Свердлова, Урицкого. Наконец, молодого писателя Бабеля, с шашкой в руках скачущего в первых рядах конницы Будённого. А назовите мне хоть одну большую стройку в нашей стране, которая была бы построена без евреев.

– Ты, Доба, постарше всех нас и умнее, – вступила в разговор тётя Мера. – Действительно наши евреи во всех делах всегда правильно понимали политику нашего государства и всегда были там, где нужны были их горячие сердца и умелые руки, будь то великая стройка, научное открытие, оборонная промышленность, медицина, воспитание подростков, а когда надо было – наши мужчины шли на защиту нашей Родины. Но скажите мне, что еврейский народ получил взамен своей любви и преданности? Единственное, чем могут нас отблагодарить братья-славяне за нашу преданность, это повесить на нас все свои неудачи. За что можно любить евреев? За то, что они могут иногда из последних сил работать весь световой день, за то, что не пьют в огромном количестве водку, за то, что не скандалят, как подвыпившие славяне в своих семьях. За то, что благополучие в их семьях для них превыше всего. За то, что в своих профессиях стараются добиться совершенства. За то, что не предадут своих друзей, за то, что всегда и во всём можно смело положиться на них. За всё это и устраивались большие погромы и в Одессе, и в Киеве, и в Гомеле, и в Кишинёве, и в других полуеврейских городах. Вспомните, как во время войны наши близкие соседи, с которым мы десятилетиями жили в одних домах, дворах, спасая свои шкуры, выдавали фашистам евреев, которые не успели вовремя уехать или спрятаться, а в Прибалтике местные полицаи не только разыскивали и выдавали

евреев, но и сами их расстреливали. И это всё было в стране, где все вместе, сообща строили социализм, где по советским законам люди всех национальностей, живущие в нашей стране по нашим законам, считались братьями и обладали равными правами.

– Может, Мера и права, – снова заговорила баба Хава, – но нам всё же грех жаловаться на свою судьбу. Война уже давно закончилась, живём мы, слава богу, не на улице, дети наши сыты и обуты. Внуки ходят в школу, а кто ещё в детский сад, а способные дети учатся даже в университетах. И многие евреи чего-то солидного в жизни тоже добиваются. Вот моя золовка Маня, вы все её хорошо знаете, работает врачом в нашей больнице, а её муж Арон – военный дирижёр и в капитанском звании. А муж учительницы нашего Лёвы уже много лет работает в Бобруйске директором большой мебельной фабрики.

Баба Хава замолчала, но тут вступила Софья Давыдовна:

– В нашем Советском Союзе есть среди евреев и учёные, и генералы, и даже члены правительства в самой Москве.

А моя мама сказала, что если бы в наш Бобруйск приехали с концертами такие знаменитые евреи, как Леонид Утёсов, Эди Рознер, или Майя Плисецкая, со своим мужем композитором Щедриным, то все бы евреи, да что евреи, весь наш многонациональный Бобруйск на последние деньги купил бы билеты, чтобы получить удовольствие от таланта и мастерства знаменитых евреев.

Тётя Мера слушала внимательно мою маму и хитро улыбалась.

– Ну что же ты, Сонька, говоришь! Об этом все уже давно знают. А то, что в нашем Бобруйске, где евреев

проживают не меньше половины города, нет даже официальной синагоги, а как было и раньше, так и теперь нет особо большой дружбы между евреями и русскими, украинцами, белорусами. А наши партийные боссы, отцы города, даже в такой мелочи, как выпечка мацы, никогда и не подумали, хоть раз уважить евреев и приказать испечь на нашем хлебокомбинате, не бесплатно, конечно, а за деньги, для большого праздника Песах мацу. И ничто бы от нашего начальства не отвалилось, если бы они через нашу городскую газету, хотя бы раз, поздравили всех нас, евреев, с праздником Песах и пожелали нам всех земных благ.

– Ой, девки, давайте все сюда, – шёпотом позвала к себе баба Доба, скидывая после выпечки всей мацы свой передник. – Послушайте, что я слышала от умных людей. Оказывается, где-то там, в далёкой Палестине, где всегда тепло и совсем не бывает зимы, Сталин вместе с американским президентом уже давно создали чисто еврейское государство, и сейчас евреи со всего света спешат туда переехать жить. Там, в том Израиле, все евреи могут свободно разговаривать даже на улице хоть на идиш, хоть на иврите. А в магазинах есть всё, что твоей душе угодно. И всё так дёшево, что вы не поверите. В общем, девки, Мессия, которого мы все так долго ждали, наконец-то, пришёл и остановился в еврейском Израиле. Поверьте, мне, старой бабе, что совсем близко то время, когда и мы все оставим наши дома и со своими семьями поедем за счастьем в наш Израиль, в наш Иерусалим. Я это чувствую своим бабьим сердцем.

А после обеда, когда испечённую мацу уже унесли по квартирам, за мной зашли позвать меня на улицу мои друзья – Толик Смирнов, Олег Бут и Володя

Вайнберг. Мама угостила нас мацой, смазанной приличным слоем клубничного джема, и мы, сидя во дворе на скамейке, с аппетитом уплетали этот деликатес, мало того, что очень вкусный, так ещё приятно похрустывающий на зубах.

– Знаете, пацаны, а я бы согласился кушать такую вкуснятину каждый день! – сказал Олег.

– А я ем мацу в Песах каждый день, могу кушать хоть целый день с самого утра до вечера, – похвалился Вовчик.

– А я скажу вам: и евреям и русским, и белорусам, и украинцам, и полякам надо по-настоящему дружить семьями, – вытирая платком свои губы, произнёс Толик. – Тогда бы мы все по вечерам могли иногда собираться вместе и пить весь вечер сладкий чай с хрустящей мацой, смазанной толстым слоем варенья, или даже настоящим шоколадом.

А я добавил, что совсем не понимаю всех наших соседей. Почему мы все, живя в одном дворе, даже в одном доме, каждый день разговаривая между собой обо всём на свете, не можем крепко по-солдатски дружить, как наши бойцы разных национальностей когда-то во время войны на фронте.

ГЛАВА 2

В нашем дворе есть два больших каменных дома, а в середине ещё один, деревянный, как игрушечный, с окнами почти у самой земли. В нём проживало всего три семьи. Весь двор с двух сторон окружали одноэтажные сараи для дров, а с третьей стороны – двухэтажные сараи и общественный туалет с четырьмя отдельными кабинками. Отопление в наших квартирах

было печное и с водой тоже не было особых проблем. Вода была рядом в колонке через дорогу.

Восемь семей в наших домах проживало славянской национальности – белорусы, русские, украинцы, в остальных восемнадцати квартирах проживали евреи. И все, независимо от национальности, прекрасно говорили между собой как на русском, так и на идиш.

Наш сосед со второго этажа, муж Наташки Андрей, три месяца уже как вернулся из тюрьмы, где сидел за крупное воровство. Он со своим другом вместе долгие годы работал на мясокомбинате, и однажды стащили и везли домой ночью целую тушу телёнка. Андрей очень хорошо знал язык идиш и часто хвалился своими знаниям перед еврейскими женщинами нашего двора.

– *Сороле, ба мир ду бисту нох таярэ фун гэлт* (Мне ты дороже даже денег). *Лайст мир апор рубл аф зе вайн* (Одолжи мне немного денег на вино).

А потом он полдня шлялся от безделья по двору, и говорил всем, что он очень устал, находясь год в тюрьме, и сейчас должен от неё и от работы хоть полгода отдохнуть.

К тому же, хорошо зная идиш, он постоянно оскорблял мужчин злыми выводами: «Что делает еврей? Потихоньку забивает гвозди?», «Ты дырка от баранки», «У тебя дурная голова», «Все русские немного дурковатые, а евреи все инвалиды»...

Отучил Андрея от его «мудрых поговорок и изречений» дядя Герсун. Однажды он, поздоровавшись с Андреем за руку, так сжал её, что тот от боли опустился перед Герсуном на колени. А Герсун, как игрушку, поднял с земли Андрея и положил его в беседке на стол лицом вниз. Несколько раз с силой поводил его голову по шершавому столу, а потом шёпотом сказал, что если ещё хоть раз услышит от него

его «мудрые» речи о евреях, то сделает его идиотом и инвалидом, и рот он будет открывать только для того, чтобы в очередной раз выплюнуть лишние, мешающие ему нормально разговаривать зубы.

– Понял. Всё понял вас, дядя Гриша, то есть, прошу прощения, не дядя Гриша, а дядя Герсун.

– Вот и хорошо, – сказал Герсун и спокойно, с гордо поднятой головой, как будто ничего и не было, пошёл по своим делам.

Второй инцидент у Андрея произошёл с моим папой. У нас при входе в квартиру слева стоял небольшой одностворчатый шкаф, в котором хранились все папины рабочие вещи: разные куртки, полушубки, ватные вещи для работы зимой на улице, висели старые пальто, свитера, рубашки, а внизу стояли сапоги, валенки, две пары бахил (высокие непромокаемые калоши).

Андрей каждый день заходил к нам по-соседски с кем-нибудь поговорить, в основном с моим папой, о чём угодно – и о погоде, и о работе, и о низкой зарплате, и о политике. входя в нашу квартиру он всегда за руку здоровался с моим папой и спрашивал на идиш:

– *Вост махт а ид? Али гут?* (Что делаешь, еврей? Как дела? Всё хорошо?)

– *Али гут*, – отвечал папа, и дальше беседа шла на русском языке.

Однажды Андрей постучал рано утром, папа ещё сидел за столом и завтракал.

– Абрашка, я к тебе забежал только на одну минутку. Решил показать тебе одну очень нужную вещь. Вот, смотри, какая куртка, с меховой подкладкой, лёгкая и почти новая. Да и почти даром, всего за 25 рублей.

Мой папа сразу узнал свою куртку, в ней он проработал весь прошлый летний сезон. Кстати, в этой куртке во внутреннем кармане лежала и моя путёвка в пионерский лагерь на вторую смену. Папа взял куртку в руки, посмотрел на неё со всех сторон и стал торговаться с Андреем.

– Да какая она новая? Я вижу, что она уже ношенная, с другого плеча, за 25 рублей, да это же грабёж.

– Хорошо, хорошо, Абраша, забирай за полцены. Давай десятку и забирай куртку.

– Смотри, Андрей, а во внутреннем кармане куртки какой-то лежит документ. Это не твой? Посмотри.

Папа достал из кармана куртки мою путёвку в пионерский лагерь, развернул её и сунул Андрею в руки, чтобы он прочил.

Андрей взглянул на путёвку и сразу всё понял, как он по-дурацки пролетел. А папа стал спиной к входной двери, чтобы Андрей не смог выскочить из квартиры, и стал бить своими тяжёлыми рабочими руками Андрея по щекам. Да так, что на его щеках остались отпечатки папиных ладоней. Андрей обхватил руками свою голову, согнулся в три погибели, пробормотал: «Дядя Абраша, извини. Я просчитался», – и, оттолкнув папу, пулей выскочил из квартиры.

ГЛАВА 3

Я не понимаю, почему в кинотеатрах над билетной кассой вешают объявления: «Детям до 16 лет просмотр фильма воспрещается».

Я не понимаю, для чего администрация кинотеатров вешают такие объявления. Если мы – дети, то после просмотра фильма сразу станем террористами, разбойниками или начнём влюбляться подряд во всех

девчонок? Лично я никогда в жизни в никаких девчонок не стану влюбляться. Они все противные и почти все что-то из себя строят.

Например, вчера по дороге в школу я догнал Светку с третьего подъезда и, похлопав её по плечу, сказал, что у неё развязались шнурки на кроссовках. И что вы думаете она остановилась и сказала мне спасибо? Как бы не так. Она обернулась, показала мне язык и треснула меня своим портфелем по башке, а потом сказала мне: «Рыжий, проваливай, это не твоё дело». Так, с не завязанными шнурками, она и пошла в школу.

А Ирка Левина, которая сидит рядом со мной за партой, думаете, лучше? Каждые пол-урока у неё под парту падает то ручка, то карандаш, и ей срочно нужно их поднять. Пока она их под партией найдет и поднимет, она успевает сожрать два-три печенья. Я однажды сказал ей, что, если она будет каждые полчаса так жрать, она так растолстеет, что ни в никакую дверь не влезет. Ирка обиделась, сразу подняла руку и пожаловалась на меня учительнице: «Вера Борисовна, а Лёвка Розин ко мне пристаёт, не даёт заниматься, пожалуйста, пересадите его от меня».

Мой друг Толик Смирнов никогда промолчать не может, даже если это совсем его не касается. Он встал и сказал, что девчонки ничего не понимают – раз к ним кто-то пристаёт, значит, он в неё влюбился.

А наша отличница Верка Ланская вообще обнаглела и говорит мне однажды:

– Лёвушка! Ты не хочешь по дороге домой занести мой портфель ко мне домой? Я хочу зайти на пару минут к Ленке, ей папа подарил новый магнитофон.

Я ей прямо и ответил:

– Твой портфель – ты его и тащи.

Эта Верка, такая хорошая и воспитанная, сразу на меня окрысилась:

– Ты необтёсанный чурбан! Ни одна девчонка с тобой никогда дружить не будет.

– «Счастье большое» дружить с такими занудами, как ты. Все вы ябеды и попрошайки и всегда всё про всех всегда рассказываете. Вам нельзя доверить ни одну тайну.

А насчёт кино, мы, пацаны, на самом деле разбираемся не хуже взрослых. Мы знаем по фильмам много о войне и о лётчике Гастелло, спикировавшего свой горящий самолёт на скопление вражеских танков, и об Александре Матросове, закрывшем своим телом амбразуру дзота, и о Маресьеве, летавшем на бой с врагом без обеих ног. Знаем уже и всё, что надо знать о любви, какой она бывает, с чего она начинается. Начинается она обычно из-за красоты. Все мужчины влюбляются только в красивых, потом начинаются ревность и настоящая борьба за любовь к девушке со своим лучшим другом, и, наконец, сразу появляются откуда-то двухлетние и даже трёхлетние дети, откуда-то их приводят и дают влюблённым на воспитание. Всё это обыденно и ничего в этом интересного нет. И мне совсем не понятно, что в этих фильмах есть такого запрещённого, тем более что мы, дети, ходим смотреть эти фильмы не бесплатно, а, как и взрослые, за деньги и через контролёра.

Но мы с пацанами иногда умудряемся посмотреть почти самые запрещённые фильмы совсем бесплатно. Хотите знать, как? Я вас сейчас научу. Идёт, скажем, такой фильм, на который дети до 16-ти лет не допускаются. Дожидаемся у выхода из кинотеатра окончания фильма и, когда после окончания фильма зрители выходят через раскрытые двери, мы сбоку

протискиваемся в кинозал и там прячемся под сиденья, а когда перед сеансом гаснет свет в зале, мы вылезаем из-под сидения, находим для себя свободное кресло и, как все зрители, только бесплатно, смотрим этот фильм.

Недавно мы с друзьями так посмотрели очень классный фильм «Тарзан». Тарзан, если вы хотите знать, это человек, ещё ребёнком, попавший один без родителей в лес. В лесу он и вырос среди зверей и разных опасностей и стал очень ловким и сильным. Научился быстро лазить по деревьям и мог сам один в схватке победить любого самого лютого зверя.

Мы с друзьями, с Толиком Смирновым и Вовкой Ванбергом, посоветовавшись, решили, чтобы без особых проблем порываться в кинозал на запрещённые фильмы и, как говорит дядя Антон, друг моего папы, что каждый должен в молодости пройти свою школу жизни, сбежать вместе из дома в лес и в лесу самим прожить какое-то время, чтобы научиться, как Тарзан, лазить по деревьям, собирать грибы и ягоды и сами готовить себе еду, пить чистую воду, только из лесных ручейков. Ну а разных зверей – волков, медведей и лис – нам нечего бояться. Мы с собой в лес возьмём каждый по рогатке из крепкой новой резины и полные карманы патронов – шариков из подшипников, их можно бесплатно насобирать на заводской свалке.

Целую неделю мы готовились к побегу. Олег сразу отказался идти с нами. «У меня, – говорит, – дома одна больная мама, и я не могу её надолго оставлять одну».

Ну что же, решили мы, это очень уважительная причина. А Олег – наш друг и будет всегда держать язык за зубами. И начался у нас интенсивный подготовительный период к нашему побегу, то есть сбор продуктов и необходимого инвентаря на первое

время нашего проживания в лесу. Я каждый день по несколько раз приносил в нашу коробку на чердаке по четыре картошки, и ещё принёс из папиного инвентаря ещё с войны котелок, две алюминиевые миски и две ложки. Ребятам я объяснил, что запечённая на костер картошка – это совсем неплохая еда, ею не раз питались многие путешественники, геологи и даже партизаны во время войны.

Олег притащил нам в дорогу четыре тараньки. Его мама говорит, что таранька может храниться даже целый год и не испортится.

Володька стащил из дома целый кружок копчёной колбасы и девять больших сухарей, а Толик из запасов своего папы принёс целую пачку папирос «Север» и три коробки спичек. Когда у нас закончится еда и очень захочется есть, – объяснил он, – нам только стоит затануться по несколько раз папиросой, и сразу пропадёт чувство голода.

А ещё, признаюсь, я первый раз в жизни совершил настоящее воровство. Однажды в обед, когда мой папа приехал домой на обед, а во дворе никого не было, я с полной телеги ящиков с лимонадом стащил и спрятал две бутылки. Толик, когда их увидел, сказал, что вот этого мне делать и не надо было, так как из этого выходит, что не я, а папа украл эти бутылки. Ведь никто не поверит папе, что это не он вытащил из ящика две бутылки лимона, а какой-то вор.

К счастью, ни в тот день, вечером, ни на следующий папа за ужином даже и не вспомнил о пропаже двух бутылок лимонада. Значит, все ему поверили, что этот лимонад стащил не он, а какой-то настоящий вор. А я после этого поклялся сам себе, что больше никогда в жизни ни у кого ничего без спроса не возьму.

И вот, наконец, настал долгожданный день побега. Походные вещмешки наши уже упакованы, осталось ещё, возможно, в последний раз дома пообедать и в путь. Перед обедом я был в гостях у Толика Смирнова. Мама его поставила перед Толиком полную тарелку бульона, в котором плавало от силы две жменьки лапши. Я от приглашения пообедать отказался и побежал к себе домой. Дома у нас готового обеда не было, так как мама ходила на приём к врачу и ей пришлось прождать в очереди почти полдня. В качестве временной перекуски мама отрезала мне краюху чёрного хлеба и густо его намазала гусиным жиром с грибенками (грибенки – это кусочки гусиного мяса вместе с кожей, обжаренные на гусином жиру). Я скажу по секрету, что вкуснее и сытнее этого перекуса просто не бывает.

Мама нам его даёт не каждый день. А только тогда, когда по каким-то причинам не готов вовремя обед.

Ну а Вовка Вайнберг прибежал на чердак ещё с жирными губами, на ходу дожёвывая свой обед.

– Когда нам сегодня ещё придется поужинать? – с важностью солидного мужчины сказал он. – Вот я и решил поплотнее пообедать. – И добавил: – Мама просто сияет от счастья, когда после обеда я у неё прошу добавки.

А Толик, как всегда, подшутил над Вовчиком:

– А ты, Вовка, сегодня просто молодец! Перед самым нашим побегом доставил своей маме немного радости. Посмотрим, как она обрадуется, когда её любимый Вовчик сегодня, завтра, а возможно, даже и через целый месяц не придёт домой ночевать.

В общем, в два часа мы, пообедав, незаметно вышли с нашего двора и пошли с рюкзаками по направлению к лесу.

Прошли мы по мосту реку Березину, пригород Бобруйска, посёлок Титовка и через час и сорок минут оказались на опушке леса. Хотите знать, откуда мы точно знали время? Конечно, вы догадались, что у нас с собой были часы. Вовка догадался взял с собой папины большие карманные часы. Он все равно их никогда не носит у него всегда с собой наручные часы, которые не боятся ни воды, ни ударов, так в инструкции и написано – противоударные.

Толик тут же подтрунил над Вовкой:

– Когда мы вернёмся из леса, уже настоящими Тарзанами, ты дашь мне эти часы на минутку, и я проверю их на прочность, чуть стукну по ним маленьким молоточком. Если они действительно противоударные, то с ними ничего не будет.

В лесу на полянке мы сделали свой первый привал. Вовка сразу же предложил для поддержания наших сил разделить и съесть колбасу, на что я обозвал его обжорой и сказал, что для начала съесть по сухарю тоже достаточно, а попить воды можно и из ручья.

– Как я попью, мне что, надо полностью улечься на землю? – возмутился Вовчик.

– Не надо тебе ложиться на землю. Возьми у меня в рюкзаке две алюминиевые кружки. Что ты за Тарзан такой будешь, если кто-то за тебя будет думать.

Мы подкрепились сухарями, попили воды из ручья, быстро поднялись и бодро зашагали вглубь леса. Уже стало темнеть, когда мы подошли к очень высокой сосне.

– Пацаны, – сказал я. – Давайте все вместе залезем на это дерево. Вместе и веселее, и, когда надо, сможем подстраховать друг друга.

– А места на этом огромном дереве предостаточно, – поддержал меня Толик.

А наш Вовчик, даже секунду не подумав, сказал:

– Я тоже согласен, как все, так и я.

– Тогда полезли наверх, – сказал Толик. – Пока ещё совсем не стемнело.

И мы, цепляясь за ветки, стали взбираться на самый верх дерева. Первый завыл Вовка:

– Я, пожалуй, зря пошёл с вами в лес. Мне в нашем доме, даже если я не буду никогда Тарзаном, жилось совсем неплохо. Неужели, когда я вырасту и стану настоящим Тарзаном, ловким и сильным, я всё равно буду в нашем дворе от всех прятаться и в кинотеатре ждать начала сеанса, лёжа под сидениями.

– Мы тебя не держим, – рассердился я на Вовчика. – Можешь забирать свою колбасу и уходить к себе домой хоть сейчас.

– Ребята, не ссорьтесь, лучше посмотрите вниз, – предложил Толик.

– А что смотреть вниз сквозь ветки? – возмутился Вовка. – Всё равно почти ничего не видно.

– Земли может сверху и не видно, но огромного волка под нашей сосной я вижу очень отчётливо.

– Точно. Я под нашим деревом вижу огромного волка, – обрадовался Толик и скомандовал. – Достать рогатки и патроны и приготовиться в бою.

– Как мы будем стрелять в волка с такой большой высоты? – спросил я у Толика. А Вовчик добавил, что одной рукой стрелять из рогатки невозможно. А стрелять двумя руками, не держась за дерево, очень опасно, можно сорваться с дерева.

А огромный волк в это время стоял под нашим деревом на задних лапах, передними обняв дерево, вертел хвостом и смотрел вверх на нас.

– Что волк хочет? Почему не уходит домой? – спросил я у Толика, и друг спокойно ответил, что волк просто ждёт, чтобы мы уснули, а потом свалились с дерева. Он хочет всех нас троих съесть.

– Хочет, да не может нас достать, – перестав дрожать, уточнил Вовчик, – волки по деревьям лазить не умеют.

– Когда мы заснём и упадём с дерева, волк первым съест, конечно, меня, – опять захныкал Вовчик.

– Почему ты так решил, что первого он съест тебя? – удивился я.

– Потому что я самый толстый и самый вкусный, – и плача добавил: – Моя бабушка Гита каждый день ругает мою маму, что она зря меня перекармливает и толкает в меня всё подряд: и картошку, и котлеты, и отбивные, и вагон салатов.

– Вовчик, перестань ныть, – стал успокаивать Толик. – Волк первым сожрёт меня. Я ем по сравнению с тобой намного меньше, но через день мама готовит нам на обед кролика. А кролик – это тот же заяц, но не дикий, а домашний. А для волка мясо зайца самая вкусная еда. И если от меня пахнет зайчатинной, то волк первого съест меня.

Я тоже успокоил друзей, сказав, что от меня исходит самый приятный запах. Запах свежего хлеба с грибенками.

– К тому же и поменьше вас ростом и могу прямо со своими кедами свободно поместиться в животе этого огромного волка. Ребята, жалеть меня не надо, видно, такова моя судьба. Я вас прошу, как друзей, моей маме про меня ничего не рассказывать. Пусть мои домашние думают, что я скоро вернусь.

– А давайте волку скинем что-нибудь из наших запасов, – предложил Толик. – Он наестся и побежит к себе в логово спать.

– Давайте скинем ему сухари, – предложил Вовчик и быстро побросал вниз сухари. – Смотрите, смотрите, а он, зараза, в еде разборчив, сухари наши даже не понюхал.

– Где вы такое видели, – скривился я в улыбке, – чтобы дикий волк ел сухари? Я читал, что волки едят только мясо.

– Так что ты молчал, когда Вовчик кидал волку наши последние сухари? – обиделся на меня Толик.

– Пока я собирался вам это сказать, Вовчик уже скинул.

– Надо волку срочно бросить колбасу – он её понюхает, как дворовая собака, схватил в зубы и убежит в гущу леса её кушать, а мы быстренько слезем с дерева и тоже убежим в другую сторону. Вовчик, кидай скорей свою колбасу! – приказал Толик.

– Пацаны, так эта колбаса последнее моё кушанье, – вздохнул Вовчик.

– Не твоё, жадина, а наше, – разозлился я.

– А раз ты такой жадина, то первым сейчас пометишь с дерева на съедение волку, – сказал Толик.

Вовка вдруг расплакался, как девчонка.

– Не ной, без тебя «весело», никто не собирается скидывать тебя с дерева, – успокоил я Вовчика.

– Как вы могли подумать, что я для волка могу пожалеть последний кусок колбасы? На, волк! – и он швырнул вниз колбасу. – Ешь на здоровье!

Волк понюхал колбасу, но есть не стал. Он вырыл передними лапами небольшую ямку, положил в неё колбасу и, засыпав землёй, убежал.

– Слава Богу! – облегчённо вздохнул Вовка. – Он понял, что нас достать невозможно, и убежал в лес искать себе новую добычу для ужина.

– Зря ты, Вовка, радуешься, – сказал Толик. – Волк умное животное. Он так просто от нас не ушёл, побежал за своей волчицей и маленьким волчатами. Он посмотрел на нас и в уме прикинул, что троих хватить всей его волчьей семье на хороший ужин.

– Давайте, пока волк со своей стаей не вернулся, слезем с дерева, достанем свои рогатки и, как настоящие мужчины, подготовимся к бою. Если мы нашими металлическими шариками попадём волку в морду, а ещё лучше в глаз, он от боли и страха навсегда убежит, – предложил я друзьям.

Моё предложение Толику понравилось, а Вовка снова захныкал:

– А как мы потом уйдём и куда? Без Лёвкиной картошки и лимонада? Они останутся на сосне в вещмешке?

Настроение нам и готовность к бою номер один портил снова ноющий Вовчик:

– Пока мы в этом лесу станем ловкими и сильными, как Тарзан, мы состаримся и нам может быть уже будет не по девять лет, а по шестнадцать. А после шестнадцати мы уже на любой фильм сможем ходить самостоятельно, пройти в кинозал через парадный вход. А в кинозале под креслами мы уже не сможем даже поместиться, так за эти годы вырастем.

– Так что ты советуешь? Оставляем на дереве свои рюкзаки и идём домой? – спросил я.

– Домой так домой. Ох, и достанется мне дома от папы с мамой, – облегченно вздохнул Вовчик.

– Возвращаться так возвращаться, – сказал Толик Смирнов. – Это лучше, чем мы бы с Лёвкой остались в лесу одни без тебя.

– А почему без меня? – удивился Вовчик.

– Потому что от твоего хныканья мы с Лёвкой тоже возвращаемся домой.

Вовка размазал по лицу слёзы и сунул мне под нос свои часы:

– Скажи, Лёвка, через сколько часов уже наступит утро.

Пока я подсчитывал, сколько времени осталось до четырёх часов утра, Толик за меня ответил:

– Утро наступит не раньше, чем закончится ночь.

Мы с Толиком так развеселились от этой шутки, что даже и не заметили, как нас уже обнюхивал тот самый волк, который целый час лежал под деревом, от его негромкого урчания мы втроём прижались к нашей сосне.

И вдруг к нам подошёл мой хороший знакомый – папин друг, лесник дядя Антон, с которым в войну мой папа вместе прошагал пол-Европы. И с которым у папы с осталась навсегда крепкая настоящая мужская дружба.

Дядя Антон работал в этом лесу лесником, охранял лес от браконьеров, делал новые посадки деревьев, кормил зимой зверей.

– Добрый вечер, друзья! Вы как это к нам попали – в качестве гостей или как? – спросил нас дядя Антон. А потом скомандовал огромной своей собаке, которую мы приняли за волка: – Шарик, к ноге. Рядом.

И огромная овчарка послушно подошла к нему и прижалась к его ноге.

– Так-так, хлопчики, скажите мне, а что вы делаете ночью в лесу? Наверное, заблудились?

– Да, дяденька, мы заблудились и сейчас не знаем, в какую сторону нам идти домой, – за всех придумал Вовчик.

– Лес – это не шутка. В лесу можно заблудиться или нарваться на волка или даже не медведя. И гулять самим без взрослых по лесу просто нельзя. А сейчас смирно и слушать мой приказ. Вы сейчас зайдёте ко мне домой, я живу тут рядом в двух шагах ходьбы. Побыстрому помоете под умывальником лицо и руки. Моя жена тётя Клава в это время приготовит вам что-нибудь на скорую руку поесть. А я схожу заправлю мой мотоцикл с коляской и через полчаса отвезу вас домой. Вам всё понятно? Что молчите, я не слышу.

– Да, да, да! – дружно ответили мы чётко, как настоящие разведчики, отдав своему новому командиру дяде Антону честь.

В начале одиннадцатого мы все уже были в объятиях своих пап и мам. И самое удивительное в этой истории, что нас в тот вечер никто даже и не ругал. Мы сами потом через несколько дней рассказали домашним и о наших вещмешках, оставленных на сосне, и о рогатках с патронами, и об огромном волке. Правда, у меня единственного из нашей компании не хватило смелости рассказать родителям о малолетнем воре, стащившем у папы из ящика две бутылки лимонада.

На улице июнь. После проливного дождя солнце просто парит землю своими лучами. Мама говорит, что такой жары у нас давно уже не было. На дворе за тридцать, не меньше. Толик Смирнов завёл меня с Виталиком сходить с ним в крепость. Там есть небольшое болото, в котором в любую погоду квакают

лягушки. Можно за шесть секунд набрать целую банку головастиков и дома опустить их соседям в бочку, в которой постоянно греется вода для полива огорода.

– Зачем тебе сдались эти головастики? – удивлённо спросил я у Толика.

– Как зачем? Головастики подрастут и превратятся в лягушек, а лягушки утром будут квакать и будить всех на работу вместо будильника. И ещё мама рассказывала, что для французов вареные лягушки самая вкусная еда, и из-за нехватки лягушек французы едят их только по выходным дням. Вот превратятся наши головастики в лягушек, – размышлял Толик. – Я их всех отварю и ты, Лёвка, попробуешь их у меня, какая это вкуснятина.

– Что я тебе француз какой-то? – скривился я. – Сам ешь своих лягушек. А мне сегодня некогда заниматься всякой ерундой. У меня день получки.

– У тебя получка? – от удивления скривился Виталик. – Ты ведь ещё очень маленький и даже не работаешь.

– Маленький не маленький, работаешь не работаешь. Какое это имеет значение, – передразнил я Витальку. – Каждый месяц девятого числа у меня получка. Моя тётя Маня, папина сестра в этот день получает свою зарплату и всегда в этого день даёт мне немного денег на мелкие расходы. Их мне хватает, чтобы два раза сходить в воскресенье в кино на детский сеанс и купить две порции мороженого. Одно – мне, второе – маме.

– Но в вашей семье ведь ещё есть люди. А им почему ты не покупаешь мороженое? – спросил Толик.

– Моей получки на всех не хватает, – вздохнул я. – К тому же все свободно могут обойтись без моего мороженого. Папа работает и, если он захочет, сможет

заработать даже на целый бидон мороженого. Мой Изя в своём автотехникуме за хорошую учёбу тоже получает получку, правда, у него в техникуме эти деньги уже называются не получкой, а стипендией, и она у него не такая уж и маленькая, как у меня, а целых 150 рублей. И их Изя может истратить сам на что захочет. Хотя всю стипендию свою на мороженое с изюмом. Я когда-нибудь от нечего делать сяду и подсчитаю, сколько порций мороженого можно купить на одну Изину стипендию. Я думаю, что между его стипендиями можно свободно каждый день просто обжираться мороженым.

Последние три месяца Изя всю свою стипендию отдаёт маме. Почему? Сейчас узнаете. Мама давно, намного раньше Изю, мечтала купить ему настоящий взрослый велосипед, да не такой простой, на которых катаются все его друзья – на минских, харьковских, на которых без ремонта не прокатаешься даже и один сезон, а немецкий велосипед фирмы «Мифа», на котором без ремонта можно кататься, пока сам не состаришься. Правда, велосипед стоит столько же, сколько и минский плюс ещё пол такого же велосипеда. Для того, чтобы накопить столько денег, наша мама в этом году в очень суровую зиму каждый день ходила на базар продавать нашу квашеную капусту. Как говорит соседка тётя Хава, раскупается мамина капуста чик-чак. Даже очередь образуется, чтобы купить её.

Иногда Изя после своей учёбы набирает в погребе ведро капусты и относит маме на базар. Домой мама после продажи приходит замершая, но счастливая. Чуть отогрев свои руки, она считает выручку от продажи. И Изя бежит с этой выручкой в булочную обменивать мелочь на бумажные деньги.

Сегодня мама подсчитала деньги от продажи капусты за все зимние месяцы и прибавила к ним Изину стипендию, получилась довольно приличная сумма, и осталось доложить ещё каких-то 150 рублей.

– Всё, Изеле, – сказала мама, – завтра идём с тобой покупать велосипед, а эти деньги, которых нам не хватает, вечером доложит папа. Я ему скажу, что срочно продаётся велосипед «Мифа» абсолютно новый за полцены, хозяева его переезжают на крайний Север.

А наш папа на радостях, что мы где-то что-то покупаем новое и за полцены, с удовольствием даёт нам денег, даже больше, чем надо нам. А потом мама вдруг расплакалась:

– Как я рада, Изеле, что для тебя, моего горемычного, я смогла сделать что-то приятное. Подойди ко мне, я тебя обниму, радость ты моя.

У нас с мамой, кроме большой любви друг к другу, как у многих матерей со своими детьми, есть и какая-то необыкновенная дружба: мы во всём помогаем друг другу, без всяких напоминаний делаем всю домашнюю работу, обо всём между собой советуемся и доверяем друг другу самые заветные мечты и тайны.

Зимой, если не успеет занести Изя дрова в квартиру, без напоминаний заносу я. Два раза в неделю в квартире моет полы Изя. Если он видит, что за тряпку взялась мама, он забирает её из маминых рук и ругается, чтобы она не занималась не своей работой. Воду из колонки в квартиру заносят по очереди папа и брат. Я тоже, когда вижу, что в ведре осталось воды меньше половины, бросаю все свои дела и бегу к колонке со своим бидоном для молока.

Изя очень жалеет маму, потому что она своими скитаниям во время войны и работой по 12 часов на заводе заработала себе астму. Астма – это такая очень

противная болезнь. Когда на улице сильный ветер гонит песок или стоит очень жаркая погода, у мамы начинается приступ удушья, и она сразу закуривает свой специальный табак «Астматол». Она два три раза затягивается дымом от их сигарет, и приступ удушья проходит, и она тогда тушит свою самокрутку. Я раньше очень боялся быть один дома с мамой, когда при мне у неё начинался приступ, я, в чём был, бежал в школу к Изе, забегал к нему в класс и кричал:

– Изя, беги домой, маме плохо.

И брат сразу кидал быстренько свои книги и тетради в сумку и с задней парты, где он сидел, прямо по партам бежал к выходу.

А однажды тёте Мане один профессор из Минска, с которым она во время войны работала врачом в Ленинградском госпитале, привёз в Бобруйск какие-то новые таблетки, и нашу маму уже несколько лет совсем не мучают приступы астмы.

Мама очень расстроена, что из-за проклятой войны не смогла как следует присмотреть за своим первенцем, и он, её пятилетний малыш, играясь рядом с ней, заработал грыжу. Мама сейчас очень хочет, чтобы Изя в своей жизни сумел добиться всего, чего сам себе желает. Сейчас Изя, кроме учёбы в техникуме, берёт уроки музыки по игре на гитаре и мандолине у частного учителя. Иногда этот учитель – дядя Иосиф, некогда игравший в оркестре самого Эди Рознера, – приходил к нам домой одолжить у моей мамы немного денег. Мама всегда хвалила Иосифа за те заметные успехи, которые Изя делал в музыке, и в знак благодарности наливала ему стаканчик водки. Иосиф всегда благодарил за угощение и после угощения в нашей квартире проводил внеочередной незапланированный урок музыки с нашим Изей.

А когда брат уже учился в техникуме, дядя Арон, муж тётки Мани, в прошлом военный дирижёр, руководил оркестром техникума. Он научил Изю играть на трубе, и Изя по-настоящему просто влюбился в этот инструмент. Он не пропускал ни одной репетиции в духовом оркестре. Кстати, духовой оркестр техникума был дважды лауреатом смотра духовых оркестров Белоруссии.

Однажды Изя был на практике от техникума в Гомеле на заводе Гомсельмаш и по просьбе начальника цеха в связи с эпидемией гриппа проработал две недели в кузнечном цеху. По окончании практики начальник цеха написал Изе отличную характеристику и вручил за работу 550 рублей.

До прихода поезда на Бобруйск Изя прохаживался по центральным улицам Гомеля и в витрине одной сапожной мастерской увидел необычной красоты туфельки очень маленького размера, не иначе, как по заказу Золушки, сам с собой пошутил Изя и добавил, конечно, не сказочной. Изя остановился у витрины и залюбовался красотой этих туфелек. Малюсенькие, из тёмно-синей кожи, на высоких каблочках, с красивой отшлифованной медной пряжкой в форме бабочки, со всех сторон украшенные бисером. Изя вдруг вспомнил малюсенькие мамины туфельки 32-го размера и решил поинтересоваться, сколько стоят эти туфельки, и какого они размера. Он зашёл в мастерскую и спросил у мастера.

– Хочешь купить своей невесте, молодой человек? – улыбнулся мастер. – Они, наверное, будут дороговаты для тебя.

Он снова склонился над своим табуретом продолжая пришивать такую же красивую пряжку, как на

туфельках в витрине к не менее красивым белым туфелькам, по-видимому, тоже для невесты.

– Может, эти туфельки я хочу купить для моей Золушки, – шутя ответил Изя.

– Тебе, я уверен, эти туфельки никак не подойдут. Я сшил их по заказу одной невесты роста не больше, чем у Золушки. Кажется, и мерку точно снял, и в работу по пошиву этих туфельек вложил всё своё умение и душу, – стал жаловаться мастер, но впервые в жизни просчитался. У невесты размер ножки 33, и мерка моя соответствовала этому размеру. Но почему-то туфельки получились чуть маловаты невесте. Вот из-за своей оплошности я сейчас ей шью другие, на этот раз из белой кожи, правда, с такой же красивой пряжкой. Если туфельки с витрины тебе понравились, покупай, молодой человек. Сейчас невесту с такой малюсенькой ножкой во всём нашем городе не найдёшь. Разве что в каком-то сказочном королевстве.

– Подешевле продашь, я куплю, – сказал Изя, чем удивил мастера.

– За двести рублей я их с удовольствием продам. Если бы они кому-то подошли, – с надеждой посмотрел на Изю мастер. – С клиента я взял бы деньги только за материал, а свой кропотливый труд и время просто были бы в подарок клиенту за сбыт моей ошибки.

Изя быстро отсчитал деньги и попросил перевязать коробку с туфлями красивой ленточкой с бантиком и сделать надпись: для любимой мамы Золушки. Мастер посмотрел на моего брата удивлёнными глазами, но сделал всё, как он просил.

Когда Изя, счастливый, выбегал из мастерской, мастер посоветовал ему почитать сказку Шарля Перро «Золушка».

Нашей маме туфельки подошли, как в сказке, точно по ноге. Примерив их, она вдруг расплакалась и сквозь слёзы сказала Изе, обнимая его:

– Я самая счастливая женщина на земле. Спасибо тебе, Боже, за моих сыновей! О большем в жизни я просто и не мечтаю.

Папу нашего долго уговаривать доложить немного денег на покупку велосипеда для Изи даже и не пришлось. Он, как только узнал, как ловко мы провернули дело с абсолютно новым велосипедом и за полцены, и что наша мама не транжирила впустую деньги, как иногда это делают другие женщины, собирала их, чтобы что-то нужное приобрести в дом, расцвёл, как красный тюльпан на базаре перед восьмым марта.

– Учитесь, дети, – сказал папа, – у своей мамы, как надо беречь тяжело заработанную копейку, и никогда не тратьте деньги впустую на что попало. – И, вздохнув, признался нам: – Хочу после ремонта вместо нашего маленького холодильника с одной полкой купить большой холодильник. – А потом добавил, что пора купить и газовую плиту, и табуретки обменять на новые стулья, а вместо нашего маленького буфета купить вместительную стенку на всю комнату, и станет в нашей квартире не хуже, чем у других.

После бурной речи папа достал из-под кровати свой деревянный чемодан, ключом открыл замок и, порывшись в нём, достал 200 рублей. О чём-то минуту задумавшись, протянул их маме:

– Вот, Сорка, возьми, заплатишь за велосипед, а на остальные купишь в дом бутылочку вина, а детям конфеты.

– Папа, а можно мама купит нам и конфеты, и мороженое? – спросил я.

Папа улыбнулся и сказал:

– Сегодня мама может купить для вас всё, что захочет. – И добавил: – Гулять так гулять.

Назавтра Изя уже гонял по улицам на своём новом велосипеде, а вечером вместо чаепития мы всей семьёй угощались вкусным мороженым с изюмом.

Соседский кот по кличке Кузя любил поспать под старой яблоней, которая росла прямо на границе нашего двора с соседским. Вот и сегодня Кузя сладко спал, положив свою голову на передние лапы вместо подушки. Изредка во сне Кузя вздрагивал, полуоткрывал глаза, хитро всматривался куда-то ввысь сквозь ветки яблони, усыпанной ещё неспелыми зелёными яблоками. Конечно, его в эти минуты интересовали не яблоки, он был всегда к ним равнодушен, а две обнаглевшие вороны, громко каркающие на самой верхней ветке яблони. И вот, наконец, разругавшись, одна ворона перелетела на нижнюю ветку и в последний раз что-то прокаркала своей подруге, сидевшей на самом верху.

– Кар-кар, что в переводе на язык людей звучало так: всё, с меня этого достаточно, как говорят у нас в народе, дружба дружбой, а служба службой. Хватит тебе своими *майсами* (новостями) дурить мне голову. Полчаса покаркала и хватит. Пора и честь знать.

Но ворона с верхней ветки была совсем не такой уж простой, чтобы, не выслушав её, можно было так просто избавиться. Она слетела к своей подруге на первую ветку, и вороны опять громко закаркали между собой, окончательно разбудив нашего Кузю. Кот, чтобы, наконец, утихомирить надоедливых ворон, бесшумно полез на дерево и стал осторожно ползти по нижней

ветке по направлению к воронам. И когда Кузя уже присел на свои задние лапы и готовился к прыжку, он был сбит метким выстрелом из рогатки.

Я не знаю, в какое место попал металлический шарик, но кот вмиг камнем свалился с ветки. Пару минут он лежал на земле без движения, потом медленно поднялся на лапы и, сильно прихрамывая, поплёлся к себе домой, в наш второй подъезд, к своей бабушке Химке.

А в это время к нам с Толиком незаметно подошёл дядя Герсун и обоих схватил за шиворот.

– Так вот вы какие, будущее поколение, гордость нашего двора! – грозным басом сказал Герсун. – Тихие вежливые пионеры. Утром всегда всем «здравствуйте», «как дела», «вам чем-то надо помочь». Все с утра такие хорошенькие, что просто порой не хватает слов, чтобы не восхититься вами. А потом наши хорошие достаёте из своих карманов рогатки с металлическими шариками от подшипников, которыми можно убить даже человека, если попасть в лицо. Вы не пионеры, а злостные хулиганы. Сейчас я вас отведу в милицию, и вас без суда и следствия посадят в детскую колонию, как опасных малолетних преступников. И с завтрашнего дня ваши родители будут с вами встречаться только на свиданиях в тюрьме и горько плакать, что у них родились такие плохие дети.

Отобрав у нас рогатки, Герсун выбросил их в мусорный ящик, а потом вдруг отпустил нас и пошёл куда-то по своим делам. Мы с Толиком решили, что он, наверное, направился в милицию.

– Что нам делать? – спросил я Толика.

– Что делать? – переспросил у меня Толик и сам ответил: – Да ничего, Лёва, уже сделать не сможем. Побежали спасать, пока не поздно, Вовку Вайнберга. А

то придёт сегодня к нему с обыском милиция, а у него в одном кармане рогатка, а в другом полкармана металлических шариков. А он, бедолага, даже и стрелять не научился из рогатки. При стрельбе от страха зажмуривает глаза. И, вообще, какой из него бандит, если он боится всех кошек и собак.

– Я просто удивляюсь, – сказал я Толику, – за что нашего Вовчика приняли в пионеры. Он всю жизнь всего боится и всегда спрашивает разрешения у своей мамы.

– А мы с тобой, Лёвка, оказались такими хорошими пионерами, что, даже не спрашивая разрешения у своих мам, стали малолетними преступниками, – закрыл мне рот Толик.

Вовчик, выслушав нас, сразу выбросил в мусорное ведро свою рогатку и почти новую велосипедную шину из отличной резины, которую он давно берёт для производства новых рогаток. Нам за дружеское предупреждение он дал целый кулёк конфет. Мы с Толиком, попрощавшись с другом, уселись у Толика на крылечке и стали уплетать конфеты.

– Ешь, ешь, не жалея! – сказал мне Толик. – В тюрьме нас конфетами уже кормить не будут.

Дядя Герсун всё-таки не такой уж и плохой человек оказался. Он нас пожалел и в милицию не заявил. Мы-то этого не знали и почти целый день прождали милиционера с наручниками.

Несколько дней гуляли возле дома на улице, и нам всё казалось, что каждый милиционер или даже просто военный, проходящий мимо нас, сейчас завернёт в наш двор.

Кажется, на этот раз пронесло нас от беды. Но мы с Толиком о нашем происшествии побоялись рассказы-

вать своим родителям. Не хотелось их лишний раз расстраивать своим нестандартным поведением.

У моего старшего брата Изи есть друг Сашка Сабодаш. Когда-то он с родителями жил на цыганском хуторе, недалеко от Бобруйска. Чтобы в выходной день ему попасть домой, надо было сначала целый час трястись в маленьком переполненном автобусе, а потом пять километров идти через лес пешком до своего цыганского хутора.

– Живём мы, правда, немного далековато от города, – говорил он, – но вам когда-нибудь обязательно надо съездить к нам и увидеть, среди какой красоты мы живём. Кругом наших домов лес, а в лесу есть всё, что вашей душе угодно: и свежий воздух, и грибы, и ягоды, а рядом ореховая роща. Мне иногда, чтобы нарезать корзину грибов, нужно всего от силы полчаса. А какое у нас озеро! Просто сказка, чистое. А сколько в нём рыбы. Она просто гуляет по самой глади озера. Ваши городские так даже и не догадываются, что у нас недалеко от хутора есть такое озеро. А наши местные ленятся сходить порыбачить на озеро и идут за рыбой в наш сельпо за свежемороженой.

Живёт Сашка Сабодаш в Бобруйске в общежитии техникума и часто бывает у нас дома. Изя по дружбе и своей доброте дома часто чертит за Сашку разные разрезы, виды деталей – то сбоку, то спереди, то сверху. Сашка в техникуме очень прилежный ученик и учится на одни пятерки, даже по черчению, которое всегда за него чертит Изя.

– Ну, хоть убей меня, – жалуется Сашка, – а чертить аккуратно у меня не получается.

Иногда, когда у Изи с Сашкой затягивается совместная учёба, мама приглашает его пообедать вместе с нами. Сашка всегда сначала отказывается, а потом, чтобы не обидеть мою маму, садится с нами за стол.

Тётя Хава маме говорит:

– Сорка, смотри в оба за этим цыганом. Цыган есть цыган и всегда замечает, где что плохо лежит.

А мама успокаивает её и говорит про Сашку, что он очень хороший парень и по дому может помочь и в дом что-то бесплатно принести. Помнишь, неделю назад он из дома нам притащил целую тыкву. Всем нашим соседям тогда хватило по приличному куску, и мы с удовольствием целую неделю ели арбузную кашу. А на базаре небольшой кусок тыквы, сама знаешь, сколько стоит.

Да Сашка – цыган, но не попрошайка тебе какой-нибудь, а из приличной семьи. Мама его старший ветеринар на молочной ферме, окончила в своё время ветеринарный техникум и сейчас лечит коров и даже сама иногда принимает у коров роды. Сашка рассказывал, что его мама всегда учит обоих его братьев честности и порядочности. Никогда ни при каких обстоятельствах нельзя делать пакости людям и не грешить, тогда и не надо будет у бога просить прощения за грехи. «Так что, дорогая моя Хавка, Изин друг – парень хоть куда, очень уж он порядочный, какой-то девке в жизни с ним сказочно повезёт».

А неделю назад Сашка пригласил Изю к себе на хутор в гости, на рыбалку. Я тоже очень хотел поехать, мне хотелось хотя бы раз увидеть, как ловится рыба. Но Сашка сказал, что для пацана моего возраста это очень большая нагрузка. В три часа ночи надо уже вставать и идти в полной темноте почти пять

километров через лес. А когда я от обиды начал хныкать, Сашка пообещал мне в свои большие каникулы обязательно взять с собой в лес за грибами и ягодами.

– А можно мне взять с собой и своих друзей? – с надеждой спросил я у него.

– За всеми твоими друзьями я усмотреть не смогу, а вот одного самого послушного взять можно.

Я поблагодарил Сашку и тут же побежал к Олегу обрадовать его хорошей новостью.

А Изя занялся подготовкой к рыбалке. Хорошую удочку ему пообещал дать Сашка у себя дома. А потом брат вместе с другом сделали три закидушки. Кто не знает, закидушка – это длинная, длинная леска на конце с грузиком и крючком для ловли и наживы. С закидушками ловить рыбу очень просто. Нужно только закинуть её подальше в озеро и потом каждую минут её вытягивать и смотреть, попалась на крючок рыба или нет. В самый последний день перед рыбалкой я получил задание накопать коробку червей для наживы. И мы с Олегом с честью с этим заданием справились за час до отправки автобуса.

Через день к восьми часам утра Изя вместе с Сашкой притащили к нам домой две большие вязанки свежей рыбы – окуньков, карасей, плотвы. Некоторые рыбины по маминим подсчётам были грамм по триста, не меньше. Три самые больше рыбины мама засолила, а из остальных сварила пол огромной кастрюли рыбных тефтелей по своим старинным ещё бабушкиным рецептам.

Только мама управилась с тефтелями и прилегла отдохнуть на кровать, как тётя Хава тут как тут.

– Что улеглась, Сорка, поднимайся! Я принесла тебе кусок штруделя с клубничным вареньем. Люблю с

детства печь разные печёности, а кушать их у меня особенно и некому. Дети с внуками поехали отдыхать на Азовское море, а моему Герсону утром к чаю хлеб, намазанный маслом, дороже всяких моих печёностей.

– Спасибо тебе, Хавочка, – поблагодарила соседку мама. – А тебе взамен вот возьми тарелку с тефтелями, свежими рыбными, – и она положила на тарелку с десяток тефтелей.

– Ой, Сорка, мне так неудобно, у тебя самой большая семья. Тефтели тебе пригодятся.

– Бери, Хава, бери, видишь из двух вязанок рыбы сколько у меня получилось тефтелей. Как на Маланью свадьбу.

Поблагодарив маму, Хава взяла тарелку с тефтелями и пошла к выходу. Дойдя до дверей, она остановилась:

– И что, Сорка, я с самого утра к тебе зашла? Убей меня, не помню. – Она помолчала немного. – Да, вспомнила. Ты, Сорале, самая грамотная в нашем доме. Скажи, пожалуйста, а там, на том Азовском море сейчас не холодно?

– Ты что, Хава, летом там всегда намного жарче, чем у нас в Белоруссии. И вода в море всегда тёплая, а вдоль моря приятный жёлтый песок. Не зря к Азовскому морю едут отдыхать в основном богачи.

– Говоришь, в основном там отдыхают богачи? Ну, так это точно про моих детей. У них и вода под боком на улице в колонке, и дрова для отопления зимой в сарае в ста метрах от дома, и вместо газовой плиты, как сейчас у многих людей, в прихожей стоит керогаз. Хорошо, хоть нешумный примус. Да ладно. Всё это наживное, главное в жизни – это здоровье и мир в семье. А через год, дай бог, уже подойдёт у детей очередь на благоустроенную квартиру. Тогда и мои

дети станут богатыми. А что, дров уже для отопления им не надо будет покупать, не надо будет и к колонке бегать. В доме есть уже и холодная, и горячая вода. Лей её, сколько душе угодно. Да и газ – это тебе не керогаз. Большое удобство!

– Да, соседка, – вздохнула мама. – Мы с тобой понемногу стареем, а очередь наша на благоустроенное жильё стоит на месте.

– Ну, всё, Сорка, я побежала. Ой, да посмотри в окно, кого тебе нечистая в гости на твои тефтели прислала. Это же надо с утра явился, не запылился.

А во дворе рядом с беседкой доставал что-то из люльки мотоцикла папин друг ещё со времён войны и мой хороший знакомый по моим лесным приключениям, лесник дядя Антон.

Через минуту он уже стучал в нашу дверь.

– Входи, входи, Антон. Дверь для друзей всегда открыта.

– Мир вашему дому, – слегка поклонился у порога Антон. – Принимай, Сорка, гостей.

– Мы всегда рады гостям, – повторила мама, приглашая дядю Антона войти в квартиру.

– А это, Сорка, от нас небольшие гостинцы, – сказал дядя Антон, передавая маме большую вязанку сушёных грибов боровиков и литровую банку свежесобранной земляники.

– Спасибо, Антон, за такой подарок! – обрадовалась мама. – Да ты садись, рассказывай, надолго ли к нам, какие планы?

– А я, наверное, у вас и заночую. Много дел у меня в городе собралось, боюсь, что за полдня и не управлюсь. Надо зайти в райком и побегать по магазинам. Хочу купить себе новые сапоги, мои старые давно уже прохудились, надо посмотреть новую лёгкую куртку,

носков купить пар пять, большие крючки для щуки. Да и в дом моя Наталья просила кое-что купить: пять коробок макарон, подсолнечного масла, несколько банок селёдки иваси. Иногда так хочется к горячей картошке что-нибудь солёненького, аж спасу нет. Да и со своим лучшим другом тоже пора повидаться. Это же не шутки вместе с ним почти всю войну до самой его контузии были рядом бок о бок, прошагали вместе пол-Европы. Ну, расскажи мне, как вы тут в городе проживаете.

– Да ничего, Антон, хоть и в небольшом богатстве, но в мире и здравии, – сказала мама.

Обед немного запоздал, ждали папу с работы. Друзья были рады увидеть друг друга, они пожали руки, потом обнялись. За столом помянули своих товарищей, не вернувшихся с войны, распив за них в несколько заходов целую бутылку водки. К запоздалому обеду стол был накрыт не хуже, чем в первый день Песаха. Что на нём только не было: и рыбные тефтели, и домашняя колбаса, и вчерашние котлеты, и селёдка иваси. К тому же мама успела сварить грибной суп из сушёных грибов, запах от которого заполнил все наши три подъезда.

Сказать по правде, всё на столе было очень вкусным, кроме селёдки иваси. Нет, она на вкус тоже была ничего, но я её никак не могу сравнить с копчёной селёдкой, которую на прошлой неделе купил папа в честь квартальной премии. У меня начинают течь слюни, как только вспоминаю её вкус и запах. Папа лично сам отрезал нам по кусочку, а себе взял ещё и голову от селёдки, а остальное завернул в пакет и положил в холодильник, сказав, что это на шабат. И я решил, когда вырасту и заработаю много денег, первое что себе куплю, это самую большую копчёную

селёдку и сам её всю съем, без хлеба, от хвоста до головы.

Дяде Антону всё, что было на столе, очень понравилось, особенно грибной суп. Съев тарелку супа, гость попросил добавку.

– Скажи мне, Сорочка, – смакуя суп, спросил он у мамы. – Что такое хитрое ты чисто еврейское добавляешь в суп, что от него невозможно оторваться.

– Могу, конечно, сказать тебе Антон, только по секрету, – заулыбалась мама. – Я в еду, что готовлю для своей семьи, вкладываю свою душу. Если ты очень хочешь, чтобы получилось вкусно и всю эту еду ели с аппетитом, то так всё и получается. Вот и весь мой секрет.

– Всё, Сорка, я хорошо тебя понял. В следующий раз я к тебе на обучение привезу свою Клавку. Пусть хоть увидит, что иногда можно приготовить даже еврейскими малюсенькими ручками такой шикарный обед, который не подадут даже в лучшем столичном ресторане. Абраша, береги нашу Сорку.

Дяде Антону мама постелила постель в столовой на раскладушке, и он, даже не раздеваясь, прямо в одежде, только сняв сапоги, лёг спать.

Когда я проснулся в шесть часов утра, дядя Антон, проводив на работу моего папу, уже сидел в беседке во дворе и курил свою самокрутку. Выкурив папиросу, он зашёл в дом, чтобы попрощаться с нами. Мама протянула ему гостинец для его жены и детей – два больших неразрезанных куска печёного пирога. Антон был очень растроган и двадцать раз извинялся, что отрывает такие вкусности от чужих детей. Наконец, пожав маме, Изе, мне и уже хнычущему Яну руки, он снова пожелал нам всем земных благ, вышел из квартиры, завёл свой мотоцикл и выехал со двора.

Сегодня важный праздник всего человечества – День Победы многонациональной Европы во главе с Советским Союзом над гитлеровской Германией. В этот день девять лет назад немецкое командование в Нюрнберге подписало акт о безоговорочной капитуляции, и война, унёсшая десятки миллионов жизней, наконец завершилась. Победители сбросили, наконец, с себя солдатскую форму и возвратились домой. У многих из них, к сожалению, уже не было, куда возвращаться – дома их были разрушены, а у многих не остались в живых ни родных, ни близких. Одних из них фашисты безжалостно расстреляли, а других замучили в концентрационных лагерях. Не лучше обстояли дела и у горе-завоевателей. Тоже разруха, голод, разрушенное жильё, погибшие близкие и родные. В этой жестокой несправедливой войне досталось всем – и победителям, и побеждённым. Очень хотелось бы, чтобы все люди на земле поняли, наконец, что война любая – это всегда только горе, смерть и разруха, и в ней просто не бывает ни победителей, ни побеждённых.

День Победы стал нашим главным праздником, пожалуй, важнее Первого мая, и победы революции в 1917 году, и всяких дней рождения, и остальных важных дат человечества. День Победы стал праздником мира и благополучия, праздником чистого неба, без запахов гари от взрывов бомб и снарядов, праздником нашего светлого завтра.

А сегодняшний праздник для нас вообще просто особенный, потому что на календаре воскресенье, выходной день. Сегодня никому не надо идти на работу, на занятия в школы и техникумы, а маленьким

детям не надо идти в свои детские сады. Сегодня День Победы в нашей стране отмечается в каждом доме. У всех сегодня праздничные застолья, а вечером на нашей главной улице Социалистической будет прекращено движение транспорта и начнётся массовое гуляние, а возле театра, прямо посреди улицы будет играть духовой оркестр, и тысячи бобручан будут под музыку танцевать и веселиться.

А пока у нас всего лишь утро, и вся наша семья вместе с нашими соседями собираются тоже отметить День Победы и с таким размахом, чтобы он надолго запомнился всем. И хотя вся наша семья с самого утра готовится к праздничному застолью, основная нагрузка, конечно, лежит на маме.

Вчера вечером дядя Арон принёс большого, уже ощипанного гуся, которого днём купил на базаре.

– Сонечка! Ты уж извини меня, что этого гуся я притащил не к себе домой, а тебе. Моя Мария Моисеевна единственное, что научилась готовить за свою жизнь, это яичницу, ещё у неё неплохо получается заваривать чай. Ну а моими мужицкими руками, чтобы начинить гуся яблоками, надо его разрезать минимум на три части, да и в приготовлении еды я не очень разбираюсь. Могу только что-то нарезать, размешать – вот и все мои кулинарные способности.

Мама улыбнулась:

– Не переживай, Арон, завтра воскресенье, выходной, вся семья дома. Смотри, сколько у меня помощников, конечно, справимся.

И мы все сегодня под мудрым руководством моей мамы очень старались ей во всём помогать. Папа утром перемыл все тарелки, я с Изей их вытирали полотенцем. Маленький Яник помогал расставлять тарелки на

стол. Ну а мама в это время готовила обалденно вкусный кугул и подготовкой гуся к запеканию в печи. Следить за запеканием гуся мама доверила нашему папе, и он каждые пять минут доставал их печи на подносе гуся и смазывал его горячим жиром вперемешку с соком яблок. Гусь получился очень красивым, румяным с коричневой корочкой, готовым к полёту с горячей печи на праздничный стол.

К нашему празднованию Дня Победы мы, конечно, не могли не пригласить тётю Мэру с её сыном Борисом. Во-первых, Борис лучший друг моего брата Изи, а, во-вторых, его отец погиб ещё в первые дни войны. Тебя Мэра с Борисом жили в нашем доме одни в однокомнатной квартире, и к ним, кроме нас, никто никогда не заходил, и, кроме нас, никуда никто не приглашал.

Пригласили мы к нам и бабушку Хаву с дедушкой Герсуном – наших самых близких соседей, с которыми мы за день по много раз общаемся.

Придут к нам, конечно, и папина сестра наша тетя Маня со своим мужем дядей Ароном. И папин друг дядя Антон вместе с женой. С дядей Антоном папа в войну рядом прошагали пол-Европы.

Уже с самого утра стол бабушки Хавы стоял впритык к нашему столу, а вокруг столов стояли стулья и одна длинная скамейка.

Все наши гости пришли вовремя и не с пустыми руками. Тетя Мэра принесла фаршированную щуку, бабушка Хава принесла два каких-то салата и бутылку водки, тётя Маня принесла бутылку марочного вина и два кружка копчёной одесской колбасы. А дядя Антон трёхлитровую бутылку черничной настойки, от которой по всему дому пошёл необыкновенный аромат, как в ягодный сезон на базаре.

– Такую вкуснятину, – сказал он, – вы, городские, наверное, никогда и не пробовали, – и передал бутылку в руки моему папе.

Когда все уселись за стол, я шёпотом сказал брату Изе:

– Смотри, какой большой живот у дедушки Герсуна. В него свободно может поместиться вся закуска с нашего стола вместе с гусём.

Но Изя не понял мою шутку и ответил:

– Смотри лучше в свою тарелку! Кому-кому, а тебе еды хватит.

Я дедушку Герсуна моей дурацкой шуткой, наверное, просто сглазил, потому что он ел меньше всех: положил себе в тарелку только немного винегрета, один кусочек селёдки и одно крыло от гуся. Правда, от сладкого кугула дедушка Герсун не отказался и ел его с таким наслаждением, артистично, причмокивая, что обратил на себя внимание всех гостей.

Мама предложила, что если ему так понравился её кугул, то для него у неё есть ещё один кусочек.

– Люди добрые, – заулыбалась бабушка Хава, – вы только посмотрите на этого еврея с большим животом с голодающего Поволжья. Сегодня же у Соньки возьму рецепт этого кугула и завтра же испеку для тебя сразу два, чтобы ты, наконец, им наелся.

Сказать по правде, я свою порцию гуся даже не доел. Конечно, он был обалденно вкусным, но мы с братом Яником решили оставить место в своих животах для кусочка торта «Мечта», а на закуску кусочкам тэйглаха. Ну а для сладкого шипучего лимонада в животе тоже должно быть место.

Первый тост – за Победу! – предложил дядя Арон. Второй все выпили за тех, кто не вернулся с войны

погиб в борьбе с врагом. А потом, отодвинув от себя тарелку с закуской, заговорила и бабушка Хава:

– Я до сих пор не могу понять, чего хотела фашистская Германия, захватывая всё новые и новые территории. Захватить всю Европу? Превратить всех людей с захваченных территорий в своих рабов? Уничтожить всё человечество? Ведь всем известно из истории, чем заканчивались подобные войны. Чингиз-хан когда-то захватил полмира, а потом просто не смог всё удержать и вернулся к себе домой, и сейчас все его великие завоевания умещаются в одной Монголии. Римляне, захватив полмира, тоже потеряли всё и, в конце концов, потеряли не только всё, но и развалили свою Италию на отдельные княжества. Та же участь постигла и турецкую империю, и Наполеона с его непобедимой армией. Все захватчики так и не обрели счастья вдали от родины на захваченных территориях, плюс к этому воска захватчиков, в конце концов, всегда возвращались на свою родину домой. И какими? Многие возвращались инвалидами – кто без руки, кто без ноги, кто без глаза. А дома у него тоже нет, близкие и родные у многих погибли. За всю долгую историю люди так и не смогли понять, что своё счастье надо искать не где-то там, вдали от дома родного, в захвате чужих стран, а дома, на родной земле своими руками и своей головой его создавать. А сейчас многие отчаянные головы опять призывают свои народы к войне, к захвату новых территорий, к грабежу, к насилию. Хотят без труда за чей-то счёт разбогатеть. Так и хочется крикнуть этим головорезам: люди, опомнитесь, не ищите счастье где-то, оно всегда рядом с вами, в вашей стране, с вашими друзьями, родными, со своим народом.

– За такой тост, Хавочка, даже я, больная женщина, – сказала тётя Мера, – хочу выпить. Арон, налей всем нашим женщинам вина.

– Пожалуйста, – поднялся с бутылкой вина Арон. – Вот это по-нашему, по-армейски. За что мы пьём, то у нас обязательно и получится.

А потом дедушка Герсун – единственный из нашей компании, кому пришлось освобождать наш Бобруйск, рассказывал, как многотысячную группировку немецких войск наши передовые части вместе с танками и авиацией загнали в непроходимые топкие болота и как через несколько дней голодные измученные фрицы с поднятыми руками выходили из окружения, сдаваясь на милость победителям. Видели бы вы этих жалких испуганных завоевателей!

Все за столом заулыбались рассказу Герсуна, а я спросил у дедушки:

– Почему этих немцев брали в плен, а не расстреливали, у них всех ведь руки по локоть в крови, ведь они уничтожили столько наших людей. А их всех оставили в живых, подарили им жизнь, а потом после нескольких лет принудительных работ разрешили выезд на родину, в Германию.

Тётя Маня поцеловала меня и объяснила, что мы гуманный народ и никогда не станем убивать беззащитных людей.

– Но ведь они убийцы, – возмущился я. – Как они поступали с нашими людьми, так и с ними должны были бы поступить и мы.

– Ты прав, сынок, – погладил меня по голове дядя Антон. – Нам так приказами поступить с ними наши командиры, а приказы в нашей армии не обсуждаются, а выполняются. Лично я, Лёвка, пожалел бы даже для этих убийц патронов, а загнал бы их подальше в

болота. Пусть бы все они там и оставались на нашей земле.

Сказать честно, я очень обиделся и на дедушку Герсуна, и на тётю Маню, и на папу, и даже на мою маму. Как это наши прославленные командиры могли приказать такое – подарить жизнь убийцам. Я ещё могу понять, если они стреляли в наших солдат во время сражений, но чем им мешали простые жители, не успевшие выехать с захваченных территорий. О чём перед ними виноваты были старенькие люди, за что их расстреливали, отправляли в лагеря смерти, сжигали живьём. И всё это фашисты делали осознано с улыбкой на лице. Очень жаль, что до Дня Победы не дожили мои дедушка с бабушкой. Я очень завидую моему другу Вайнбергу Вовчику. У него после войны остались в живых и дедушка, и бабушка. Они мне, Толику и Вовчику часто рассказывают о войне самые правдивые истории. А с Вовчиком иногда занимаются дополнительными занятиями по математике. Правда, особенного толка от этих занятий никакого нет. На контрольной по математике, чтобы Вовчику получить четвёрку, ему надо обязательно полностью списать или у меня, или у Толика, в зависимости от варианта. У Вовчика хорошие оценки только по географии и истории. У него в голове одна мысль, что бы такое вкусенькое положить себе в рот.

Вчера вечером я угостил своих друзей по тэйглах, которые мама дала мне для них. Вовчик мгновенно их слопал, облизнулся и предложил сразу же сделку:

– Я тебе, Лёвка, завтра принесу пять конфет «Ромашка» в обёртке, а ты взамен дашь мне пять кусочков твоего тэйглах. Они на этот раз у твоей мамы получились просто необыкновенные, можно язык проглотить.

– Лёвка, не слушай этого обжору! – сказал Толик. – У него на уме ни учёбы, ни то, чтобы чем-то помочь своим дедушке и бабушке, а лишь одно: поживиться чем-нибудь вкусеньким. Моя мама мне всегда говорит, что конфеты можно кушать только в большие праздники, на своём дне рождения и под Новый год. А если их есть каждый день, можно быстро испортить все зубы и из молоденького мальчишка третьего класса превратиться в беззубого старичка.

А я обиженного Вовчика решил обрадовать, сказал ему, что моя мама обещала моим друзьям завтра дать по целому пакету тэйглах.

Ой, я, наверное, скоро точно постарею: ни с того, ни с сего за столом вдруг вспомнил всякую ерунду.

А у нас на столе водка давно закончилась, и все с удовольствием взялись за черничную настойку. И после очередного тоста за мир во всём мире моя мама, тётя Маня и тётя Мера, не сговариваясь, в полголоса вдруг запели одну и ту же песню:

«Вьётся в тёмной печурке огонь...»

Песню эту сразу же подхватили все мужчины. А потом, когда запели «Катюшу», а там как расцветали яблони и груши, за столом уже пели во весь голос. Потом пели о том, «каким ты был, таким ты и остался». Потом все выпили за золотые руки моей мамы, а мама в это время поставила на стол стеклянную вазу на одной ножке, на круглых полочках которой лежали и кусочки «Наполеона», и кусочки пирога «Мечта», а сверху удивительно вкусные всеми любимые тэйглах.

Думаете, что на этом наш торжественный обед закончился? Как бы не так. Под бурные аплодисменты пришлось и мне с Яником исполнить песню, которую мы пели перед гостями много раз. Перед исполнением дядя Арон натянул мне свою офицерскую фуражку,

прямо на глаза, а папа Янику на голову надел свою солдатскую пилотку.

Отказаться мы не могли, и я запел:

«Позвольте вам представиться, мы старые друзья», – и одновременно показывал рукой на Яника, а Яник уже отработанным движением стал показывать то на себя, то на меня.

Я артистично с выражением всё продолжал петь:

«...Желаем вам понравиться мы оба – он и я.

Эх, нам найти бы суженных вблизи от этих мест – солдата два заслуженных хотят найти невест...»

После выступления я спросил у дяди Арона, зачем солдатам понадобились невесты?

– А чтобы на всю жизнь посадить их себе на шею, – улыбнулся дядя Арон. – Солдат всю жизнь должен работать и на себя, и на невесту, и на всю свою семью.

– Тогда я никогда не пойду служить в армию, чтобы потом искать себе такую невесту, которую надо и кормить, и сажать себе на шею, – твёрдо сказал я.

После застолья все решили сходить в центр города на массовое гуляние. Мама с нами идти отказалась, решив начать наводить порядок в доме, но все гости запротестовали, что без неё никуда не пойдут и что за полчаса наведут в нашем доме порядок.

В общем, как говорит мой друг Вовчик, праздник – это всегда очень хорошо. Жаль, что он длится только один день. И в этом с Вовчиком я полностью согласен.

Когда мой брат Изя берёт меня с собой на пляж, для меня это настоящий праздник. Я быстро, чик-чак, помогаю собрать Изе нашу сумку. Быстро запихиваю в

неё два полотенца, новые трусы Изе и себе, бутылку воды, и всё готово. Раньше я брал на пляж и книгу, но с книгой, даже очень интересной, на солнце быстро устаёшь, и глаза мои сами собой закрываются. На пляже нужен только активный отдых. Я обычно бегаю, подаю взрослым ребятам мяч. Потом в мяч я играю со своим другом Толиком, бьём мячом друг другу по воротам, а иногда вволю накупавшись, люблю полежать на тёплом песке, зарывшись в него по самую шею.

А когда мы с Толиком находили на пляже пустую бутылку, по очереди бегали на речку за водой и вместе строили из песка настоящий замок, с подземными ходами и высокой башней для заколдованного и закованного в кандалы отважного воина – жениха принцессы.

Часто Сашка-цыган становился на ворота, и взрослые ребята по очереди били мячом в ворота. Один раз мы, посоветовавшись с Толиком, поспорили с Сашкой, что с первого раза забьём ему в ворота гол. Сашка, не задумываясь, сказал, что если мы забьём с первого раза, он станет перед нами на колени, и мы дадим ему по пять саечек каждый. Взрослые ребята стали рядом у ворот, ожидая какого-то чуда. И они не ошиблись. Чудо произошло. Мы с Толиком установили мяч на отметке наших двенадцати шагов, и Толик, сильно разбежавшись, с силой мотнул ногой мимо мяча в правый угол. И Сашка, как лев, бросился в правый угол, будто бы за летевшим в ворота мячом, а я в это время не очень сильным ударом вонзил мяч в пустые ворота. Все взрослые ребята зааплодировали нам, а Сашка, улыбаясь нашей хитрости, как и обещал, опустил перед нами на колени. Конечно, наши саечки были для него, как укусы комара, но справедливость восторжествовала, всем было очень

весело, а Борис Эткин, друг моего брата и Сашки, успел даже сфотографировать пустой бросок за мячом Сашки, и а мы с Толиком, как взрослые ребята, набиваем Сашке его заработанные саечки.

Что может быть прекрасней в знойный летний день пойти покупаться на речку! Вот и сегодня я проснулся раньше всех и, пока мама и Изя поднялись с постелей, успел собрать для пляжа сумку. Но сегодня, как иногда говорит Изя, когда у него не получается решить задачу по сопромату, мне кажется не мой день. Так сегодня было и со мной. У меня тоже оказался не мой день. За завтраком брат сказал:

– Лев, ты меня извини, но я взять себя с собой на пляж просто не могу. Сегодня в такую жару, когда на дворе под тридцать, я просто боюсь маму оставлять дома одну. Да ты на меня не дуйся. Я бы тоже не пошёл на пляж, но я не могу не пойти. Во-первых, вся наша группа решила отметить окончание третьего курса учёбы в техникуме. Да и Фаинке я пообещал сегодня пригласить её на пляж. Дружу я с ней, Лёвка, уже почти полгода, она очень классная девушка. Как я могу её подвести и не прийти за ней. В общем, братишка, – Изя обнял меня за плечи, – я думаю, мы с тобой договорились. А послезавтра и в субботу, я клянусь, мы с тобой обязательно сходим вместе на пляж. А теперь смотри, Лёвка, чуть что, таблетки от приступа лежат на столе рядом с графином с водой. Сигара с аматолом и спички лежат на этажерке сверху.

Но я был очень рассержен на брата. Видя это, Изя сказал:

– Перестань на меня дуться, не очень уж и часто я прошу тебя оказать мне какую-то услугу. И, наконец,

ты мне брат и друг или просто брат? Всё я пошёл, – и Изя, хлопнув дверью, быстрым шагом направился к автобусной остановке. А я взял свою книгу про Робинзона Крузо и пошёл к маме на кухню читать. На кухне мне опять стало весело. Каждые пять минут мама спрашивала:

– А что там было дальше? Что ты уже прочитал?

И я с удовольствием ей пересказывал уже мною прочитанное.

Мама слушала меня и одновременно готовила щи. И тут, запыхавшись, прибежал назад Изя.

– Представляешь, дошёл я уже до остановки и вспомнил, что забыл дома фотоаппарат. Пришлось вернуться.

– Вернулся. Так можешь уже не идти, – успокоил я брата. – Сейчас или опоздаешь на автобус, или будет у тебя другая какая-нибудь неприятность.

– Интересно, что у меня ещё может сегодня случиться до отправки автобуса? – улыбнулся мне Изя. – До автобуса я могу дойти спокойным шагом за пять минут, а автобус по расписанию отправляется через десять.

– А если ты не успеешь на автобус, тогда по дороге на пляж пойдёт проливной дождь, – продолжаю я наезжать на брата.

– Или, – стараясь превратить всё в шутку, добавил улыбаясь Изя: – на пляже в жаркий летний день вдруг выпадет месячная норма осадков в виде снега.

Изя стал рыться по ящикам, ища свой фотоаппарат.

А мама в это время, залив овощи водой, решила поставить кастрюлю с будущими щами вариться на керогаз. Но на этот раз сил поднять кастрюлю немного выше кухонного столика на керогаз у мамы почему-то

не хватило. Кастрюля выскочила у неё из рук за керогаз, а керогаз перевернулся и, падая на пол, на мгновение задержавшись между дверью кухонного стола и мамиными коленями, подпалил на ходу снизу доверху мамин халат. Халат вспыхнул, как факел. Мгновенно запылала и вся кухня – стены, пол и потолок, входные двери общей кухни. Я, увидев это безумие, растерялся и от испуга только сумел крикнуть:

– Мама, мамочка, что ты наделала! – и, открыв нашу входную дверь, закричал: – Изя, скорей сюда! Наша мама горит.

Мама в это время вбежала в нашу квартиру, на ходу стараясь расстегнуть пуговицы горящего факелом халата, но руки её плохо слушались. Она пыталась разорвать на себе халат, но силы совсем уже покинули её. Изя подбежал к маме и стал от испуга судорожно обеими руками расстёгивать пуговицы на халате, потом, догадавшись, что надо разорвать халат, с силой рванул его на куски сверху до низу. Но мамины руки не хотели вылезать из горящего халата. На помощь к нам вбежал сосед Фима с первого подъезда, он повалил маму на пол и быстро накрыл её тёплым одеялом с кровати, тем самым погасив пламя. В это время соседские ребята, устроив живую очередь, стали друг другу без перерыва передавать ведра с водой, заливая водой горячую кухню. А Изя вылил на маму два ведра холодной воды. Через десять минут на кухне был погашен огонь, а от мамы по-прежнему шёл лёгкий дымок от ещё тлеющего на ней халата.

Мы все были в шоке от произошедшего. Мне вначале просто не верилось, что в этом пожаре пострадала мама. Мне казалось, что она сейчас поднимется с пола, наденет новый халат и, улыбнувшись нам, скажет:

– Ну что, дорогие, уставились на меня? Что давно не виделись? Ну споткнулась, с кем не бывает. А сейчас слушайте мою команду. Левеле, сбегай за водой, только принеси полведра, не больше. Повторяю – полведра, не больше. А ты, Изеле, подмети, пожалуйста, в столовой пол. А я пошла продолжать варить щи. Ой, кто-нибудь мне скажет, который сейчас час? Боюсь, как бы не опоздать в детский сад за Янкелем.

Но, увы, чуда не произошло. По просьбе тёти Хавы наши соседи сняли с мамы обгоревшую одежду и положили голую на кровать у окна, накрыв чистой простыней. Тебя Хава вымыла в столовой полы и открыла полностью окно.

Изя ходил из комнаты в комнату и стонал от невыносимой боли на руках, повторяя в который раз одно и то же:

– Мамоchка милая, что ты наделала! Я же в это время был дома. Почему ты не попросила меня поставить эту чёртову кастрюлю на керогаз?

Ну а я в это время побежал к телефону автомату звонить в «скорую помощь». По срочному вызову можно было звонить без денег, нужно только нажать на кнопку «срочно». Услышав в трубке «Скорая помощь вас слушает», я прокричал:

– Моя мама обгорела. Спасите её!

Меня спросили, что произошло и домашний адрес.

Пока я добежал обратно, во дворе дома уже стояла машина «скорой помощи». Маму положили на носилки. Уже с носилок она взглянула на меня и Изю, и огромные слёзы выступили у неё на глазах. Она почему-то сразу отвернулась от нас и стала смотреть в другую сторону.

После обеда тётя Маня принесла Изе обезболивающие таблетки и отвела к врачу-специалисту. Но

таблетки, по-видимому, не помогали брату, он по-прежнему ходил из комнаты в комнату и стонал от боли. Вечером Изя говорил папе:

– У меня только по локоть руки обожжены, а я еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать от боли, а как тяжело маме, полностью обгоревшей.

Почти до конца лета папа находил у себя на работе время, чтобы моего младшего брата Яна отвести утром в детский сад. Забирал Яна из садика пока я строго по будильнику. Папа лично для меня каждый день заводил будильник на четыре часа, а я каждую минуту смотрел на часы, ожидая, когда маленькая стрелка встанет на цифре четыре, а большая на двенадцать. И когда слышал звон будильника, я бросал все свои дела и бежал в детский сад за Яном.

В обед, где-то к двум-трём часам дня, папа приносил нам домой еду из столовой. В основном в одной кастрюле был борщ, в другой – лапша или пшёнка. Компот, иногда по кусочку мяса или по котлете нам приносила тётя Хава, стараясь принести незаметно от Изи. Брат принципиально не хотел ни от кого ни жалости, ни помощи. И при посторонних никогда не садился за стол. А кормил его каждый день из ложечки, как вы правильно догадались, конечно, я, получая иногда хороший удар ногой под зад. Ну что я мог с собой поделывать, если мне было смешно кормить его? То еда была не совсем остывшей, даже горячей, и Изя смешно её выплёвывал, то хлеб не совсем откусанный, торчал у него изо рта, а поправить его обгоревшими перевязанными руками он не мог. Иногда я попадал ему мимо рта. Это вызывало у меня смех, и я получал от брата подзатыльники. Потом он, правда, извинялся, просил прощения. А мне, пока ещё не понимающему по-настоящему, что у нас в семье

происходит, доставляло удовольствие, когда старший брат просил у меня прощение.

Ян ел всё, что ему давали, почти без проблем. Он уже понимал лучше меня, что если он сейчас не покушает, то я ему пока ещё не мама и уговаривать его особенно не буду. Вечером ужином уже командовал папа. Ужин проходил быстро, по-солдатски. Хочешь есть – ешь, что дают, не хочешь кушать, выходи из-за стола.

С туалетом мы справлялись сами, как могли.

У мамы в больнице я был всего два раза. Мама почему-то не хотела видеть ни меня, ни Яника. Наверное, она не хотела, чтобы мы видели её такой до полного выздоровления. Помнили её такой, какой она была до болезни, всегда красивой, напудренной, с накрашенными губами, чем бы она по дому не занималась.

Многие соседи звали меня и Яна к себе поесть, но мы, как и наш старший брат Изя, благодарили всех за приглашение и всегда говорили, что мы не голодны и что дома у нас из еды всё всегда есть.

Каждый день наши близкие соседи – тётя Хава, дядя Герсун, тётя Мера говорили и мне и Яну, что моя мама ещё очень молодая, у неё очень крепкий организм, и что она очень скоро поправится и возвратится домой из больницы.

Через месяц мама умерла. В ту ночь в больнице у её постели дежурил Изя. Перед смертью мама просила Изю, чтобы он присматривал за мной и за Яником, смотрел, чтобы я поменьше бегал по двору и хорошо учился, чтобы без её внимания не пошёл по скользкой дорожке, а стал порядочным человеком.

После похорон папа, Изя и я целую неделю сидели с кипами на голове дома. Я без надобности не выходил

из дома даже с друзьями. Тётя Маня и дядя Арон после работы каждый день сидели с нами до позднего вечера. Приходили к нам дядя Антон, тётя Лена – подруга мамы, заходили соседи из всех трёх домов нашего двора. Все говорили о моей маме как о прекрасном человеке, которого они все раньше времени потеряли. О том, какой она была хорошей матерью, женой, подругой, человеком с открытым добрым сердцем. О маме все говорили с теплотой и так искренне, что у меня и Изи сами собой наворачивались на глазах слёзы, папа мой, по жизни очень мужественный человек, тоже платком вытирал свои влажные глаза.

– В её смерти виноват только я, – говорил он всем. – Привык всегда за всех всё в доме решать, ни с кем никогда не советовался. Вот и результат. Сколько раз она просто просила купить в дом газовую плиту. А я решил раньше купить большой холодильник, сам решив, что он в доме нужнее газовой плиты. А надо было тогда, когда Сорка просила меня купить газовую плиту, к ней прислушаться. Ведь она, моя Сорале, была маленькой и хрупкой, как девочка. И как я раньше не мог себе представить, что поднять большую кастрюлю на керогаз, стоявший ещё на кухонном столе, просто ей было не под силу. Я наказан самим Богом, что не сумел сберечь счастье, что было в моих руках. Теперь из-за моей близорукости пострадали и мои дети.

Тётя Лена вспомнила Урал, военный завод и в нём маленькую быстренькую бригадиршу, командовавшую в цеху, сумевшую в короткий срок освоить работу на всех станках и на всём оборудовании. И как мама отнеслась лично к ней, к бесталанной, толстой бабе, подыскав ей работу по её способностям и тем самым

дать ей возможность почувствовать себя нужным человеком на своем месте.

А дядя Арон признался, что часто даже сам уговаривал свою Маню сходить навестить её брата Абрашу.

– Лично я по Абраше никогда не скучал, я его практически видел каждый день, но выпить вечером у Сорки чашечку чая с кусочком бесподобного печёного пирога или медовика, это было просто неопишное удовольствие, поднимающее у меня настроение на целый день.

Дядя Антон вспомнил 1943 год, когда он навестил своего друга Абрашку в госпитале. Абраша, тогда контуженный, перевязанный бинтами, ему говорил:

– Я всё равно выкарабкаюсь и вернусь живым домой, потому что уверен, что меня там, где-то за Уралом, ждёт моя Сорка и сынок Изеле. Антон, ты просто не представляешь, какая красивая моя Сороле. Только с таких красавиц, как моя Сорка, писатели и поэты придумывают добрые сказки о красавицах принцессах. Только здесь, лёжа в госпитале, я понял, что на этой земле я самый счастливый человек.

– А ты, Лёва, помнишь свою маму? – спросила тётя Лена.

– Конечно.

И тут я вспомнил один интересный эпизод. Однажды в мае, когда моей маме исполнилось тридцать девять лет, папа, окончив пораньше работу, пригласил её в кино на вечерний сеанс, в восемь часов. Они смотрели фильм «Верные друзья». После сеанса, недалеко от кинотеатра я решил их встретить. После окончания фильма, когда зрители огромной толпой стали выходить из кинотеатра, я боялся, что в этой толпе просто не узнаю своих родителей. Для меня все зрители были на одно лицо, одинакового роста и

одинаково одеты. И вдруг среди этой толпы зрителей я увидел папу в сером костюме, а рядом настоящую принцессу из сказки Шарля Перро, маленького роста, в строгом синем костюме и в малюсеньких туфельках, которым позавидовала бы даже настоящая Золушка. Мама очень обрадовалась, увидев меня, обняла и поцеловала в лоб. Я до сих пор не забыл теплоту маминого поцелуя. А тогда я решил, что, когда вырасту, никогда не женюсь, потому что такую, как моя мама, я, наверное, не встречу, а другую, не как мама, просто не смогу полюбить.

– Только сейчас, когда я потерял маму, – сказал Изя, – я понял, чего в жизни имел. Скажите, кто ещё, кроме моей мамы, зимой, в лютый мороз ради сына смог бы каждый день сидеть на базаре продавать квашеную капусту, чтобы по копейке насобирать деньги сыну на велосипед? А когда в прошлом году наш Лёвка подхватил воспаление лёгких, она ночами сидела у его постели, поправляла на нём одеяло, ставила ему банки, прикладывала постоянно холодное мокрое полотенце на голову. А Лев всё лежал и стонал, ничего не ел, не брал никаких лекарств. И что тут придумала мама? Она, одолжив у соседей денег, купила ему коньки с ботинками. Таких ещё не было у его друзей. Усадила Лёвку на кровать, надела ему носки, на них коньки с ботинками и аккуратно их зашнуровала, а потом заставила Лёву пройтись в ботинках по комнате. Что вы думаете? Наш Лёва просто ожил, чтобы поскорее выздороветь и прокатиться перед друзьями на коньках, стал глотать все таблетки, которые приписал ему врач. И через силу кушать всё подряд, что варила ему мама. Так из-за большой и необыкновенной любви и заботы нашей мамы Лёвка сумел выкарабкаться из болезни.

И потекли в нашей семье обыкновенные серые будни, для всех, только не для меня. Прошёл уже почти год после смерти мамы, а мне до сих пор всё кажется, что моя мама просто на минутку вышла из дома по своим делам и скоро должна вернуться.

Иногда после школы, когда в квартире я один и у меня есть немного свободного времени, я подхожу к маминому портеру на стене и разговариваю с ним, как с живой мамой. Мне порой кажется, что там далеко на небесах мама прекрасно меня видит и слышит, и я ей докладываю обо всём, что у нас произошло за время её отсутствия.

– Мамочка, а у нас в доме сделали капитальный ремонт. Из столовой убрали большую русскую печь, а в спальне нашу лежанку и вместо них поставили одну небольшую печку, которая обогревает всю нашу квартиру. В квартире стало очень удобно и появилось много места. Строители нам добавили жилплощадь в виде большой кухни за счёт квартиры тёти Меры. Ты же помнишь, что она жила всегда одна в двухкомнатной квартире, а сейчас у неё появилась небольшая кухня с газовой плитой и большой зал. Для одной её площади предостаточно и нам стало просторнее. Папа на кухню, как и всегда хотел, купил большой кухонный шкаф с двумя отделениями и четырьмя ящиками. А над ним огромный подвесной холодильник. И ещё у нас на кухне появился кухонный стол с четырьмя табуретками. Я за ним сейчас делаю уроки. Всем стало очень удобно. Я уже никому не мешаю, а в зале Изя на большом столе чертит свою дипломную работу. И ещё у нас есть очень большая новость, которая тебя очень обрадует. У нас в прихожей

появилась вода с отливом. Можно сейчас лить воды, сколько хочешь, и, самое главное, нам на кухню бесплатно установили четырёхкамфорную газовую плиту. Наш папа, как увидел эту газовую плиту, даже прослезился и сказал:

– Ах, эти строители, не могли то же самое для нас сделать год назад? Сколько бы горя прошло мимо нашей семьи.

Мамочка, почему ты так рано от нас ушла? Что мы тебе плохого сделали? Мы всегда тебя очень крепко любили. Мамочка, а Изя меня каждый день обижает. Заставляет в девять часов уже ложиться спать, а я так рано никогда не ложился, поэтому очень долго лежу в кровати и всё плачу, плачу, никак не могу уснуть. Каждый день Изя проверяет мой дневник и тетради. За каждую «тройку» он меня ругает и за «двойку» ставит на полчаса в угол на колени. Каждый раз спрашивает меня, почему я раньше учился без «троек», а сейчас на одни «тройки», и даже иногда бывают и «двойки». Дорогая мамочка! Я понимаю, что учиться надо всегда хорошо, но что я могу поделать, если мне совсем не хочется учиться, и к тому же я почему-то стал уставать. Утром я иду в школу, после школы мне нужно сбежать в магазин за молочными продуктами для Яника, вынести мусорное ведро, сходить в детский сад за Яником, разогреть на газовой плите обед, накормить Яника и Изю. У Изю руки уже почти не болят, просто по локоть стали в одних рубцах. В своём техникуме он уже приспособился сам писать себе конспекты, а вот зажечь спички для газовой плиты он пока ещё не может. А тут ещё стали дурить мне голову старенькие соседи со второго этажа – Сонька и Хацкель.

– Лёва, ты очень хороший мальчик. Ты не хочешь сходить для нас в булочную за свежей сдобой или сбегай, пожалуйста, в магазин за молоком.

Я, конечно, «очень хочу», просто «горю желанием» для них куда-то сбежать, мне без них просто нечего делать. Но что мне остается делать, и я бегу для них в магазин. Дома днём мыть посуду, кроме меня, некому. По вечерам иногда кастрюли и посуду моет папа, а Изю от мытья посуды мы с папой пока освободили, у него ещё не совсем зажили руки и иногда ещё шелушатся.

Знаешь, мамочка. Если бы меня вместо учёбы приняли на какую-нибудь работу, я бы с удовольствием согласился и с великой радостью перестал бы ходить в школу. Я решил, если Изя не перестанет меня обижать, убегу из дома. Я знаю одного мальчика, которого отчим каждый день бил ремнём и ставил на колени за всякие непослушания. Этот мальчик все эти издевательства терпел, терпел и однажды убежал из дома. Целую неделю он ночевал на вокзале, а потом уехал в другой город к своему родному папе и сейчас там у него живёт. Очень жаль, что у меня папа родной, а не отчим, а то я тоже бы от него из-за Изи убежал. Я иногда завидую Янику, его никогда не обижают, покупают ему всегда разные игрушки и возятся, как девочки со своими куклами.

Только спустя год я понемногу пришёл в себя. В школе стал лучше учиться. Отличником, правда, не стал, но тройки в дневнике стали у меня уже редкостью. Дядя Арон начал меня учить игре на трубе. Я с удовольствием бегаю на репетиции всех трёх духовых оркестров, которыми он руководит, а иногда по

вечерам он даёт мне уроки музыки у себя дома. Дядя Арон очень доволен моими успехами в музыке, говорит папе, что у меня очень хороший слух, а мне он однажды сказал, что уже на ближайшем Первомайском параде пристроит играть в каком-нибудь оркестре уже за деньги.

И ещё у меня очень хорошая новость. Изя перестал меня обижать и со мной уже разговаривает не как с ребенком, а как со взрослым хорошим другом. Ну а я в спокойной хорошей обстановке шутя справляюсь с домашней работой и даже иногда и с удовольствием.

Под руководством тёти Хавы и по её рецептам я научился варить простую еду: разные борщи, макароны, картошку, жарить яичницу и даже котлеты из готового фарша. После обеда продолжаю мыть посуду, а зимой слежу, чтобы возле печки были дрова. Печку протапливают папа и Изя по очереди.

А ещё я стал успевать участвовать в художественной самодеятельности и не только школы. По просьбе моей учительницы по русскому языку и литературы Нины Николаевны Виноградовой я с удовольствием участвую в регулярных концертах в городской библиотеке, где Нина Николаевна часто читает лекции о великих русских писателях и поэтах, таких как Твардовский, Блок, Есенин.

Как только я стал хорошо учиться, папа регулярно начал посещать родительские собрания и даже иногда приходил в школу среди недели. Вот и вчера папа во время большой перемены встретился в школе с моей классной руководительницей и с удовольствием слушал обо мне хорошие новости: по контрольной по математике «пять», по сочинению тоже «пять», я активно участвую в художественной самодеятельности.

«И, вообще, у вас растёт очень хороший мальчик», – похвалила Нина Николаевна. А затем она пригласила моего папу в городскую библиотеку к шести часам вечера, где состоится её лекция о творчестве русского писателя, поэта и журналиста Константина Симонова. А после вечера будет небольшой концерт, в нём выступлю и я.

Папа пришёл заранее. По его одежде никто не догадался, кем он работает. К тому же он побрился, постригся, надел серый костюм с галстуком. Со стороны можно было подумать, что лектор из общества «Знание» не Нина Николаевна, а мой папа.

Мне очень хотелось прочитать стихотворение Симонова так, чтобы оно понравилось, в первую очередь, моему папе. Я мысленно повторял всё стихотворение, делая акценты на те строчки, которые указывала мне Нина Николаевна во время репетиций. Лекция о Симонове очень понравилась моему папе, он хлопал лектору громче всех. А вот, наконец, и мой дебют перед моим строгим судьёй – моим папой. Нина Николаевна объявила мой номер – «Симонов «Жди меня». Читает Розен Лёва».

Когда я прочитал с выражением первое четверостишие, папа передвинул свой стул с середины поближе ко мне, заслонив своей широкой спиной женщину, сидевшую в первом ряду. На её просьбу отодвинуться и сесть куда-нибудь сбоку папа даже и не шелохнулся. Ему, наверное, в это время припомнилось всё: и война, и тяжёлая контузия, и желание умереть, чтобы не быть никому в тягость, и вовремя полученное письмо от Сорки, что она с его сыном Изей любят и ждут, что он им очень нужен такой, какой он есть сейчас.

Я декламировал этот стих, стараясь вложить в каждую строчку, в каждое слово весь смысл, всю свою душу.

«Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло...
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой».

Окончив выступление, я был удивлён, что никто не аплодировал. Похоже, стих заморозил зрителей, каждый думал о чём-то о своём, каждому было что вспомнить. Папа, как школьник, поднял руку, надеясь, что ему дадут слово, и, не дождавшись разрешения, встал со стула и сказал:

– После выступления моего сына у меня, шестидесятилетнего мужчины, прошедшего почти всю войну и далеко нелёгкую жизнь, на глазах навернулись слёзы. Это поэт, – как его зовут? Симонов? – написал такие стихи, будто он всю войну был рядом со мной в одном окопе, будто так же, как я, был ранен и контужен, и так же, как я, не хотел таким, просто калекой, возвращаться домой к жене и сыну. Этот стих заставил меня вспомнить свой последний бой на подступах к Варшаве, и как я, оглушённый сильным взрывом и засыпанный землёй, лежал в окопе и ждал своей смерти. И как в этот миг увидел свою Сорку и сына Изю, которого я не видел уже почти четыре года. Я представил себе, как моя жена, маленькая, худенькая, как школьница пятого класса, с сыном на руках в Сибири на военном заводе работает по двенадцать часов каждый день. Вспомнил и последнее письмо от Сорки, которое пришло мне в госпиталь: «Приезжай домой поскорее, мы тебя очень любим, и ты нам очень нужен, любой, повторяю, любой, но живой». И мне в эту

минуту так захотелось домой к своей Сорке, увидеть, наконец, своего сына, что я, ещё весь в бинтах, стал просить главного врача о своей досрочной выписке.

Моя жена в те далёкие годы своим ожиданием спасла меня от смерти. А я из-за своей самоуверенности и упрямства не смог её уберечь и потерял навсегда. Хотелось для своей Сорки сделать что-то хорошее, а получилось... – и папа, не закончив свою исповедь, глубоко вздохнул и направился к выходу.

Жизнь моя постепенно входила в обычное русло. Иногда, правда, бывали и мелкие казусы, но у кого их не бывает. Вот один из таких произошёл и у меня с учителем Петром Фёдоровичем Нестеренко. Его временно прислали в наш класс на замену Нины Николаевны. Ей надо было поехать в Москву со своей мамой, которой предстояла срочная операция.

Пётр Фёдорович вошёл в класс, поздоровался, раскрыл журнал и стал называть фамилии учеников, знакомившись с нами. Когда до меня дошла очередь, я встал из-за парты и чётко ответил: «Я». Пётр Фёдорович с минуту пристально всматривался в меня, а потом, рассмеявшись вслух, сказал, что таких рыжих, всего в веснушках, никогда в своей жизни не встречал. Кока, да и только. А потом добавил:

– Вот с тобой, кока, я первым и познакомлюсь у доски. – И повелительно сказал: – Кока, к доске!

Но к его удивлению на шутку в классе никто не прореагировал. Класс молчал. А я, ужасно обидевшись на учителя, остался стоять на месте.

– Кока, ты что, меня не понял? – повысил на меня голос Пётр Фёдорович. – Я сказал «к доске».

– Если вы вызвали к доске кока, то пусть кока и идёт к доске отвечать, – сказал я и демонстративно уселся за парту и уже с места добавил: – Вы плохой учитель. Так с учениками не шутят, и, хотя сегодня хорошо выучил урок, я не собираюсь вам его отвечать. Я очень на вас обиделся.

– Тогда дневник мне на стол, а сам вон из класса! – и обратился к ученикам: – Вы только посмотрите на него – какой он принципиальный! Учитель его обидел.

Я поднялся, положил свой дневник на стол и направился к выходу. Мой друг Толька вслед за мной поднялся из-за пары и сказал, что очень некрасиво смеяться над учеником и тем более оскорблять его. Это просто не педагогично. «Если вы моего друга назвали кокой, то я и весь наш класс будем вас звать очкариком, потому что вы пришли на урок в очках. И в знак солидарности с другом я тоже ухожу с урока».

– Как хочешь. Завтра чтобы тоже пришёл с родителями.

– Приду обязательно с родителями. Тем более что папа мой работает в милиции. Я расскажу ему о вас, и завтра он за вами придёт с наручниками.

Вовка Вайнберг сначала молча наблюдал, как мы с Толиком воюем с Петром Фёдоровичем, а потом стал тянуть руку: «Пётр Фёдорович, мне срочно надо выйти».

– Сиди! Никаких выйти, через полчаса закончится урок, тогда и выйдешь. – сердито сказал учитель.

– Но я не могу удержаться. Сейчас прямо в классе описаюсь.

– Что за день сегодня такой дурацкий. А ты, Вайнберг, чего стоишь и скрестил свои ноги? Быстро беги в туалет. Всё, тишина в классе. Урок продолжается.

Через минуту я и мои друзья весело смеялись над Петром Фёдоровичем в коридоре. А потом Толик уже серьёзно сказал:

– В жизни всё, о чём ты думаешь, надо открыто говорить и ничего и никого не бояться. Таким открытым легче шагать по жизни. Так всегда учат меня мои мама и папа.

Через день, посоветовавшись с Толиком, я положил на стул Петру Фёдоровичу восемь кнопок, которые незаметно стащил у своего брата Изи.

Петрик (теперь это прозвище учитель получил в нашем классе) вошёл в класс, поздоровался и сразу стал рассказывать новый материал о значении поэзии для народа. Закончив тему, Петрик уселся за стол, раскрыл журнал и что-то стал в нём отмечать, затем, о чём-то задумавшись, вдруг заёрзал на стуле. А потом вскочил, как ошпаренный, посмотрев на стул и собрав в ладонь все кнопки, приказал всему классу встать.

– Что это такое? – спросил он, выставив вперёд свою руку с кнопками. – Признавайтесь, кто подложил кнопки? Не признаетесь, будете стоять весь урок.

Класс молчал.

– Смирнов! Это ты подложил кнопки? Только ты способен сорвать урок.

– Что вы, Пётр Фёдорович, – артистично развёл руками Толик. – Я на такую мелочь просто не способен. В ваших кнопках нету для меня никакого интереса. Ну что вы ни с того ни с сего так расстроились. Ну несколько маленьких комариков одновременно вас ущипнули не сильно, а просто чуть-чуть. В этом даже нет никакого эффекта. Если бы я надумал что-то похожее для вас подстроить, я не брал бы никаких кнопок, а просто вбил бы молотком в стул парочку небольших гвоздиков. От них хоть небольшое

удовольствие получили бы и вы, и весь класс. А сегодня вы, Пётр Фёдорович из-за каких-то нескольких кнопок устроили в классе настоящий спектакль и сорвали нам урок.

– Всё, – услышав объяснение Толика, сказал Петрик. – Все могут сесть, а ты, Смирнов, вон из класса. Сегодня о твоём поведении я лично доложу директору школы.

В классе поднялся шум.

Вовка Вайнберг, который молча дожёвывал очередное печенье, стал тянуть руку.

– Ну что тебе ещё, Вайнберг? Сиди хоть ты сегодня спокойно, – уже успокоившись от классного балагана, попросил Петрик.

– А я знаю, кто подложил вам на стул кнопки. Это наша техничка толстая баба Поля. Она, по-видимому, в классе по черчению, когда мыла там полы, насобирала эти кнопки и временно положила их вам на стул, а потом про них и забыла. А тут вы на них и уселись. Так что в нашем классе никто не виноват. Можете в перемену доложить о бабе Поле директору, пусть он сам с ней и разбирается.

– Смотрите, смотрите! – на губах у Петрика появилась улыбка. – Вайнберг спал себе на задней парте, спал и вдруг проснулся. Молодец, ничего интересного никогда в классе не пропустит. Пусть бы ты, Вайнберг, так подробно отвечал мне урок. Ну раз ты у нас вовремя проснулся, тогда выходи к доске и расскажи, о чём я говорил в начале урока.

– А можно отвечать с места? – спросил Вовчик.

– Давай с места, – разрешил Петрик.

– В начале урока вы, Пётр Фёдорович, говорили о том, что очень неудобно сидеть на стуле с кнопками и что вам их нечаянно подложила наша техничка

толстая бабка Полина, что вы в большую перемену будете у директора с ней разбираться. – Вовчик немного задумался, а потом продолжил: – Ой, мне припоминается, что вы ещё говорили о великой поэзии, что она способна вдохновлять народ на трудовые подвиги, вести солдат в бой, не щадя своей жизни. И ещё, кажется, вы приравняли перо поэта к штыку. Я удивляюсь, как точно вы это смогли подметить.

– Можешь, Вайнберг, сесть, – сказал Петрик. – Я тебя до сих пор не могу понять: или ты всегда прикидываешься перед учителем таким простачком, или такой ты есть на самом деле.

На следующий день Толик утром зашёл за мной идти в школу на час раньше обычного:

– Лёвка, есть дело. Надо в нашем классе прямо сейчас, пока в школе ещё нет учеников, подставить Петрику стул сбоку под стол. Сидение стула имеет форму трапеции, спереди он немного шире, чем сзади, и если мы приподнимем сбоку стол и подставим под него сидение стула, наш умный Петрик немного поспихует и вряд ли догадается сначала поднять сбоку стол, а потом вытащить стул.

Я согласился с предложением Толика.

Первые два часа у нас по расписанию русский язык и литература вместе, мы должны были писать сочинение. Петрик поздоровался с классом и сразу написал на доске темы сочинений. Потом он почти полчаса ходил между рядами, смотрел, какую тему для сочинения выбрали ученики. Забирал с парт раскрытые учебники и шпаргалки. Наконец, когда наши с Толиком нервы были на пределе, он решил сесть за стол. Подёргал за стул. Стул из-под стола не вылезал. Петрик снова походил немного по рядам, а потом вышел из класса. Вернулся он в класс только ко

второму часу со стулом в руках, сел за стол и стал сразу проверять уже написанные сочинения. Наверное, Петрик уже почувствовал, что с нашим классом, 5-м «Б», можно что-то решить только по-хорошему, а если с нами пойти на принцип, то справиться просто невозможно.

Настал день, когда Петрик в последний раз проводил урок в нашем классе. Завтра он уже исчезает из нашей жизни навсегда, а к нам снова возвращается Нина Николаевна. После удачной операции у её мамы в Москве она вернулась домой и сейчас ищет для ухода за ней хорошую нянечку до полного выздоровления.

Для нас возвращение любимой учительницы настоящий праздник. Опять на уроках станет рабочая спокойная обстановка, а наша тройка – я, Толик и Вовка – перестанем дурачиться на уроках и начнём получать одни «четвёрки» и «пятёрки». И вообще, наша Нина Николаевна проводит свои уроки по литературе намного интереснее Петрика. Она всегда рассказывает много такого, чего нет даже в учебнике, и к тому же она очень молодая и красивая.

Вовчик однажды пошутил, что будь он лет на 10-15 старше, не задумываясь, женился на ней, на что Толик сказал, что нашей Нине Николаевне совсем не нужен такой обжора, как Вовчик, который все уроки подряд жуёт и жуёт своё печенье, никак не может наесться, и никогда им не угощает даже своих друзей.

– Не бойся за меня, – успокоил Толика Вовчик. – Когда очень нужно, я на уроках могу и не кушать.

А я посоветовал Вовчику на уроках поубавить свой аппетит и закрыть рот на замок, а, чтобы перекусить, для всех хватает одной большой перемены. Думаю, этого времени хватит и ему.

Итак, похоже, наши уроки для Петрика не пропали даром. Утром, войдя в класс, он, прежде чем сесть за стол, проверил рукой сидение стула, затем открыл журнал:

– Та-а-ак – растягивая слова, произнёс Петрик. Посмотрим, что мы на сегодня имеем. Трое учеников – Лантухова, Вайнберг и Розен ещё в этой четверти ни разу не отвечали. Первым пойдёт к доске Вайнберг.

– Пётр Фёдорович, а можно первой пойдёт Лантухова, она всё знает, она ведь отличница, – попросил Вовчик. – А я в это время ещё раз повторю басню.

– Лантухова так Лантухова, для меня разницы никакой нет, – сказал Петрик.

Лантухова вышла к доске и чётко с выражением прочитала басню Крыла «Ворона и Лиса», а потом предложила послушать ещё одну басню, но Петрик сказал:

– Спасибо, не надо. Садись, «пять». – А потом обратился к классу: – Вот так, мои дорогие, надо относиться к выполнению домашних заданий, аккуратно, чётко, с усердием. Задали тебе сделать – сделай, задали выучить басню – выучи. Я уверен, что Лантухова выучила дома не одну басню, как я задал, а две, а может быть, даже и три, и рассказала нам басню, как положено – с выражением. Вот так надо отвечать на «пятерку», не как иногда отвечают наши троечники, которые не всегда могут пересказать басню даже своими словами.

А потом он обратился к Вовчику:

– Ну что, Вайнберг, опять подошла твоя очередь отвечать. Иди к доске. Я сморю, целой недели с двумя выходными днями не хватило тебе выучить басню Крылова и тебе, бедному, пришлось учить её прямо на

уроке. А может, чтобы не мучить тебя, сразу поставить тебе «двойку»?

– Что вы, Пётр Фёдорович, я знаю басню на «пять»,
– спокойно ответил Вовчик.

– Ну, тогда рассказывай!

Вовчик быстро-быстро стал рассказывать басню Крылова.

– Постой, постой тараторить! – перебил Вовчика Петрик. – А где название басни? Кто автор?

– Всё. Я понял, – Остановился Вовчики и уже с выражением, как настоящий артист, чётко объявил: Крылов. Басня «Ворона и Лисица». Читает Вайнберг Володя, – и затем после паузы, как и прежде, быстро, скороговоркой начал рассказывать басню.

Закончив, он спросил у Петрика:

– Ну и как я прочитал, без ошибок, быстро и всё правильно?

– Правильно-то правильно, не спорю, всё по-книжному, – улыбнулся Петрик, но очень быстро, как при пожаре, и без выражения. За такой ответ я всегда ставлю оценку не выше «тройки», но тебе за то, что ты успел выучить басню прямо на уроке, в виде исключения ставлю «четыре».

Перед тем, как сесть на место, Вовчик просил Петрика:

– Пётр Фёдорович, а вы поставить «четвёрку» за басню в дневник не забыли?

– Забирай свой дневник и садись, пока я не передумал. Я поставил тебе большую жирную «четвёрку», чтобы такую оценку ты хотел иметь по всем предметам.

– А теперь отвечать пойдёт Розен Лёва. Интересно, очень интересно, – покачал вдруг головой Петрик. – А почему у тебя в журнале стоит точка? Наверное, в прошлый раз звонок помешал тебе ответить, верно? –

И не давая мне ответить, сказал: – Да, припоминаю, припоминаю. Кажется, в прошлый раз я успел чем-то обидеть нашу кисейную барышню, и она от большой обиды на своего учителя отказалась отвечать урок, за что и получила «кол» в дневнике. В журнал я в тот раз по литературе просто постеснялся поставить эту оценку.

«Вот бы тебя за этот «кол» поставить, как меня, на 15 минут на голые коленки, – подумал я. – Ты бы узнал, как это приятно слышать оскорбление в свой адрес от «умного» горе-учителя.

– Итак, Лёва Розен, какую басню Крылова вы нам расскажете? – спросил Петрик и уселся за последнюю парту рядом с Вовчиком.

Я взглянул на ухмыляющегося Петрика и, насколько можно артистично, начал читать басню «Волк и Ягнёнок».

«У сильного всегда бессильный виноват...»

Дойдя до слов: «Но делу дать хотя б законный вид и толк, кричит...», – мне припомнился Петрик на том злополучном уроке, его насмешливый унижительный взгляд и издевательское: «Кока! Ты меня не понял? К доске! Отвечать урок!» – Тут моё лицо покрылось краской, и меня прорвало. Я представил себя голодным злым волком, согнул в своих ладонях пальцы в огромные волчьи когти и медленными шагами сделал несколько больших крадущихся шагов по направлению к Петрику и громко, насколько позволяли мои связки, зло, страшным голосом прорычал:

«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
здесь чистое мутить питьё моё...
с песком и илом?»

За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».

После небольшой паузы я, не спеша, задом вернулся к доске, теперь перевоплощаясь в ягнёнка. Опустив свою испуганную волком голову, а руками прикрыв от страха свои глаза, дрожащим голосом бедного испуганного ягнёнка продолжил:

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От светлости его шагов я на сто пью...»

Так, чередуя роль и воплощаясь то в злого волка, то в несчастного ягнёнка, я дочитал басню до конца, взял со стола классный журнал и отнёс его на последнюю парту Петрику.

Класс дружно зааплодировал. А Петрик почему-то никак не прореагировал на чтение мною басни и очень серьёзным остался сидеть до конца урока на задней парте. Когда прозвучал звонок, он попросил меня задержаться. Извинившись передо мной за тот урок, он сказал, что тогда просто не подумал, что, на его взгляд, простая, безобидная шутка может так сильно меня обидеть. Обещав мне, что больше так ни с кем не будет шутить, он протянул мне руку:

– Ну что, Лёва, мир?

– Ладно, мир, – ответил я Петрику и тоже пожал ему руку.

В коридоре ожидающий меня Толик сказал, что он придумал новый способ, как можно известить Петрика, на что я ответил, что мне кажется, Петрик уже осознал свою ошибку, и надо оставить его в покое.

– Ну, как хочешь, – пожал плечами друг. – Тогда давай сбегает в детский парк, покатаемся на чёртовом колесе.

И мы весело, размахивая портфелями и вприпрыжку, побежали к детскому парку.

Часть вторая.

ОТРОЧЕСТВО

ГЛАВА 1

Арон с тётёй Маней жили на улице Пушкина в большом доме на две семьи. За домом был небольшой огород в пять грядок, которых от соседнего огорода отделяли кусты малины, крыжовника и четыре молоденьких яблони. По середине огорода на восьми кирпичач стояла большая бочка с краном. Вода в бочке каждый день пополнялась водой из колонки, и в жаркие дни по вечерам этой за день нагретой водой Арон поливал свой огород.

Раньше бочку наполняли водой всей семьёй, а теперь, когда взрослые дети Арона Яша и Аня, закончив оба автотехникум, уехали по распределению работать в Минск на тракторный завод, воду стал таскать Арон один. Его младший сын Миша – мой ровесник – был на голову выше меня и намного плотнее официально заявил отцу, что огород ему до лампочки, и он таскать воду в бочку не собирается. Вместо детей Арона я сам, просто в своё удовольствие, помогал иногда Арону таскать воду из колонки в бочку. Вместе мы довольно быстро наполняли бочку водой. Затем Арон при хорошем расположении духа угощал меня чем-то вкусненьким – фруктами, арбузом или

конфетами из коробки, которые всегда лежали на столе. А потом проводил со мной час репетиции по игре на трубе и только потом на своём мотоцикле без глушителей, с треском на всю улицу отвозил меня домой.

Однажды, когда у нас в школе не было последнего урока, я решил сам натаскать в бочку воду. Взял свои два небольших ведра, каждый по пять литров, начал таскать воду. Через час, наполнив бочку, я взглянул на свои руки, – все пальцы были уже в лопнувших пузырях. Арону ни за что досталось вечером от тётки Мани, а на следующий день, я предполагаю, состоялся неприятный разговор у Арона с Изей. Мол, Лёва ещё ребенок, сирота, растёт без матери и некрасиво вам, дядя Арон, его обижать и использовать в личных целях.

Арон для нас с Изей был очень хорошим другом, но незаслуженных оскорблений не прощал никому. Так я решил, потому что все музыканты духового оркестра, окончившие вместе с Изей, получили назначения – кто в Минск, кто в Гомель, а кое-кто даже в нашем Бобруйске на весовой завод, завод сельскохозяйственного оборудования, металлургический завод им. Ленина, а наш Изя по «великому благу» (директор автотехникума был лучшим другом Арона) при росте 1,6 метра единственный получил направление на Урал, в Чкаловскую область в город Бузулук, в детскую исправительно-трудовую колонию в качестве преподавателя по холодной обработке металла резанием.

Изя заказал себе огромный чемодан на колёсиках и, как только чемодан был готов, немедленно отправился за своей романтикой на Урал, в город Бузулук. Из его писем мы узнали, что он в Бузулуке совсем не пропал и даже там, в исправительной колонии, стал

очень нужным и востребованным и, наверное, единственным из своей бывшей группы, кому прямо с первого дня работы очень понадобились знания и конспекты, полученные и записанные на занятиях.

Изя был на голову ниже своих высокорослых учеников, но после первых же уроков в присутствии воспитателей он со своими учениками стали просто друзьями, и в дальнейшем уроки уже и без воспитателей с колонистами проходили всегда конструктивно, с большим вниманием, как у первоклашек со своим первым учителем.

В первые же дни воспитанники колонии заметили, что у нового учителя руки в больших рубцах от ожогов по локоть, и по их просьбе Изя в свободное от занятий время рассказал всё о себе и о своей семье. О нашей маме, маленькой, похожей по росту на пятиклассницу, проработавшую всю войну на военном заводе по 12 часов в сутки. И как он, Изя, пятилетний мальчик подносил ей тяжёлые заготовки, и как он во время пожара спасал факелом горящую свою маму. И о тёте Мане, военном враче, подбравшей в эшелон с поля боя раненных бойцов, а потом три года лечившей раненных в Ленинградском госпитале. И о дяде Ароне – военном дирижёре, в войну командовавшем ротой, и о папе с дядей Антоном, подружившихся в годы войны и вместе плечо к плечу прошагавших пол-Европы, и про соседа Андрея, предлагавшего моему папе купить у него папину же куртку. И даже про меня, стрелявшего из рогатки шариками от подшипников в птиц и бездомных собак...

А потом, когда Изя уже ждал повестку на службу в армию, он подарил своим ученикам-колонистам свою гитару и желающим показал основные аккорды и научил их подбирать разные мелодии и аккомпани-

ровать. Мой брат стал для воспитанников первым парнем в колонии. А вскоре Изины воспитанники пели уже под гитару не только свои «приблатнённые» песни, но и современные популярные среди молодёжи. Им очень нравилась петь под гитару песню с такими словами:

«Что я буду делать без тебя,
пропадет вся молодость моя.
Но ты будь уверена в искренней любви моей.
Жизнь моя погублена тобою».

Однажды эту песню услышал начальник колонии, разговаривающий в коридоре с воспитателями, и довольный сказал:

– Молодцы, ребята, хорошо поют. Классный учитель пришёл к нам на работу в колонию. А вы горе-воспитатели, что мне твердите каждый день, что колонисты не поддаются воспитанию. – А потом добавил: – Мне бы таких воспитателей человек пять, как Исаак Абрамович, можно было бы убирать весь забор вокруг колонии.

Прощаясь с Изей, колонисты долго разговаривали с ним. Говорили, что они просто по молодости немного оступились, что они совсем не потерянные, а в основном все честные пацаны. Жалко, что воспитатели видят в них в основном уже потерянных и в будущем их ждёт только тюрьма.

Именно Изя первый увидел в них не преступников, а оступившихся пацанов, таких же, как гуляющих далеко за забором колонии.

– Спасибо, Исаак Абрамович, тебе за это. Мы обещаем, что после нашего освобождения больше никогда не попадём в месте заключения. Мы все

желаем тебе лёгкой службы и всегда оставаться таким, каким ты есть сейчас. В память о нашем знакомстве прими от нас наш скромный подарок, – и вручили Изе красивый наборный браслет к часам, сделанный своими руками.

* * *

Лёгкой службы у Изи не получилось. Служить он попал на Камчатку. Однажды на учениях в непогоду, при шквальном ветре, сильном снегопаде и минимальной видимости, его не заметил и сбил огромный автомобиль «Краз». Удар пришёлся в голову, у Изи треснул череп. Он почти два месяца лежал в госпитале без сознания. Операцию по сращиванию черепа в качестве эксперимента ему делал полковник Быстрицкий, опытный хирург, отец знаменитой артистки Элины Быстрицкой, сыгравшей много прекрасных ролей в советском кино. Когда после операции Изя пришёл в себя, Элина несколько раз навещала его в госпитале и приносила апельсины. Изю после выздоровления комиссовали из армии, и он, прослужив почти два года, вернулся домой с огромным шрамом через весь лоб, толщиной в палец.

Отлёживаться дома Изя не стал, а уехал к друзьям по техникуму в город Мозырь на завод мелиоративных машин. Там он начал работать мастером участка, стал в дальнейшем заместителем начальника огромного цеха, затем начальником заводской базовой лаборатории и закончил свою карьеру ведущим конструктором.

Кроме основной работы Изя был на заводе постоянным руководителем заводского духового оркестра и лучшего в Гомельской области детского духового оркестра. Многие музыканты из этих оркестров связа-

ли свою жизнь с музыкой, оканчивали музыкальные училища, а некоторые даже и консерватории.

* * *

Младший мой брат Яник (даже без особого присмотра со стороны отца и брата) не опустился до уличных хулиганов, он стал квалифицированным рабочим, а в армии прослужил музыкантом в штатном духовом оркестре в Ярославле. На одном из смотров оркестров художественной самодеятельности был удостоен грамоты за профессиональное мастерство.

ГЛАВА 2

Прошёл еще один год, как мы остались без мамы. Тётя Хава, однажды вспомнив нашу маму, сказала, что она была очень доброй и порядочной женщиной, поэтому её забрал к себе Бог. Чтобы она там, сверху, помогала ему наводить на земле порядок, и что мама, наблюдая сверху, очень довольна нами, ведь мы без неё не пропали, не голодаем, хорошо учимся и не стали хулиганами. И что стали очень дружными и самостоятельными, научились справляться с любой трудностью в жизни.

Изя в этом году уже закончил свой автотехникум и собирается уезжать на место своего назначения, как говорит тётя Маня, на край света. А на самом деле брат уезжает от нас не на край света, а в самый центр нашей страны. В школе по политической карте мира я нашёл это место. Это Урал, Чкаловская область, город Бузулук. Изя едет в этот город учителем по обработке металла резанием в детскую исправительно-трудовую колонию.

Папа его просто уговаривал никуда не уезжать, а год до армии поработать где-то у нас в Бобруйске на каком-нибудь заводе. По просьбе тёти Мани кто-то обещал устроить его на завод слесарем-ремонтником, а один друг дяди Антона даже приглашал чертёжником в конструкторское бюро одного крупного предприятия.

Но Изя своим упорством, как говорит папа, весь в свою маму, если что-то надумал, обязательно должен своего добиться, а любое начатое дело не бросить по середине, а довести его до конца. Он уже в какой-то мастерской заказал огромный чемодан на колёсиках и купил в магазине на всякий случай запасные струны к своей гитаре.

Янику уже пять с половиной лет, он продолжает ходить в детский сад №3 на Пушкинской улице, и мы никогда не оставляем его одного в квартире. По воскресеньям я хожу вместе с ним в кинотеатр «Пролетарий» смотреть детские фильмы. Кинотеатр находится всего в двух небольших кварталах от нашего дома. Иногда я беру братишку с собой во двор, когда нахожу время поиграть с друзьями в футбол. Мои друзья, играя, тоже внимательно следят за Яником, чтобы он не уходил со двора и во что-нибудь не влез. А в нашем дворе таких мест полно. Кто-то из соседей привёз и скинул у своего сарая дрова, у кого-то возле сарая лежат какие-то ящики. А у кого-то возле сарая стоит ржавая кровать, а в конце двора чьи-то небольшие огороды, а за нашим двором через поломанный забор можно свободно пролезть и попасть прямо на проезжую часть дороги.

Уже дома мы с Яником строим из кубиков огромный сказочный дворец. Я объясняю Янику, куда надо ему поставить кубик, и он осторожно ставит его туда.

То есть, я архитектор строительства, а братишка лучший в мире строитель.

Иногда Изя берёт нас в детский парк с множеством аттракционов, а один раз мы все втроём даже ходили во взрослый театр на детскую постановку по сказке Андерсена «Свинопас». Спектакль был очень хороший, поинтереснее даже самого классного фильма.

По вечерам, если у папы хорошее настроение, он своим грубым низким голосом рассказывает нам с Яником сказки. Если мы с братишкой на миг закрываем глаза, то сразу, слушая грубый папин голос, представляем себя в папиной сказке.

Однажды папа, пригласив к нам тётю Маню и дядю Арона и позвав всех нас – Изю, меня и Яника, сказал, что не за горами уже зима и что он просто не в состоянии со своей работой за всем в доме уследить. Ему приходится самому и постирать, и печь протопить, и иногда что-то сварить, и всех накормить и убрать, и сходить в магазин, а Изя собирается уезжать далеко и надолго. Он даже пока не представляет толком, куда это на какой-то Урал. И папа решил, чтобы в нашей семье был порядок, все были сыты и под присмотром, привести в наш дом одинокую хорошую женщину. Она будет каждый день помогать ему по хозяйству и постарается по возможности нам всем понравиться. Выслушав папу, мы задумались: и зачем к нам в дом приводить какую-то женщину, мы и без неё со всем справляемся и нам совсем неплохо и без неё живётся. Но если наш Изя промолчал, то и нам папе сказать нечего. Пусть делает что хочет.

В воскресенье в нашей квартире состоялось первое знакомство с нашей будущей мачехой. Не могу сказать, что она сразу нам понравилась хоть чем-то. Совсем чужая женщина да еще с десятилетней дочкой на

руках. К её коробке шоколадных конфет за весь вечер так никто и не притронулся. А на её всякие к нам вопросы мы отвечали по-военному – кратко и точно «да» или «нет».

На пожелание папы, чтобы мы все обязательно подружались, Изя за себя сразу ответил, что главное для него, чтобы будущая жена подружилась и хорошо относилась к Лёве и к Янику, а ему её любовь совсем не нужна, он уже взрослый, а маму не сможет заменить ни одна женщина в мире.

К тому же через месяц Изя уезжает и надолго. Сначала на работу, а потом на три года пойдёт в армию.

Выслушав всех, папа сказал будущей мачехе:

– Ты мне как женщина очень нравишься. Я тебе во всём буду помогать. Думаю, что ты обязательно подружишься с моими мальчиками. Но сейчас решать тебе. Думаю, что у нас тебе будет намного лучше, чем жилось до сих пор с сестрой и её семьёй, да ещё всем в одной единственной комнате, пусть даже очень большой. И не думай, что твоей сестре доставляет удовольствие жить с тобой под одной крышей, да ещё и с твоей маленькой дочерью возиться, пока ты находишься на работе. Живя у сестры, ты и сама не живёшь и не даёшь своей сестре жить по-человечески. А у нас, пока я ещё работаю, смогу содержать и тебя, и твою дочь минимум до трёх лет и снабжать вас всем необходимым. Подумай хорошенько, такое предложение тебе может сделать далеко не каждый.

Через два дня Шмель Фаина Ефимовна, тридцати семи лет, вместе со своей дочкой Фирой на папиной подводе въехала в наш двор, став полноправной хозяйкой нашей квартиры.

На подводе стояли три обшарпанных чемодана, детские коляска, кровать и связанный узлами огромный пакет из покрывала для кровати, в котором были детские вещи, пелёнки, простынки, тарелки, чашки, насколько кастрюль одна в одну и две сковородки.

В первый же день мачеха, решив взять Яника на руки, сразу лишилась двух верхних пуговиц, а он, вырвавшись из её объятий, спрятался под стол. Но постепенно их дружба налаживалась. Яник через месяц уже спокойно за руку ходил с ней в свой детский сад, по вечерам, когда мачеха провожала свою сестру, он всегда шёл с ней рядом, держась одной рукой за коляску.

Со мной было немного по-другому. Я очень трудно привыкал к новому члену нашей семьи. Я был похож на молодого волчонка, которому не было куда деться и для своего временного благополучия приходилось угождать своим хозяевам, быть податливым и дожидаться своего момента, чтобы как можно больше укусить своих новых хозяев. Мачеха быстро воспользовалась моей податливостью. Через две недели я, по её просьбе, уже бегал в булочную за хлебом, в молочный магазин за молоком, сливочным маслом и творогом, дома бегал за её Фирочкой, только делающей свои первые шаги, а когда к нашей мачехе приходили в гости её подруги, она отправляла меня гулять со своей дочкой на улицу на час, а иногда и на два. И я на руках таскал Фиру по двору, завидуя своим друзьям, играющим в разные игры. А вечером, уставший, садился в кухне за стол делать уроки.

Изя с утра до вечера где-то пропадал, возвращаясь поздно, проверял, что есть в кастрюлях и чем вкусненьким можно поживиться в холодильнике. Потом читал

детские книжки Янику и расспрашивал его, чем он занимался в детском садике. Проверял у меня дневник, а иногда к радости мачехи бегал из комнаты в комнату за Фирой. А однажды он даже ко дню рождения малышки подарил ей игрушечную колясочку с куклой.

Перед отъездом на свою первую работу в Бузулук Изя попросил мачеху не очень нагружать меня всякой работой: «Ему надо много сил, чтобы хорошо учиться, заниматься музыкой, ходить на свои концерты и находить ещё время побегать с друзьями по двору». Мачеха, конечно, за такие наставления обиделась на брата и вечером пожаловалась папе:

– Мало того, что твой Изя на меня всегда злится, так ещё и учит Лёву, чтобы он мне ничем по дому не помогал. Видите ли, у Лёвы для меня совсем нет времени. Ему надо заниматься только учёбой, музыкой, какими-то концертами, а в свободное время бегать с друзьями по двору. А мне, молодой ещё женщине, хоть разорвись, нет ни минуты свободного времени, чтобы передохнуть. Я уже не говорю о том, чтобы хотя бы раз в неделю сходить в кино или вечером подержать в руках книгу. И это жизнь для ещё молодой женщины?

Выслушав мачеху, папа ей сказал:

– Мне кажется, моя дорогая, что ты до своих сорока лет уже всё успела в жизни: и нагуляться, и дочку себе от кого-то родить. Если тебе у нас не нравится, я тебя силой держать не собираюсь. Дети у меня хорошие, не распущенные, понемногу стали к тебе привыкать, уважают тебя и слушаются. Да и твоей Фире нужна не только мать-одиночка, которую она видит каждый день только вечером перед сном, а настоящие братья, хоть и не родные, и папа, пусть даже не родной. У твоей

Фиры должно быть всё, как у всех порядочных людей. А сейчас решай сама: хочешь – оставайся, а нет – собирай свои вещи, и завтра днём я отвезу тебя назад к твоей сестре.

За вечер мачеха хорошо выплакалась, сходила за советом к сестре и осталась навсегда жить с нами. Я для неё надолго оставался услужливым волчонком, а Яник быстро превратился в её почти родного сына. Ему нравились и мачехины ласки, и разные деликатесы, которые она покупала и поровну делила со своей дочкой, а в обед лучшие кусочки были тоже для Яника и Фиры.

Хотя Янику уделялось особое внимание, он рос худым и болезненным. Часто простывал, плохо ел. Однажды тётя Маня, посоветовавшись с детским врачом, решила, что Янику просто необходим на всё лето санаторный сад. Кто-то помог моему папе достать такую путёвку, и уже 25 мая папа отвёз братишку туда.

Санаторный сад находился почти на окраине города, в очень красивом месте, на его территории было много зелени, деревьев, цветов, много разных аттракционов. Для детей предусматривалось четырёхразовое питание. Несколько врачей постоянно следили за здоровьем малышей. Из санаторного сада детей отпускали только в конце недели на выходные домой. В понедельник утром папа на своём транспорте отвозил Яника в сад, часто из-за нехватки времени даже не завтракая. А в пятницу к концу недели у папы на работе был просто аврал. Надо было срочно что-то завезти опять на склад, а что-то срочно получить, и раньше шести часов вечера папа просто никак не мог закончить свою работу. А забирать детей из сада надо было с трёх до пяти часов. Первый раз за Яником сходила мачеха, но вечером она жаловаться папе:

– С ума можно сойти. Это же кто-то догадался построить санаторный сад на краю света? Надо целый час идти до него и столько же обратно тащиться домой. Ты, Абраша, как хочешь, можешь даже на меня обижаться, но я больше туда за Яником не пойду, хоть убей меня.

В следующий раз папа сумел пораньше закончить работу и забрать Яника сам. Потом я забирал брата. В садик за ним я шёл пешком, а назад мы ждали на остановке автобус больше часа. Автобус районного значения проходил здесь всего один раз в час, но зато по моей просьбе шофёр останавливал автобус прямо рядом с нашим домом.

Два раза я приезжал на Изином велосипеде. До санаторного сада я ехал так. Сначала от нашего дома два квартала до улицы Пушкина, затем по улице вниз проехать четыре квартала до переезда, после переезда надо проехать ещё четыре квартала, свернуть за магазином направо и проехать ещё три квартала.

Я так подробно описываю всю дорогу до санаторного сада, чтобы, если кому он понадобится, знал, как ехать.

Так вот, забрал я брата в первый раз, посадил на раму, и мы поехали. Педали всю дорогу легко крутились, переезд был свободен, и я без проблем доехал до нашего дома. Зато когда я забирал брата во второй раз, то в дороге ворчал, сам не зная на кого, точно как наша соседка из второго дома тётя Фрося, за шиворот затаскивающая своего пьяного в душель Данилку из беседки домой. Дело в том, что переезд был очень долго перекрыт шлагбаумом, и я с Яником, сидящим на раме велосипеда, почти двадцать минут стоял на переезде, пока в обе стороны не прошли два состава – один товарный, другой пассажирский. После переезда дорога немного поднималась в верх, и я

никак не мог на ходу вскочить на велосипед. Мне пришлось четыре квартала вести велосипед с сидящим на раме Яником. Так как я был ростом чуть выше велосипеда, со стороны прохожим казалось, что Яник сам, без посторонней помощи, едет на велосипеде.

Пока протащил эти четыре квартала велосипед, я очень устал и был мокрым, как после душа. Свернув, наконец, на свою родную улицу Бахарева, я вскочил на велосипед и уже, как барон, поехал домой, чуть дотрагиваясь до педалей. После этого я сказал сам себе, что больше за Яником на велосипеде не поеду.

В следующие два раза мне повезло: отец одной девочки спросил меня, где мы живём, и подвозил нас на своей машине прямо до самого дома.

Потом к своей огромной радости я сам тоже поехал отдохнуть по путёвке в пионерский лагерь.

А наша мачеха – ну и хитрющая женщина! – не могла мне раньше подсказать, стала ездить за Яником с автобусной стоянки на базаре, там на огромном щите написано расписание движения всех автобусов. Конечно, ехать на автобусе, как Ротшильд, – это не идти в такую даль пешком. А уже назад, чтобы уехать домой, моя мачеха на пару с одной мамой малыша заказывали такси.

ГЛАВА 3

С раннего детского возраста мне нравилась профессия столяра. Поэтому сразу после седьмого класса, сдав экзамены в ремесленное училище, я с удовольствием начал учёбу. Особенное отношение к профессии мне привил мой мастер.

– Читать и писать ты научился, – сказал он. – Пора подумать и о взрослой жизни, получить хорошую

профессию, а дальше пусть учатся те, кто не любит работать, кому только дай покомандовать.

С первого урока мастер так красиво рассказывал нам, ученикам, о профессии столяра, что многие в эту профессию просто влюблялись. И я не исключение. Мне с первых дней учёбы очень нравился визг рубанка, впивающегося в древесину и сострагивающего тонкую, почти прозрачную стружку. Мне нравилась и ручная заточка режущего инструмента, которым после заточки можно было срезать в воздухе человеческий волос. Мне нравилась и самостоятельная работа на деревообрабатывающих станках. И, конечно, сама сборка мебели. При сборке мебели я чувствовал себя архитектором и с большим удовольствием собирал из заготовок, сделанных своими руками, вначале табуретки, а потом и столы с ящиками, шкафы, серванты, разных модификаций.

Всю свою жизнь я посвятил этой прекрасной профессии, всегда старался работать качественно, часто получая благодарности от заказчиков.

После окончания ремесленного училища меня направили на Мзырский деревообрабатывающий комбинат столяром. Папа, узнав о моём назначении на работу, надел свой новый костюм и пошёл в училище прямо к директору. С мольбой в голосе он стал просить оставить меня работать в Бобруйске, положив на стол целую папку документов и справок и о своём ранении на фронте, и о смерти моей мамы, и что она в годы войны работала в Сибири на военном заводе, и что его старший сын Изя служит сейчас в рядах Советской Армии, и, если я уеду, его младший сын Яник останется на полдня совсем без присмотра. Директор училища срочно кому-то позвонил и назавтра дал для

меня новое назначение. На этот раз на бобруйскую мебельную фабрику имени Халтурина.

Мне, тогда семнадцатилетнему парню, очень хотелось самостоятельности, пожить без советов, как надо жить, когда и куда ходить, без ежедневных наставлений папы и сверх мудрой моей мачехи, и отдохнуть, наконец, от назойливой её дочки Фиры. Видишь ли, она будет кушать, если её будет кормить только Лёва. Хочет, чтобы Лёва почитал ей книжку, а он не хочет. Но я решил, что Фира мне не дочь и даже не родная сестра, и от всего этого, вопреки уговорам папы, стал собираться в дорогу. Тем более что в этом для меня пока ещё неизвестном Мозыре жил мой старший брат Изя. И в один из сентябрьских дней я на автобусе уже подъезжал к городу Мозырь.

Ещё издали, проезжая по огромному километровому мосту через реку Припять, я увидел высоченную гору, пожалуй, по моей оценке, метров в 300-400. И на этой высоченной горе огромное здание педагогического института. Это и был въезд в Мозырь. Возле горы автобус свернул налево к автобусной, станции, и я заметил множество ступенек, ведущих снизу горы к институту, и со злорадством подумал, вот бы посмотреть, как моя мачеха, живущая внизу, в доме у моста, спешила бы по утрам на работу в магазин, который находится там, наверху, недалеко от института.

ГЛАВА 4

Мозырь покорила меня своей гористой местностью. Иногда мне казалось, что улицы далеко на горизонте соприкасаются с облаками на небе, а множество частных домов с деревьями и садами создавали чистый ароматный воздух, которым могут похвалиться только

районы местечковой местности. Центральная площадь города, вопреки всякому здравому смыслу, на самой середине была намного ниже, чем по её краям на тротуарах. После хорошего дождя её перейти было просто невозможно. По краям площади было уже сухо, а в середине воды ещё до колена.

Поразила и река Припять своим обилием рыбы, в этой реке в начале шестидесятых рыба просто носилась по поверхности реки, ни один рыбак, даже начинающий, никогда не возвращался с рыбалки без улова.

Ещё мне нравился паром на Припяти, который в часы пик перевозил из центра Мозыря до промышленного района Пхов сразу по несколько сот пассажиров. Цена тогда за проезд была чисто символической – всего три копейки за человека. В районе посёлка Пхов был порт и несколько предприятий, среди них крупнейший завод в Гомельской области, Мозырский завод мелиоративных машин, где выпускали огромные скрепера, канавокопатели и разные прицепы. А прямо за заводом на площади в несколько километров стояли новые харьковские гусеничные тракторы. Их каждый день десятками завозили на завод, разбирали и монтировали какое-то новое оборудование.

Удивляла бесхозяйственность, что в Харькове надо было делать тракторы, чтобы в далёком Мозыре их переделывать. Зато было много незапланированных рабочих мест.

В Мозыре меня поразили сами люди: они в отличие от жителей крупных городов были очень добродушными и приветливыми. Всегда, если надо, объяснят, покажут, посочувствуют, посоветуют и пригласят к столу.

Изя снимал комнату в большом частном доме по улице Пролетарской, недалеко от моста. Из окна была

хорошо видна река Припять. Я поселился у Изи, неделю спал вместе с ним в одной кровати, а потом хозяева дома очень порядочные люди предложили мне спать на их раздвижном диване в гостиной, а днём убирать постель в диван.

После нескольких дней знакомства с Мозырем Изя пригласил меня пройтись с ним по магазинам. Эта прогулка оказалась очень накладной для брата, он купил мне стильный серый пиджак, брюки, три рубашки, импортные туфли и даже галстук. Скажу честно, я просто не ожидал от Изи такой щедрости.

Дома, примерив свои обновки, я ещё раз поблагодарил его за покупку и пообещал с первых же заработанных денег полностью с ним рассчитаться. Брат улыбнулся мне и сказал:

– Лёвка, не переживай. Это не последние деньги, и твоё благополучие и хорошее настроение для меня намного дороже денег.

Я рвался поскорее поехать на свой лесокомбинат и начать работать. А Изя мне каждый день советовал не спешить и хотя бы пару недель отдохнуть и от учёбы (я одновременно окончил и ремесленное училище и получил в вечерней школе аттестат зрелости), и от иногда слишком назойливой мачехи.

Наконец, однажды Изя сказал:

– Ладно, если ты так рвёшься работать, завтра с утра вместе съездим на твой лесокомбинат.

В отделе кадров повертели в руках моё направление и сказали, что места столяра свободного на лесокомбинате пока нет. «Можем временно вас трудоустроить помощником станкового, на складирование пиломатериалов на участок по дроблению древесины на щепки для изготовления древесностружечных плит. И это всё, что можем предложить».

– Хорошо, – сказал Изя начальнику отдела кадров.
– Мы подумаем.

По дороге домой мы зашли в столовую пообедать, Изя заказал и две бутылки пива.

– Ты у меня уже взрослый, – улыбнулся он. – Можно уже иногда выпить и по бутылочке пива.

– Послушай, Лёва, – продолжал он, – ты проучился долгих четыре года в ремесленном училище, стал квалифицированным столяром. Так для чего тебе было учиться, чтобы таскать брёвна, делать из отходов древесную щепу? Или быть на побегушках у какого-нибудь станкового? Нет, ты должен работать только по специальности. И таких мест в городе полно, надо хорошо нам поискать.

Буквально на второй день Изя нашёл подходящее место.

– Будешь работать модельщиком у нас на заводе. Я уже договорился. Вначале месяц-два походишь в учениках, научишься хорошо разбираться в чертежах, во всех тонкостях работы. Работа эта очень квалифицированная, – наставлял меня брат, – и далеко не каждый может ею овладеть. И кое-что ты уже можешь, например, работать с метром, с рубанком, фуганком, стамеской, можешь и идеально заточить режущий и строгающий инструмент, а остальное ты, я думаю, осилишь. Ты, как и мы все, немного упрямый и в целом очень толковый парень.

Я подумал и согласился с предложением брата.

Начальник модельного цеха сказал: что непонятно, не стеснясь, спрашивай у своего учителя и у меня. Мастерство нашей профессии приходит не сразу, а с годами. Иди учись и работай, будешь стараться, всё получится. Для хорошего модельщика быть хорошим столяром просто обязательное условие. Кроме этого

нужно ещё много уметь. Хорошо разбираться в чертежах, повышенная точность в работе, пользоваться только специальной усадочной линейкой, научиться круглые детали обрабатывать на точных токарных станках. Многие опытные модельщики часто интересовались, как я разобрался в заданном мне чертеже и в какой последовательности думаю делать свою модель. Очень приятно было, что все модельщики с уважением относились к Изе, бывшему непосредственному начальнику, а теперь заведующему заводской базовой лабораторией.

Пару слов о получении в модельном цеху аванса и полочки. В кабинет начальника цеха приносили зарплату сразу для всех рабочих цеха и платёжную ведомость. Каждый рабочий заходил в кабинет начальника цеха, находил в платёжной ведомости свою фамилию, отсчитывал причитающие деньги, расписывался в ведомости и уходил. За год моей работы в модельном цеху не было ни разу никаких казусов с получением зарплаты.

Пока у меня не появились новые друзья сверстники, по вечерам на разные культурные мероприятия я ходил с Изиной компанией, очень порядочных ребят и девчат, которые в основном были молодыми руководителями производства и сотрудницами разных отделов завода. Ко мне они относились с уважением, и я всегда чувствовал, что нахожусь среди своих друзей.

По вечерам три раза в неделю Изя играл в городском парке в духовом оркестре на трубе. Однажды он, поговорив с дирижёром оркестра, стал и меня брать с собой играть в оркестре. Три месяца я играл с ним рядом, а потом, когда один трубач по семейным обстоятельствам ушёл из оркестра, дирижёр, ещё раз

проверив мои способности и успехи в музыке, принял меня в свой оркестр уже официально и стал, как и всем в конце месяца платить зарплату.

Первую свою ставку в размере 50 рублей я решил отдать брату, но он, улыбнувшись, сказал:

– Положи деньги себе в карман. Ты их честно заработал. Тебе они пригодятся.

Мозырский городской парк располагался прямо на берегу Припяти и весь утопал в зелени. В нём каждый посетитель мог найти для себя увлечение по своим интересам. Украшали парк и регулярные рейсы речного такси, которые на большой скорости, до 70 километров в час, курсировали по разным посёлкам Мозыря и просто как прогулочный транспорт по реке Припять.

Но как поётся в одной из песен, всё хорошее когда-нибудь кончается. Заканчивалось и моё проживание в Мозыре. Изя стал серьёзно встречаться с одной довольно симпатичной девушкой из местной геолого-разведки, а вскоре они поженились, и Лиза (так звали девушку) переселилась жить к Изе в комнату. А я, как третий лишний, рассчитался с работой и уехал в Бобруйск. Лиза на прощание поблагодарила за сообразительность, а Изя показал мне сберкнижку с пятьюстами рублями на моё имя. «Эти деньги, заработанные тобой на заводе за год. Можешь их забрать или оставить у меня на хранение, пока они тебе не понадобятся», – сказал он. Я поблагодарил брата и оставил книжку на хранение у него.

ГЛАВА 5

Дома, год до службы в армии, я решил поработать с друзьями на заводе резинотехнических изделий

прессовщиком. Меня очень устраивала эта работа, так как почти полгода платили и за выпускаемую мной продукцию, и плюс шестьдесят рублей ученических. А так как я был ещё очень молодым и очень шустрым, у меня каждый месяц выходила довольно приличная зарплата. Половину зарплаты, к большой радости мачехи, я отдавал в семью, то есть в её распоряжение.

Работа была посменная – через каждые три дня работы выходной. Правда, после ночных смен мне редко приходилось более трёх часов поспать, так как я стал ходить на репетиции в народный духовой оркестр, вернулся в городскую самодеятельность, в народный театр. Да и друзья поспать не давали, говорили мне: выспишься, когда состаришься. И я с ними ходил то в кино, то на танцы, то на рыбалку, а то носился по дому как угорелый, играя с Яником и Фирой в разные подвижные игры.

Перед увольнением с завода в связи с призывом на службу в ряды Советской Армии оказалось, что с меня целый год высчитывали незаконно какие-то налоги, что мне положено и двухнедельное пособие, и отпускные, и какая-то премия, и получка за месяц, и деньги из кассы взаимопомощи.

Получив при расчёте солидные деньги, я от радости помахал ими даже перед тётей Хавай, на что она посоветовала мне положить их все себе на книжку в сберкассе или отдать на время службы ей на хранение. Но я деньгами распорядился по-своему. Купил в дом телевизор «Нёман», папе модный плащ бежевого цвета, с ремнём, Янику наручные часы и первую в его жизни авторучку, Фире детскую колясочку с куклой, а «любимой» мачехе к зиме новые полусапожки, у её старых после ремонта отчего-то вздулась подошва.

Себе я оставил двадцать рублей, так просто, на всякий случай, так как знал, что наша доблестная армия полностью находится на государственном обеспечении и наличные деньги солдату просто не нужны.

Часть третья.

СЛУЖБА В АРМИИ

И вот нас, новобранцев, поезд уже вторые сутки везёт куда-то по Украине. Сержанты, сопровождающие наш вагон, по секрету сообщают, что мы едем служить в очень хорошее престижное место, в школу по подготовке авиамехаников разного профиля, а место, где находится училище, просто сказочное. У общем, уже скоро сами всё увидим. В вагоне находились ребята из Бобруйска и Могилёва, все знакомились друг с другом, много шутили, но вскоре оказалось, что бобручане и могилёвцы нечестно поделили в дороге украдкой пронесённую в вагон водку, назревал большой скандал, который мог перерасти в большую потасовку. Нашим сержантам с большим трудом удалось помирить будущих защитников отечества.

На третью ночь пути в вагоне уже никто не спал, все ждали утра. Нам сообщили что утром наш эшелон прибудет к месту назначения. У всех было приподнятое настроение. Все шутили, да как? Кто-то через окно вагона выкинул чей-то тубфель, кому-то вдоль и в поперёк разрезали рубашку, а кому-то криво подрезали штаны. На чемоданах нарисовали всяких чучел.

На станции Вапнярка Винницкой области построили в колонну весь эшелон, оказалось, что среди нас

были ребята из Ленинградской области, из Литвы, Латвии и Украины. По прибытии в часть командир части полковник Сандатян Рафаэль Яковлевич лично поздравил весь состав с началом воинской службы и пожелал всем отличной службы на благо нашего отечества.

После торжественной встречи нас распределили по ротам и повели по казармам.

На второй день уже в военном обмундировании нас построил наш старшина и объявил, что каждый солдат может взять в роте большой посылочный ящик, положить в него свою гражданскую одежду, гвоздями прибить крышку и подписать свой домашний адрес. Посылки бесплатно будут доставлены по адресу. Так и сделали ребята из Прибалтики, Украины и Ленинградской области, а наши братки-белорусы из Бобруйска, понуриив головы, молча наблюдали, как их будущие друзья по службе складывали один на один посылочные ящики, готовясь к завтрашним первым армейским будням.

Служба в училище была для меня совсем не тяжёлой. Во-первых, все солдаты были одинаковые и по возрасту, и по сроку службы, которую надо было всем в обязательном порядке пройти, отдав государству долг. А, во-вторых, всякие наряды, учёба, тренировки, спорт лично мне доставляли только удовольствие. Мне к тяготам армейской службы даже не надо было привыкать, меня ко всему сама моя жизнь с детства подготовила и закалила. Помыть в казарме полы – пожалуйста, хоть два раза, чистка картошки во время дежурства на кухне до часу ночи тоже совсем не страшно, как все, так и я. Правда, все в армии, как в жизни, – одни чистили у нас картошку ножами, другие

– языками. Но скоро меня избавили от чистки картошки, к радости всего нашего взвода я согласился вместо чистки картошки почистить сорок килограммов лука. Я садился на табурет прямо на кухне и острым ножом чистил лук. С шести до девяти часов вечера я успевал перечистить весь лук, умывался и шёл в казарму спать.

Через месяц в роте был организован ускоренный взвод, в котором всю программу, рассчитанную на восемь месяцев, нужно было усвоить за четыре месяца. Попали в этот взвод в основном ребята с высшим и средним техническим образованием, и как меня зачислили в этот взвод, я до сих пор не представляю, ведь мой аттестат зрелости был цвета радуги после дождя – поровну «пятерки», «четверки» и «тройки».

Командир роты нас построил и сказал, что лучшим в учёбе перед отправкой в боевые части будет предоставлен внеочередной отпуск с выездом на родину. После учёбы в моём армейском аттестате не было ни одной «тройки», но отпуск мне всё равно не дали. Командир роты выдал мне проездные билеты через Киев, Москву к месту назначения в город Хабаровск и, пожелав счастливой дороги, добавил, что наша родина как никогда сейчас нуждается в хороших грамотных специалистах, а отпуск мне предоставят обязательно, только уже с нового, постоянного места службы.

На вокзале в Киеве все наши выпускники самовольно разъехались по домам на несколько дней, ну а я, как настоящий порядочный еврей, побоялся хоть на пару дней изменить свой маршрут и поехал первым же поездом в Москву, и там тоже первым же поездом к месту новой службы в Хабаровск. В Хабаровске меня

встретили с «распростёртыми объятиями». Конечно, я шучу. Дежурный офицер к комендатуре только спросил у меня, побывал ли я по дороге хотя бы несколько дней дома. Я честно ему ответил, что нет.

– А надо было, – как-то недоверчиво посмотрел на меня офицер.

В тот же день из комендатуры позвонили кому-то в штаб округа и доложили о моём прибытии для дальнейшего прохождения службы. Я – как ценный специалист – ждал, что за мной скоро приедут, две недели. За эти две недели у меня состоялось знакомство с Хабаровском во время чтения десятка газет, лежавших на столе в комендатуре. Жаль только, что не было здесь телевизора, с телевизором можно было бы считать, что у меня всё-таки состоялся внеочередной армейский отпуск.

И вот я, наконец, в части на месте прохождения дельнейшей своей воинской службы. На огромном аэродроме с большим количеством боевых разных самолётов отдельно стояло несколько самолётов, обслуживающих разные объекты, разные учения и отдалённые от цивилизации воинские части. Рядового и сержантского состава в нашей небольшой части было всего человек тридцать, не больше. Это были в основном водители спецмашин и помощники наземных служб обслуживания.

Руководил наземными службами обслуживания самолётов капитан Карташов. В нём от настоящего военного солдафона были только капитанские погоны. Он по-отечески всегда с нами разговаривал, а иногда даже приносил нам из дома по кусочку пирога, которого пекла его жена.

Прежде чем доверить нам какую-нибудь новую работу на самолёте, он за день десятки раз лез вместе с

нами или на крыло самолёта, или по стремянке взбирался к двигателям. Делал всегда сам профилактический осмотр, бдительным своим контролем заставляя нас квалифицированно делать всякий ремонт, и лишь спустя месяц, а иногда и два доверял, наконец, вновь прибывшим самим обслуживать летающую технику.

Однажды я попросил нашего солдатского фотографа сделать портрет капитана Карташова и в выходной день написал о нём очерк в газету нашего дальневосточного округа. Получился очерк с фотографией в газете на всю страницу. Все офицеры и весь рядовой состав с удовольствием читали этот правдивый очерк. А командир нашей части даже лично пожал мне за него руку, сказав при этом, что он, проработав десять лет вместе с капитаном Карташовым и считая его своим самым близким другом, никогда не замечал всех тех качеств специалиста и воспитателя, о которых так умело написано в очерке. По просьбе капитана Карташова я собрал у своих друзей десять газет и вручил их ему в подарок.

Самое интересное произошло через месяц. Мне из редакции газеты пришёл гонорар за очерк в размере 19 рублей. Сейчас трудно представить, что это за сумма денег для солдата, когда его денежный паёк за месяц составлял всего три рубля и 80 копеек. После этого очерка меня сразу избрали постоянным редактором боевых листков, в которых надо было регулярно писать о боевых буднях и успехах по службе, памятных датах советской истории и даже поздравления от командования части нашим именинникам.

А ещё мне поручили по необходимости выпускать сатирическую газету «На штык», в которую помещались материалы за совершённые солдатами

разные про-ступки, нарушения, такие, как самоволка, пьянство, отлынивание от работ, расхлябанность, и даже о солдатах, которым лень регулярно писать письма родителям, друзьям, любимым девушкам.

Моим помощником был старослужащий, который в миг рисовал карикатуру на любого, совершающего проступок. Под карикатурой ничего не подписывали, всё всегда и без подписи было понятно. А я часами сидел и ломал голову, что бы такое написать, чтобы хоть немного соответствовало рисункам. Иногда у меня получалось, а иного и не очень. Вот некоторые мои четверостишия.

О, водка, водочка родная,
Вновь твой стакан в моих руках.
Хоть от тебя смогу едва ли
Стоять я нынче на ногах.

Я в столовой пообедал,
В животе бурчание.
Видно, лук капусту вызвал
На соревнование.

Наш сосед курил да пил,
Пока инфаркт не подхватил.
Сейчас не курит и не пьёт,
И с постели не встаёт.

Старшина наш Николаев
Вечно улыбается.
Ему техник зубы вставил,
Рот не закрывается.

Шёл второй год моей службы, когда командование воздушной армии Дальнего Востока, штаб которого находился рядом с нашим аэродромом, решило организовать свой нештатный духовой оркестр. Создать оркестр поручили опытному музыканту-трубачу, прослужившему в штатном духовом оркестре много лет, а теперь с возрастом и по состоянию здоровья работающего в технико-эксплуатационной части на регламентных работах на самолётах. Он с удовольствием взялся за знакомое и любимое дело. С ближайших подразделений были переведены на наш большой аэродром шесть музыкантов-духовиков, окончивших до службы в армии музыкальные училища. Остальных музыкантов дирижёр решил выбрать из военнотружущих, когда-то игравших в местных духовых оркестрах или окончивших в детстве музыкальные школы. Кандидатов в оркестр собралось даже больше, чем надо. Начался отбор. Одним, и мне в том числе, сказали: завтра утром прийти уже в дом офицеров на репетицию, а остальным вежливо отказали, сказав, что позовут позже. Репетиции проводились по два раза в день: три часа утром и два часа после обеда. Профессиональные репетиции в оркестре – это далеко не самый лёгкий труд. Репертуар оркестра рос как на дрожжах. Через три месяца мы уже играли многие военные марши, а также встречный марш, гимн СССР, разные вальсы, танго, фокстроты. Оркестр стал очень востребован.

Кроме праздников и юбилеев наш оркестр приглашали и на большие городские мероприятия. Например, оркестру была оказана большая честь играть на торжественном вручении Хабаровскому краю ордена Ленина. Орден вручал председатель президиума Подгорный. Всё было торжественно. Перед трибуной

стоял почётный караул из военнослужащих всех рядом войск.

Оркестр прибыл на час раньше торжества и играл, не переставая, до самого конца вечера. После окончания всего торжества секретарь Хабаровского крайкома партии Чёрный поблагодарил наш оркестр за хорошую работу и, подозвав к себе одного из своих заместителей, прямо при нас поручил за его счёт накормить нас: «Закажи музыкантам по два вторых, по салату и на двоих по бутылке лимонада и по бутылке «Кристалла» (это в то время была водка с таким названием). Я думаю, для ребят по бутылке водки на двоих будет достаточно».

Буквально через пять минут мы уже сидели в каком-то кабинете за столом и уплетали пюре с отбивными и солёным огурчиком, а вторая порция состояла тоже из пюре, но уже с двумя сосисками, по вкусу которых мы все уже давно успели соскучиться. А насчёт водки наш дирижёр решил немного изменить приказ первого секретаря. Две бутылки он разлил всем по полстакана, а остальные две положил в свой саквояж и поручил нашему сержанту оркестра отнести их в каптёрку, где хранились инструменты, и успокоил нас, что без нас к ней никто не притронуться. «А поводов, чтобы её выпить, я думаю, у вас ещё будет достаточно».

Наш дирижёр оказался прав, поводов приложиться к спиртному и без этой водки у нас за службу было предостаточно. Как минимум раз в месяц, а иногда и чаще, в нашем гарнизоне, в доме офицеров проводились тожества: то у какого-то полковника из штаба исполнилось сорок лет, то у кого-то юбилей двадцать лет совместной жизни с женой. Кто-то из молодых лейтенантов решил в доме офицеров отпразд-

новать свадьбу, а кто-то очередное присвоение военного звания. Оркестр пригласить на свои торжества никто не забывал, а мы в благодарность за это честно отработывали положенные часы. Часто после мероприятий возвращались в казарму уже за полночь.

Обычно торжества проходили в субботу, перед выходным. Выслушав благодарность присутствующих за прекрасный вечер, мы дожидались, пока все разойдутся, и начинали шастать по столам, сливать в резиновые грелки из бутылок недопитые коньяк, водку, вино, а в солдатские котелки нетронутую закуску (колбасу, котлеты и отдельно целые порции тортов и других сладостей). В казарме все знали, почему музыканты не были на вечерней проверке.

Всем почему-то было не до сна. Нас в казарме встречали как настоящих победителей со своими стаканами и кружками. Правда, право разливать спиртное брали всегда на себя наши сержанты в отсутствие офицеров и старшины, бравших в свои руки бразды правления личным составом. Коньяк и водку они разливали каждому желающему не больше ста граммов, а жалеющим вместо водки попробовать вина – всегда по 150 грамм. Если выпивка ещё оставалась, сержанты демонстративно выливали её в туалет. Но обычно ничего выливать не приходилось.

В воскресенье мы все отсыпались. В казарме в знак уважения была полнейшая тишина. На завтрак мы, конечно, уже не шли, в обед ребята еду нам приносили прямо в казарму.

Наш дирижёр оркестра старшина сверхсрочной службы Солоницын почти в приказном порядке заставлял нас участвовать в художественной самодеятельности гарнизона Дома офицеров: «Музыканты – это те

же артисты, – говорил он нам. – И вы должны во всём быть первыми».

Трубач Володя Куперштейн – еврей номер два нашего оркестра – до службы окончивший культпросветучилище по классу «Народное творчество», научил нас играть на разных ложках, деревянных и металлических, и сделал с нами две композиции, с которыми мы с успехом участвовали во всех концертах и даже городских смотрах художественной самодеятельности.

Демобилизовавшись, я на фабрике воспроизвёл эти композиции, и с ними мы даже стали лауреатами всесоюзного смотра художественной самодеятельности города.

Двое ребят из оркестра неплохо пели. Были среди нас и два приличных баяниста. Всё неплохо шло, но надумалось нашему дирижёру удивить весь свет, и стал он с нами разучивать отрывки из русских опер. Каждый день после репетиций он нас просто доставал. Все музыканты часто немного с юмором пели предложенные партии. Нам просто иногда казалось, что немного подурачиться на репетициях легче, чем шагать по плацу строевой или на станции разгружать вагоны.

Хотя кое-какие оперы, вроде «Риголетто», «Севильский цирюльник», мне очень нравились, но я очень злился на дирижёра, так как особого таланта к пению у меня не было, да и просто принципиально не хотел петь в этом дурацком хоре. Во время репетиции я садился в последнем ряду, не пел, а просто дурачился. Несколько раз дирижёр меня подлавливал, резко руками прерывал пение, и я, очнувшись от сна, продолжал петь один, далеко не в нужной тональности и басом.

«Ноченька тёмная завтра же пройдёт она», – пели хором ребята до того, как их пение не прервал дирижёр. И я один продолжал: «Ясное солнышко в небе покажется, будет дороженьку нам освещать».

Все смеялись надо мной, а дирижёр грозил выгнать меня из оркестра.

– Выгоняй хоть сейчас. Тоже мне счастье большое твой оркестр! – злился я, поднимаясь со стула.

А дирижёр, повышая на меня голос, приказывал:

– Садись! – и поубавив голос, уже спокойно говорил: – Сказали бы мне раньше, что евреи бывают такими упёртыми, я бы и не поверил.

– Хотите, – прервал я дирижёра, – чем петть в хоре, я буду лучше вам читать стихи.

– Давай, валяй свои стихи! – уселся он на стул. – Интересно, чем ты и на это раз решил нас насмешить.

И я, как в молодости, как когда-то со мной репетировала Нина Николаевна, с выражением и мимикой прочёл два стихотворения – одно Симонова «Жди меня», а другое про скрипочку (автора не помню).

– Ну так это уже совсем другое дело! – поднялся со стула довольный дирижёр. – И к чему ты, рядовой Розен, целый год прятал от нас свой талант? Ты на моих глазах из музыканта превратился в артиста, и я публично освобождаю тебя одного от предоставленной тебе возможности петть в русской опере.

Теперь в свободное от музыки время я по-прежнему понемногу писал корреспонденции в армейскую газету. Материала хватало. Я писал о войсковых учениях, как молодые военнослужащие осваивают новые для себя военные профессии, о взаимовыручке, о родителях, своих и моих друзей, прошедших весь ад войны и живыми возвратившихся с войны домой, о наших

офицерах, которые были для нас командирами и на время заменили нам родителей, и всячески оберегали от несправедливости и дедовщины.

А что я писал в своих предыдущих рассказах об охране угля на станции вместе с ветеранами войны, о моём участии на соревнованиях по боксу, о своих самовольных отлучках из части, о свиданиях с девушкой, о работе пионервожатым в школе авиагородке, – всё это было истинной правдой.

К этому добавлю, что, кроме игры и репетиций в оркестре, я ходил, как и все, в наряды по казарме и раз в месяц в караул по охране важных объектов на нашем аэродроме, заменяя караульную роту в дни её отдыха. Ходил на разгрузку угля, а по учебной тревоге, как и все, совершал марш броски в полном боевом снаряжении на десять километров. И отправлялся в длительные командировки, иногда даже на целую неделю, по сопровождению грузов и на замену двигателей самолётов на других специализированных аэродромах. Для таких командировок почему-то из рядового состава всегда предпочтение командиры самолётов отдавали мне. И я очень гордился оказанным мне доверием.

В итоге могу сказать, что это было очень интересное, незабываемое время моей молодости. Это было счастливое время, которое многие из моих сверстников оценили лишь сейчас, много лет спустя. Не было в то время ни терактов, ни нападений на охраняемые объекты, ни повсеместного перехода государственной границы. Все народности Советского Союза дружили и честно служили своей Родине. И наши родные знали, что их дети, честно отслужив в армии, обязательно живыми и здоровыми вернутся домой после службы.

Так незаметно пролетели все три года моей службы, и я, отдав свой долг родине, уже сижу в дембельском эшелоне. Шестнадцать суток пути по самой большой в мире стране, и я уже в Харькове, ещё одни сутки, и я уже в доме моего детства.

Часть четвёртая.

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ

Начальник отдела кадров бобруйской мебельной фабрики имени Халтурина, полистав мою трудовую книжку, спросил, куда бы я хотел пойти работать – на сбору круглых столов или на сборку шкафов.

– А мне без разницы, – ответил я, – главное, чтобы работа была по специальности.

– А какая у вас специальность? – спросил у меня маленький худощавый мужчина, что-то переписывающий из какой-то тетради в свой блокнот.

– Профессиональный столяр, – гордо ответил я. – До армии окончил ремесленное училище № 15. Сейчас после службы хочу устроиться на мебельную фабрику.

– Я же просил вас, – повысил голос на начальника отдела кадров мужчина (это был заведующий производственным отделом Каран Лазарь Моисеевич), записывающий что-то в блокноте. – Я же просил вас всех молодых, вновь прибывших посылать сразу не в цеха, а первым делом ко мне на собеседование в производственный отдел. Мне надо, чтобы в Москве сейчас работало минимум 35-40 специалистов. А посоветуйте, где мне их взять. План у меня горит по швам. Так вор, Лёва из Могилёва, – пошутил Каран, держа в руках мою трудовую книжку.

– Никакой я вам не Лёва из Могилёва, – огрызнулся я. – А Лёва из Ростова. Вот мой паспорт, посмотрите.

– Вижу, что ты не Лёва из Могилёва, – улыбнулся мне начальник производственного отдела. – Ростовские ребята совсем не простые ребята и всегда могут за себя постоять. – И, вернув мне мой паспорт, сказал: – Знаешь что, Лёва, а у московских девчат на молодых ребят из Ростова всегда как-то по-особенному горят глаза. В общем, так. Сегодня ты должен успеть устроиться на работу, выписать себе командировочные документы, получить деньги и завтра утром первым же рейсом отправиться в Москву на работу. А сейчас садись, я кратко введу тебя в курс дела. В Москве на Калининском проспекте в одном из 24-этажных домов есть здания двух министерств, где нам поручен очень крупный заказ. Большое количество встроенной мебели, перегородок, оконных доводчиков, спец мебели для кабинетов, демонстрационных залов. Почти вся мебель уже изготовлена, находится в здании министерства и разложена по этажам. И сейчас нашим столярам надо вовремя в кратчайшие сроки произвести полный монтаж этого здания. Если наша фабрика уложится во все сроки по договоренности, мы сможем для фабрики купить за границей высокопродуктивное оборудование и тем самым увеличить в будущем производство выпускаемой продукции. По темпам работ в Москве мы пока идём в графике и нам для поддержания нужных темпов нужно откомандировать в Москву на монтаж мебели ещё как минимум десять квалифицированных столяров. И план фабрики без недостатка специалистов тоже на грани срыва. Живут все наши командировочные в Москве в гостинице «Заря», выделенных командировочных денег с избытком хватает всем на питание и на дорогу в Москву и

обратно. За проживание в гостинице фабрика выплачивает гостинице деньги за месяц вперёд. График работы на стройке такой же, как и на фабрике – восьмичасовой рабочий день с двумя выходными в неделю. В конце каждого месяца по скользящему графику все рабочие на несколько дней возвращаются на фабрику за новыми командировочными. Зарплата на монтаже в Москве, примерно, в полтора раза выше, чем на фабрике. И ещё одно маленькое напутствие, – улыбнулся мне начальник производственного отдела, – не влюбляйся, Лёва, в москвичек. Наши бобруйские девушки и доступнее, и покладистее, и красивее. Поверь мне в этом, Лёва. Я это уже давно понял. Сам я лично учился в Москве, а за невестой по распределению приехал и нашёл себе в Бобруйске.

Здание министерства поразило меня своим величием. Я никогда в жизни ещё не видел зданий выше девяти этажей, а тут рядом стоят аж четыре 24-этажных дома. Под домами уже построена огромная стоянка для машин. Снаружи со стороны двора действующий грузовой лифт. Правда, лифт включался только утром, в обед и на полчаса вечером. Ну а если во время работы понадобится выйти на улицу, для этого с обеих сторон дома есть две лестницы. А у вас молодые крепкие ноги. Лифты в доме были скоростные, поднимались и опускались со скоростью триста метров в минуту. От непривычки езда на лифте просто захватывало дух. Особенности лифта были в том, что он пока поднимался и опускался только нажатием двух кнопок и по инерции пролетал ещё с полметра после опускания рукой кнопки. Если вовремя не отпустить кнопку, лифт ударял по амортизаторам

под ним, и тогда на вас дождём сыпалась белая пыль, и штукатурка, и прочий мусор.

Один раз на этом лифте я спускал с министерского 13-го этажа нашего начальника производственного отдела, находившегося в Москве в командировке. Заговорившись с ним, я вовремя не остановил лифт, и наш начальник от удара кабины лифта по амортизаторам пошутил почему-то, что сажился в лифт он в чёрном костюме, а вышел из лифта в бело-серо-коричневом.

Меня за мою невнимательность никто не обругал, и это было самое большое для меня наказание. Ну а что наш начальник производственного отдела? А он совсем и не растерялся. С чёрного входа со двора зашёл в магазин женской одежды «Москвичка», и там в считанные минуты привели одежду в надлежащий вид.

После первого дня работы по монтажу со своим бригадиром я дальше уже работал самостоятельно. Комнат одинаковых на этаже было очень много, мебель на фабрике была сделана строго по размерам и собиралась очень легко.

Кроме нас столяров из Белоруссии на здании работало много отделочников из Ростова и с Украины. Украинские девчата, когда мы опаздывали по каким-то причинам на работу, смешно нам говорили: «Опять эти белорусы-бульбэшники на работу спизнылись».

Конечно, все командированные были разными. Запомнилась мне из них только одна – красавица Надя из города Шахты Ростовской области. Она была профессиональным штукатуром и очень симпатизировала моему другу по работе Феде Садовникову. К тому же Надя была до того красивой и классной девушкой, что иногда я завидовал Феде. За день она

успевала сделать и свою норму на работе, и поговорить, и подстроить глазки всем командировочным на стройке – и своим, и иностранным из Германии, Югославии и Финляндии.

Однажды Надя умудрилась одолжить по 30-50 рублей одновременно почти у всех рабочих, исключением остались только я и Федя. «С вас, – сказала она, – мне хватить и по 15 рублей». Одолжив таким образом приличную сумму, она смоталась со стройки. Где-то через месяц я с Федей её видели издали на Смоленской набережной. Она издали помахала нам рукой и скрылась между домами. Федя сразу охладил мой пыл сыщика: «Лёва, пошли, она профессионал, и мы никогда её не поймем. Она в Москве, как мышь в своей норке». «А помнишь, Федя, как она восхищалась твоими фотографиями, на которых был ты со своими маленькими племянниками, и мечтала о таких же, а за тебя замуж выйти», – вспомнил я вдруг.

– Лёва, хватит! – попросил меня Федя. – Не рви мне душу. Она просто артистка-профессионал, а мы с тобой обыкновенные трудяги.

На стройке работали специалисты из многих стран мира. Бригада из Финляндии устанавливала скоростные лифты. Все ребята одного роста, как на подбор, где-то под метр девяносто роста, на всех окружающих (я имею в виду русских девушек) они просто не обращали никакого внимания.

Не в пример им очень общительными были югославы. Они устанавливали в здании окна из дюрала. Они все были, как и мы, среднего роста и хорошо чисто говорили по-русски. Они рассыпались комплиментами на всех девушек стройки подряд и всем клялись в любви. Нас они привлекали своим клеем, который клеил всё подряд. Югославы очень любили с нами

поговорить о спорте. В то время в Югославии были лучшие в Европе баскетболисты, и футбол был на высоком уровне, лучшим футболистом в Европе в те годы считался югослав Джаич.

В свою очередь, мы с удовольствием читали югославские спортивные газеты, буквы были русские, а смысл прочитанного почти всегда нам был понятен.

Трое французов обклеивали моющимися обоями громадные коридоры. Обычно с одного крыла здания работала эта тройка французов, а с другого крыла бригада русских рабочих из пяти человек. Французы громадными щётками в несколько взмахов руки мазали клеем обои, а двое девушек быстро их приклеивали к стене. В основном эта тройка французов к концу рабочего дня намного обгоняла бригаду москвичей, которые каждые полчаса устраивали себе коллективные перекуры.

Из Германии к нам на стройку была прикомандирована бригада столяров, которые должны были на втором этаже по-современному обустроить парикмахерскую. В первый же день они пробежались по этажам, посмотрели на разбросанные по этажам ящики с деталями мебели, подержали в своих руках наши инструменты, зачастую далёкие от совершенства, сказали, что «рус работать не умеет», и ушли в кафе на первый свой обед. Когда они после обеда вернулись в свою парикмахерскую, весь их инструмент был уже растащен. Немцы очень возмутились, но жаловаться никому не стали, а просто все собрались и демонстративно укатили назад в свою Германию. Месяца через два они снова вернулись на стройку в парикмахерскую. Правда, предыдущий опыт работы в Москве не прошёл для них даром. Они, уходя по своим делам, уже всегда закрывали на ключ свой инструмент и рабочую одежду

и, часто проверяя нашу готовую уже работу, восхищённо говорили: «гут, гут, очень карашо».

Однажды на нашей стройке был настоящий аврал. Ждали на стройку в качестве гостей делегацию из Германии во главе с президентом Вальтером Хонникером с супругой. Вы просто не представляете, что с утра в тот день творилось на стройке! Была остановлена вся работа, и все в срочном порядке занялись уборкой: мыли с мылом полы и стены, сдирали с зеркал упаковочную бумагу. А сами зеркала для блеска чистили специальным составом. Запустили эскалатор с первого этажа на третий. Все рабочие на своих местах были в нарядной одежде, обувь на ногах блестела, как только что купленная в магазине.

Ровно в полдень прибыла делегация из Германии. Делегация поднялась по эскалатору на третий этаж, взглянула на идеальный порядок и чистоту и через переводчика сказала, что это всё показуха, что такой чистоты на стройках в Германии не бывает и что у них, не сдав объект, не надраивают зеркала до блеска, повернулись и уехали.

Назавтра на стройке появился новый прораб для завершения всех работ.

И ещё несколько слов о темпах стройки. Все четыре огромных здания министерств вместе со стоянками под ними для автомобилей были построены за десять месяцев, а внутренние работы велись шесть лет. Вот такие в то время были у нас темпы.

Прожив год в Москве, я будто побывал в сказке. Всё мне нравилось в столице. Много я видел впервые, а многое увиденное мне хотелось увидеть ещё раз.

Когда впервые после работы, прогуливаясь мимо ресторана «Арбат», заглянул через окно вовнутрь, я

увидел настоящее варьете времён Тулуза Лотрека в парижском или амстердамском кабаре. Под красивые опереточные мелодии группа легко одетых танцовщиц демонстрировала зажигательные танцы посетителям ресторана. Мы с Федей решили, что после окончания своей командировки обязательно сходить для разнообразия в ресторан «Арбат».

Ещё меня поразила очередь за болоньевыми плащами в магазине «Москвичка», находившемся в наших небоскрёбах. Однажды перед работой я записался ради интереса в список за плащами. К моему удивлению я был с утра уже 570. Люди, в основном приезжие, тратили иногда день, чтобы купить себе именно такой плащ. Я это сделал по просьбе дочери мачехи и её самой.

В это время я работал в магазине, устанавливая зеркала, и заведующий магазином, довольный моей работой, пообещал, что любой дефицит в его магазине, если мне понадобится, будет для меня без очереди.

Однажды вечером пожилой столяр Малашкевич, живший со мной и Федей в одной комнате, рыдал передо мной. Оказалось, что в прошлый раз он привёз два болоньевых плаща дочке и жене, и теперь должен обязательно привезти такой же сестре, которая просто страдает от того, что все её сослуживцы ходят в таких плащах, а она нет.

Мне стало очень жалко плачущего мужчину и я, пожалев его и узнав, что его сестре нужен плащ именно 46 размера, который я достал для мачехи, сказал:

– На твоё счастье у меня есть один плащ 46-го размера, который я достал для мачехи. А я, может, выпрошу у заведующего ещё один, к тому же у меня есть заказ от моей девушки.

Малашкевич был очень рад и горячо благодарил меня.

На второй день под вечер в наш номер вошёл чуть захмелевший Малашкевич и с радостью сказал:

– Лёвка, прости, но твой плащ сегодня у меня уже улетел. Я спихнул его в Лужниках на толкучке одной дамочке из Калининграда за 75 рублей, десятку мы с другом на радостях пропили, а по 15 рублей мы с тобой честно заработали.

У меня от такой наглости просто отнялась речь. Придя в себя, я только сказал:

– Ну ты и жук!

Деньги за плащ я не взял, сказав, что я в состоянии пока себе и честно заработать деньги.

По вечерам я иногда посещал разные театры, канцерные залы. Очень мне хотелось послушать и понять сложные классические произведения. Но, как я вскоре понял, это всё далеко не моё. И я сам для себя решил, что минимум ползала разбираются в классической музыке далеко не лучше меня. И ходят на классику совсем не для своего удовольствия, а для того, чтобы другие подумали, что они всесторонне образованные люди, и что одинаково разбираются и в политике, и в бизнесе, и в спорте, и классической музыке.

Многие сидящие на концертах в первых рядах с трудом сдерживали себя, чтобы не заснуть, зато после окончания концерта аплодировали громче всех и кричали «браво» и «бис».

А на днях, посмотрев в друзьях балет «Анна Каренина», мой сосед по гостинице Верёвкин, затянувшись сигареток, как профессиональный эксперт, сказал мне:

– Не понимаю, как про таких потерянных баб можно было ставить балет. Целый час она танцевала

по сцене от радости, что у неё кроме пожилого мужа появился ещё и молодой красивый любовник, и, в конце концов, она, уставшая, возбуждённая, переходя железнодорожный переезд, не заметила приближающегося поезда.

В глубине души я в чём-то был солидарен с мнением Верёвкина, а спорил с ним только потому, что хотел доказать, будто я лучше его разбираюсь в балете.

И ещё немного о музыке. Есть классическая музыка, которую я могу слушать днём и ночью и не пожалел бы любых денег, чтобы попасть на концерт, где исполняются произведения таких композиторов, как Чайковский, Моцарт, Верди, Россини, Штраус. Но всё же неплохо перед концертом классической музыки знать, на базе каких эмоций и переживаний композитор написал эту музыку. Например, я был на концерте Рахманинова, и не один, а со знакомой девушкой, учившейся в Московской консерватории. Она перед концертом объяснила мне, как Рахманинов создавал это произведение. Он жил тогда уже далеко от России, в Америке, очень тосковал по родине, понимал, что в Россию уже возврата нет. А тоска по родине просто переполняла его душу и сердце, и он свои чувства воплотил в музыке.

После концерта мне захотелось бросить всё и сейчас же поехать в свой Бобруйск, пройтись с друзьями по центральной улице, посидеть на скамейке под тенистыми каштанами, подышать запахом дымящейся ухи. Это и есть эмоциональное восприятие музыки обыкновенным человеком.

За этот год я побывал и на концерте Валерия Ободзинского, своим удивительным голосом с первой же песни завораживающего зал, и на концерте Олега Лундстрема, увидел в цирке солнечного клоуна Олега

Попова, в Театре оперетты два раза смотрел оперетту Имре Кальмана «Сильва», в Большом театре мне посчастливилось слушать оперу Россини «Севильский Цирюльник».

В конце каждого месяца я возвращался домой в Бобруйск за новыми командировками. Обычно нас собиралось таких счастливицков сразу человек 5-7. По дороге в аэропорт «Быково» мы заходили отовариться в новоарбатский гастроном, и из него мы выползли с двумя огромными пакетами, где был определённый набор продуктов: три-четыре лотка яиц, пять килограммов разного мяса, две палки языковой колбасы и, конечно, пять килограммов апельсинов.

Две женщины-отделочницы, которые всегда ездили с нами по командировкам, кроме пакета с перечисленными продуктами, умудрялись нести с собой и пакет с женской одеждой, туфлями, импортной косметикой.

На аэродроме командир самолета «Ил-14», летящего в Минск с посадкой в Бобруйске, всегда грозился, что просто не сможет взлететь с таким большим багажом, что нам придётся половину багажа оставить в камере хранения, а потом, глядя на наши понурые лица, командовал:

– Что стоите, быстро заходите! Через пять минут мы взлетаем.

И мы, как поёт Григорий Лепс, «я счастливый, как никто», быстро, пропуская вперёд себя наших женщин, лезли по трапу самолёта.

Прошли годы. Мне двадцать пять. Друзья все переженились, а я пока жениться не собираюсь.

Красивые и умные девушки дружить со мной не хотели, я их почему-то не устраивал, а с кем попало, я встречаться не хочу. Да и одному жить не так уж и плохо, решил я, делай себе, что пожелаешь, никто тебя не контролирует. Чтобы как-то скоротать уйму свободного времени, решил я поступить в лесотехникум, на вечернее отделение. Теперь жизнь у меня пошла веселее. Три дня в неделю учёба, раз в неделю занятия в народной духовом оркестре, а в свободное время я с удовольствием пишу разные истории, рассказы, готовлю к выпуску очередную фабричную стенгазету. В общем, жизнь моя меня вполне устраивает.

В нашем техникуме на этом же отделении учились две подруги – Маринка и Света. Марина – полненькая евреечка, а Света стройненькая грузиночка. Света училась в группе со мной, а Маринка – на экономическом отделении в параллельном классе. Когда занятия заканчивались поздно, Света с Мариной просили почему-то именно меня проводить их домой и, хотя мне с ними было совсем не по пути, я с удовольствием соглашался. По дороге я подолгу задерживался то у одной, то у другой. Дело в том, что Марина и Света жили в квартале друг от друга, и сначала вместе с Мариной мы провожали Свету, а потом я доводил Марину до её дома. У Марины обычно я задерживался на полчаса, а иногда, когда она приходила на учёбу в утренние часы, я провожал домой одну Свету. Домой от Светы я обычно уходил далеко за полночь. Мы разговаривали обо всём на свете: и политике и о поэтах, и о композиторах, о лучших отечественных фильмах, мечтали о будущем... Она интересовалась, чем я занимаюсь в свободное от учёбы время, какие концертные произведения мы

играем в духовом оркестре, какие ответственные заказы изготавливает наша бригада. Интересовалась о каждом члене нашей бригады. Расспрашивала о моей семье, моих родственниках. Потом она прижималась ко мне и читала вместе со мной мои стихи и рассказы, и когда мы находили в них что-то смешное, весело вслух смеялись. Я её иногда спрашивал, почему она до сих пор не замужем, и Света сразу пряча свою улыбку, говорила, что парней, желающих на ней жениться, много, и она пока к ним просто присматривается, боится своим замужеством повторить судьбу своей мамы.

«Мой папа, Тимур, – говорила она, – мог за неделю не проронить ни слова, придёт с работы, поест и сразу ложится спать. А в выходной напивался с друзьями и домой приходил злой и возбуждённый. Меня выгонял на улицу, а на маму постоянно ругался, а иногда даже и бил. Мама всегда ходила с синяком под глазом или с распухшим носом. Мама долго его терпела, но однажды всё-таки подала на развод. После развода папа навсегда уехал в свою Грузию, а мама сейчас очень боится, чтобы у меня не повторилась её судьба».

Иногда Света предлагала после окончания техникума уехать вместе по распределению куда-нибудь на крайний север, говорила, что обещает быть для меня самой верной и преданной женой на свете. Расставаясь, мы со Светой всегда целовались, правда, из-за чрезмерной моей скромности в основном по инициативе Светы. Домой после свиданий я не шёл, а летел, по-настоящему ощущая вкус жизни.

С Мариной было совсем по-другому. Девушка была хорошенькая, не избалованная. Родители её простые порядочные люди, я чувствовал, что в этой семье меня примут как своего родного, но меня тянуло к Свете как

магнитом. Во-первых, при встрече во мне просыпался мужчина. Она подкарауливала меня везде, где бы я ни был: на репетициях духового оркестра, на концерте, даже в очереди в магазине, она была рядом со мной везде, даже на экзаменах. Помню свой самый тяжёлый экзамен по сопромату. Света, сдав его первой, вышла из класса, а я потел над своей задачей за своим столом. Она под каким-то предлогом смело вошла в класс, что-то стала искать по столам и, наконец, прочитав и запомнив условия моей задачи, вышла из класса. Через десять минут она снова вошла и, незаметно подложив мне решение задачи, сказала обрадованно экзаменатору:

– Вот моя ручка, мой талисман, под столом лежал. Я с ней сдаю все экзамены только на «отлично».

Я тоже сдал экзамены по сопромату на «отлично».

В общем, её чрезмерное внимание к моей особе позволило мне сделать выбор между подругами. Однажды проводив Свету домой, я решил сделать ей предложение, но она меня опередила и рассказала свою тайну, которую уже несколько лет держала от всех в секрете, а сейчас решила всё же раскрыть её мне как самому близкому ей человеку.

– Знаешь Лёва, я до тебя долго дружила с одним парнем. Вначале у нас было всё хорошо, мы часто встречались, даже задумывались о свадьбе, но перед проводами его на службу в армию он, хорошо подвыпивши, зверски меня изнасиловал. После этого я уже два года просто боялась с кем-то встречаться. Ты первый кому я полностью доверяю и очень хотела бы связать свою судьбу.

Меня очень поразило откровение Светы. Я не знал, что мне делать, как быть, я потерял всякий интерес к Свете, мне захотелось под любым предлогом прямо

сейчас уйти, убежать от неё. Сославшись на то, что забыл, что сегодня у нас заказ, который надо выполнить срочно, я быстро встал со скамейки, уже без всякого желания чисто символически поцеловал Свету в щёку и быстрым шагом зашагал прочь, сам не зная куда. По дороге от расстроенных чувств я друг с тротуара вышел на середину проезжей части дороги и побежал. Машины, проезжая мимо меня, сигналили, требуя поскорее убратсья с дороги, а я, не обращая внимания на их сигналы, всё бежал и бежал. Мне хотелось, чтобы кака-я-нибудь машина сбила меня на смерть. Мне просто совсем не хотелось жить.

К Свете, после её признания, я сразу как-то охладел и со временем переключился на Маринку. Марина вначале просто избегала моих ухаживаний, по-видимому, из-за моей дружбы с её лучшей подругой, но потом успокоилась и смирилась. Наверное, подумала, что молодой еврейский парень, правда, не Аполлон, но и не гуляка, кое-чем интересуется, кроме своей работы, плюс ко всему ещё и учится. Такие парни на улице не валяются. Ну а я подумал о Марине, что она с её фигурой пока ещё соответствует международным стандартам. К тому же девушка была пунктуальна, слов на ветер не бросала. А от её больших еврейский глаз, шикарной причёски со временем просто растаял и стал каждую свободную минуту бежать на свидание.

Бежал я, бежал к Марине на свидания и добегался. Мои ухаживания закончились обручальными кольцами и свадьбой. Света, конечно, на нашу свадьбу не пришла.

К большой дружной семье, живущей в старом небольшом доме, я привыкал долго. Удивлялся, как за одним столом трое учеников одновременно делали

уроки и при том хорошо учились, как дети с родителями спали вместе валетом.

Удивляла меня и моя тёща – очень спокойная и необычайно трудолюбивая. Она справлялась с домом и с огромным огородом, завтраки и обеды она готовила каждый день для всей семьи, а иногда даже успевали отнести горячую еду своему мужу на работу. А мой тесть даже не представлял, какой стороной забивается гвоздь в доску, всегда считал, что раз он в основном один приносит в дом деньги, все домашние должны ему прислуживать. Вечером, возвращаясь домой, он всегда заходил в магазин и покупал конфеты. Все домочадцы от сладкого окончания дня забывали все свои трудности и обиды. А мой тесть, как приглашённый гость, важно садился за стол, и ему подносили всегда горячий обед. Через неделю по выходным в нашем доме собирались все тётчины родственники со своими детьми и внуками, и моя тёща, пока гости помогали собирать урожай с сада и огорода, растапливала печь и готовила шикарное застолье.

Моя профессия столяра помогала мне смириться с постоянными гостями и новым укладом жизни. Я всегда дома что-то строгал и мастерил. Построил маленький трёхстен, новый сарай, починил забор, сделал в доме ремонт.

Марине я много раз предлагал уйти жить на съёмное жильё, но она наотрез отказывалась, говорила, что не может оставить одних пожилых и больных родителей. Мы часто из-за этого ругались, а потом я, как Мичурин, махнув на всё рукой, продолжал ждать милости от «природы», под милостью подразумевалось ожидание очереди на благоустроенное жильё, которое надо было ждать минимум восемь-десять лет.

На занятиях в техникуме ко мне часто подсаживалась Света и интересовалась, как проходит моя жизнь с молодой женой, и где мы спим в их маленьком доме – на кухне или на чердаке. Однажды, она, положив свою руку на мою, зашептала:

– Мне тебя, Лёвушка, по-настоящему жаль. Ты хороший парень. И что ты только нашёл в этой Маринке? Послушай меня, если ты вдруг одумаешься и захочешь опять вернуться ко мне, я, пока не замужем, всегда тебя приму. Подумай хорошенько.

Я успокоил Свету, говоря, что мы с Мариной любим друг друга, а что немного у нас тесновато, так мы скоро уходим жить на съёмную квартиру.

Света от моего известия стала друг смеяться.

– Рассказывай, Лёва, сказки! Я, наверное, не знаю твою Маринку? Она может с тобой пойти жить на съёмное жильё при условии, если вы возьмёте с собой и её маму с папой, и любимых её сестёр, и в придачу и ваших кошку и собаку.

Через год у нас с Мариной родилась дочь. Назвали мы её Светланой. Конечно, не в честь подружки, а в честь моей мамы Сони, так нелепо погибшей во время пожара. Теперь мы по-настоящему узнали, что такое теснота. Нам срочно нужно было купить ещё один шкаф для вещей нашей доченьки, и коляску и детскую кроватку и ванночку для купания и игрушки и много чего другого без чего невозможно обойтись. И Марина, наконец, поняла, что нам надо уехать на съёмную квартиру.

И тут нам просто повезло. Комплектовщица моей бригады, узнав о наших проблемах, предложила две большие комнаты в её большом доме. Сын и дочь, окончив ВУЗ в Минске, давно завелись семьями и остались жить в Минске, а огромный дом с огородом и

садом оставили своей маме. «Я, – сказала нам Злата Моисеевна, – могла пустить вас пожить у меня в доме даже бесплатно. Мне иногда просто не хочется и страшновато жить одной в большом доме».

Конечно, мы, как и положено, договорились с хозяйкой о плате и сразу переехали в свои комнаты. Злата Моисеевна с большим жизненным опытом очень помогала нас в воспитании нашей доченьки, за что мы с Мариной были ей очень благодарны.

Я любил и нежил свою доченьку, постоянно вставал к ней ночью, когда она плакала, играл с ней, старался доставать для неё самые лучшие продукты, а вершиной счастья было для меня, когда Марина отпускала Свету со мной на прогулку.

Наш первый ребёнок был и первой внучкой для родителей Марины и моего папы. Они души в ней не чаяли, часто приходили к нам, приносили подарки. А Марина всегда готовила обед со своими нестандартными блюдами, приготовленными по лучшим кулинарным книгам. Потом, по просьбе гостей, писала им рецепты понравившихся блюд. В общем, встретился я с Мариной совсем не случайно, а для настоящего семейного счастья.

Однажды ненадолго к нам заглянула Света, принесла в подарок нашей доченьке какую-то игрушку. Посидели, попили кофе с тортом, а потом я проводил её до автобусной остановки. Света взяла меня под руку и сказала:

– Какие всё-таки вы, мужчины евреи, противные люди. Всегда гуляете и целуетесь с нами, русскими, а женитесь только на своих еврейках.

Прошёл не один десяток лет, а я до сих вспоминаю Свету, иногда она даже снится мне. Во сне она спрашивает меня, счастлив ли я с Мариной? Почему в моло-

дости мы так глупо расстались и что в результате имеем. Она жалуется, что муж выпивоха, к счастью, на неё руку не поднимает. И почему-то постоянно ждёт признания от меня, что с ней было бы мне лучше.

Марина будит меня:

– Лёва, что ты во сне ворочается и ворчишь? Не заболел ли? Возьми термометр, померь температуру.

– Да не заболел я, – успокаиваю я жену. – Просто мне приснилась моя далёкая молодость.

Часть пятая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ, ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ГЛАВА 1

Наконец наша работа в Москве была закончена, здание сдано в эксплуатацию, а я, возвратившись домой, был зачислен в третий сборочный цех столяром на сборку круглых столов.

За полгода я успел освоить все рабочие места нашего конвейера и, несмотря на молодость, всегда замещал нашего бригадира в его отсутствие. Но вскоре произошло сокращение штатов, и я, как самый молодой член бригады, был переведён, как мне сказали временно, в другой цех на ремонт деталей. Новая работа мне не очень нравилась, нужно было до отделки и сборки практически ремонтировать почти каждую деталь, то менять поломанный кант, то ставить всякие заделки. Я знал, что временное – это всегда самое постоянное, но коллектив столяров-ремонтников был очень молодым и жизнерадостным. Во время работы всегда шутили рассказывали друг

другу разные истории. После работы мы часто играли на фабричном небольшом стадионе в волейбол или с мини футбол. Это меня и удерживало в том цеху. Было куда девать накопившуюся неиспользованную энергию.

А ещё через полгода меня пригласили работать в спецбригаду. Её работа состояла в том, что нужно было обрабатывать на станках детали в размер, делать разные отверстия для сборки, шлифовать и кантовать детали. Детали у нас получались как игрушки, и после нас обычно без всякого просмотра и ремонта шли на сборку. Да к тому же и зарплата была на много выше, чем на ремонте, что совсем не лишнее для молодого парня.

Раз в день я собирал у рабочих затупившийся инструмент (ножи, пилы, фрезы) и относил их для заточки в пилоточку. Пока режущий инструмент затачивался, я на десять минут заходил рядом в шаблонную. Шаблонная – это было сердце нашей фабрики, там изготавливались новые образцы мебели, разные приспособления и шаблоны для серийного изготовления мебели в цехах. Там и делали мебель для Московского Кремля, университета имени Ломоносова, мебель для разных министерств и ведомств, делали реставрации мебели и самих зданий для музеев и церквей. По заказам делали шахматы больших размеров и разные инкрустации, и даже инкрустированные из разных пород шпона портреты. Например, портрет в подарок министру обороны маршалу Гречко. И я вам скажу, что далеко не каждый знаменитый художник смог бы так похоже и качественно воспроизвести с фотографии портрет. Это было настоящее произведение искусства.

В шаблонной работали специалисты высшей квалификации. Почти половина из них во главе с бригадиром Наумом Нилоновичем Ресиным были евреи. Зная себе цену, они могли позволить говорить в цеху между собой на языке идиш, восхищаться вслух победами израильтян в шестидневной войне, говорить о евреях, ставших мировыми знаменитостями.

Удивляло их знание популярных либретто оперетт и опер, прекрасное владение искусством рисования и резьбой по дереву. Многие изумлялись, как на одном участке могли собраться вместе такие одарённые люди.

Однажды Ресин, стоя от меня в стороне, долго наблюдал за моей работой, а я никакого внимания на него не обращал и вырезал на станке круглые фанерки для банкетки. Работа была, в общем, не сложная, но требовала определённого умения. Надо было сбить по десять штук фанерки, а потом их все вместе выпиливать. У многих рабочих при сбивке фанеры гвозди гнулись и не входили в фанеру, их надо было щипцами вынимать. Ну а сам процесс вырезки проходил у них очень медленно и неточно. Пилы на станке не всегда слушались, а у меня гвозди от моих резких ударов молоком всегда сразу по самую шляпку залазили в фанеру и круги для банкетки всегда вырезались быстро и точно по разметке. Во время работы всегда находилось несколько зевак, которые наблюдали за моей работой. Работа по вырезке банкетов мне нравилась ещё тем, что иногда меня просили остаться на пару часов поработать сверхурочно за дополнительную плату.

И вот ко мне подошёл Ресин.

– Лёва, хочешь на пару месяцев ко мне в бригаду? У нас сейчас поступил заказ на изготовление и установку очень сложного паркета в Совет Министров.

Работа спокойная, без всякой спешки, зарплата в два раза больше, чем сейчас у тебя. Подумай!

Что здесь долго думать, из-за денег многие, и я в том числе, только и ходили на работу. Перевод временный, когда очень нужен для производства, проходил всегда почти мгновенно, и на завтра я уже в шаблонной получал инструктаж от самого Ресина.

Работа для меня была действительно несложной. Из нескольких пород пятимиллиметрового шпона (дуба, ясеня, красного дерева бука и ореха) нужно было вырезать на станке заготовки, потом по шаблону обработать их на фрезерном станке и отнести их на сборку, где из заготовок подбирался красивый рисунок и на ручном прессе его наклеивали на толстую фанеру. Вырезкой и обработкой деталей по шаблону занимались трое рабочих. Остальные члены бригады собирали квадраты с рисунком, мазали их клеем и по десять набранных пакетов клали в пресс. За день успевали сделать по два больших прессы. Я стал вырезать заготовки из шпона, по молодости взяв в руки сразу несколько кусков шпона, сделав их солидных запас, я начинал их обработку в размер по шаблону на фрезерном станке. Причём зажимал и откручивал по пять заготовок сразу и очень быстро, и если к этому добавить, что я работал почти без всяких перекуров, а иногда по своей воле оставался на час-два после работы, то через неделю вся шаблонная стала собирать рисунки паркета за день, склеивая по два прессы до обеда и по два прессы к концу рабочего дня. После установки паркета в Совете Министров Белоруссии, там остались довольны нашей работой. Всей шаблонной и мне в том числе вручили почётные грамоты и премии по двадцать рублей каждому.

После работы в шаблонной, меня снова перевели в спецбригаду. Но рабочие во главе с Ресиным стали моими друзьями, а ведущие специалисты – Левин Борис, Горели Семён, Окунь Михаил и Ресин Наум – каждый день подолгу разговаривали со мной, «подготавливая» меня к выезду на постоянное место жительства в Израиль.

Сначала они говорили обо всём: о пустых прилавках в магазинах, о резком повышении цен на спиртное, о пьяной молодёжи, по вечерам пристающих ко всем прохожим, о постоянной группе охраны и рабочих, охраняющих сутками импортное, ещё не установленное полуавтоматическое оборудование.

Немецкие специалисты, монтирующие эти линии, очень удивлялись: нам понятно, говорили они, что на жизнь зарплаты не всегда хватает, и многие, что могут, воруют для дома, для продажи, но для чего надо откручивать, выламывать с полуавтоматической линии разные концевики, фишки, маленькие моторчики, которые без преобразователей и промышленного электрического тока не смогут нигде работать и никогда никому дома не пригодятся. И никто у них это не купит.

А потом опять начинаются разговоры об Израиле и обработка меня к выезду:

– Подумай, Лёва, что тебя и твою семью ожидает завтра. Ты – молодой мужик – уже десять лет ждёшь своей очереди на получение квартиры, и какой? Две комнаты на четырёх человек, если у тебя однополые дети. На машину для себя ты денег никогда не накопишь. Продукты постоянно надо где-то доставать, а за мясом в субботу надо выстоять трёхчасовую очередь. А твои дети, когда подрастут, куда они, твои две еврейки, смогут поступить учиться. Даже на более-

менее хорошую работу ты детей не устроишь. Сейчас по всей стране идёт пропаганда, что во всех бедах большой страны виноваты только евреи, и чем раньше они уберутся из страны в свой Израиль, тем скорее все заживём по-человечески, в достатке и благополучии. Не надо ждать, Лёва, когда тебя силой депортируют из страны, уезжай сам, мы все уже тоже готовимся. Мы знаем от наших хороших друзей. Они за три года проживания в Израиле уже прижились, купили в кредит (а мы здесь покупаем себе не всё в кредит?) квартиру, в которой каждому ребёнку есть комната, машину, все электротовары, а сейчас даже собираются в гости к друзьям в Америку. Там за слово жид сразу сажают в тюрьму, а могут даже и депортировать из страны.

Дома жена моя и любимая тёща каждый вечер стали меня прорабатывать, что пора уезжать в Израиль, и чем быстрее, тем лучше. Я со всех сторон оказался под пропагандистским огнём. А сам себе думаю: работа у меня неплохая, заработок тоже терпимый, тем более что я ещё устроился на полставки работать в школу столяром, квартиру, благоустроенную, я вот-вот должен получить, уже третий стою в очереди. Жена моя, слава Богу, тоже работает не на заводе, на конвейере в три смены, а учителем в школе. Правда, иногда, возвратившись с работы, ложится сразу на полчаса на диван с мокрым полотенцем на голове. Что подделаешь, в каждой работе хорошие и не очень хорошие дни.

Пропаганда с выездом стала понемногу меня одолевать, но тут подвернулась новая хорошая работа, на которой можно было совсем неплохо и подзаработать. Меня откомандировали во вновь созданную бригаду на изготовление большой партии

столов для журналистов, которые должны будут обслуживать Олимпийские игры в Москве. Работа не из простых, но нас никто в работе не подгонял, а лишних 150-200 рублей в бюджет семьи совсем не помешают.

Стол для журналистов был спроектирован таким образом, что в него должны были вместить всю необходимую аппаратуру вместе с телевизором. Особое внимание при проектировке стола уделялось прочности. Наша бригада за полгода с честью справилась с поставленной перед ней задачей, и за два месяца до открытия Олимпийских игр пять огромных грузовых машин доставили готовые столы в Лужники на стадион имени Ленина.

Но в нашей, уже для многих теперь бывшей социалистической стране, гладко, как положено, никогда не бывает. Вот так же произошло и на этот раз. Все пятьсот столов разместили в Лужниках на футбольном поле. Должны были на столах установить какое-то оборудование и укрыть столы специальными чехлами из специального непромокаемого болоньевого материала, присланного по заказу из Японии. К тому же чехлы для столов были ещё и очень красивыми, нежно голубого цвета со снежинками, как нам потом стало известно, из одного чехла можно было свободно выкроить два женских плаща. В общем, склад с чехлами, как вы, конечно, догадались, в нужный момент был опечатан, а зав складом уехал на несколько дней отмечать юбилей друга. А погодные условия, наверно, по просьбе наших недругов, решили проверить на прочность наши столы, и три дня над столицей шёл проливной дождь. Столы такого испытания, конечно, не выдержали, все крышки столов сильно промокли и вздулись.

Я не знаю, как перед оргкомитетом Олимпийских игр и перед правительством отчитывался бедный завскладом, но от нашей знаменитой Бобруйской мебельной фабрики имени Халтурина в какой-то мере стало зависеть, чтобы игры прошли вовремя и на должном международном уровне. Руководство фабрики срочно остановило выпуск всей спец мебели и все силы бросило на спасение столов. Были откомандированы несколько опытных столяров аккуратно демонтировать пришедшие в негодность крышки столов и сделанные на них кожухи из гнутой фанеры для телевизоров.

Каждый день в Москву на стадион отправлялись грузовые машины с уже готовыми вновь крышками. Последний стол наши столяра переделывали уже за день до открытия игр.

За этот трудовой подвиг нашего коллектива многие рабочие были награждены правительственными грамотами, орденами и медалями. Среди них оказался и я.

Единственное, о чём я в этой истории не знаю, те чехлы из японской болоньевой ткани пошли, в конце концов, по своему назначению или их всё же отдали в швейное ателье на изготовление модных женских плащей.

ГЛАВА 2

Пришла вторая половина восьмидесятых, и начался массовый выезд евреев за границу. Поднялись многие евреи из нашей фабрики, в основном это были пожилые специалисты, которые в отличие от нас, кто помоложе, хорошо понимали, что уже пришло время навсегда покинуть Советский Союз, страну, ставшую за многие годы близкой и родной. В благополучие

некогда своей страны евреи без исключения каждодневно вкладывали все свои силы, знания и любовь к своей родине, а в трудные минуты брали в руки оружие и становились в один ряд с русским на защиту своего отечества. Что мы получили взамен? Расцвет антисемитизма на всех уровнях, начиная от бытового, кончая государственным.

Старшее поколение ещё хорошо помнило еврейские погромы в Кишинёве, Гомеле, Киеве... Ждать изменений к лучшему стало трудно, да и бесполезно. Некоторые семьи уезжали в Америку, Австралию, но основная масса двинула в Израиль, на свою историческую родину.

Столяры из шаблонной и из спец бригады, уезжая, увозили с собой ручной столярный инструмент, надеясь, что в Израиле им, в основном шестидесятилетним, ещё много придётся поработать для благополучия своей семьи.

Я был на распутье. В основном меня останавливала работа. Это и работа на фабрике, подработка два раза в неделю в школе, по выходным постоянная «халтура» в офисах и кабинетах по их оформлению. В моём понимании материальный достаток в семье – это самое главное. Но вся моя семья и родственники каждый день просто бредили Израилем, я для них был как телеграфный столб. Меня трудно было сдвинуть с места.

Как раз в это время мне выделили благоустроенную квартиру в новом многоэтажном доме. Я просто балдел от счастья. Шутка ли, почти десять лет мы скитались по съёмным квартирам, а в последний год мы решили перебраться жить в дом родителей моей жены. Они жили в небольшом собственном доме на окраине города рядом с большой промзоной. На нашу

семью они выделили самую большую комнату в доме. Дом у родителей жены был, конечно, с печным отоплением, туалет на улице, вода в колонке на улице. Наша семья была очень дружной, а к временным неудобствам мы быстро привыкли.

На одной книжной этажерке в зале умещались все учебники, тетради и школьные принадлежности младших сестры и брата моей жены и моих детей. На каждой полке не было ничего лишнего. К моему удивлению, никто никогда не искал какую-нибудь тетрадь или учебник, всё всегда под рукой и всегда лежало на своём месте.

Два раза в месяц во дворе дома проводилась генеральная стирка, в которой принимали участие все члены семьи. В стиральной машине ещё старого образца стирались одежда, которая сразу после стирки и полосканий выкручивалась специальными валиками, крутить которые надо было большой изогнутой ручкой, пропускать уже помытое бельё было под силу далеко не каждому. И в мои обязанности входило бегать почти без остановок к колонке за водой и поддерживать постоянный огонь в печке под вываркой. Кроме этого я должен был выливать из выварки кипятки, заливать в выварку новую порцию воды и кипятить всё светлое бельё.

И вот теперь мы в новой квартире. Но моей двенадцатилетней дочери школа рядом с домом не нравилась. Её недружелюбно приняли в классе, подкладывали ей на сиденье парты кнопки, дёргали за волосы, подкидывали в портфель мусор, один раз засунули полкирпича. Прямо в лицо говорили, что только жидовки в классе у них и не хватало. Классная руководительница, с которой я поговорил, уверяла меня, что класс очень хороший и дружный, а вот моя дочь просто всё

выдумывает, потому что она замкнутая и сама просто не хочет влиться в коллектив. Дома Света плакала, не хотела идти в эту школу. Пришлось забрать документы и вернуть дочь в старую школу, рядом с домом бабушки и дедушки. Старики были рады, что внучка снова будет с ними каждый день видется, а мы вынуждены были Свету отвозить и привозить обратно домой.

Младшая сестра моей жены, Аня, студентка медицинского училища, в отличие от своих сестёр, была склонна к полноте, правда, на лицо была очень даже симпатичная. Многие юноши её курса были совсем не против за ней поухаживать, но она для всех была просто непреступной крепостью. По характеру Аня, опять-таки в отличие от сестёр, была очень отважной, даже немного агрессивной и никогда не проходила мимо любой несправедливости. Она смело подходила и разнимала дерущихся пацанов, нанося им удары своей сумкой, набитой тетрадами и книгами. В автобусе без всяких уговоров могла за шкирку поднять любого молодого пассажира, не замечающего рядом с собой стоящего инвалида или старушку. Могла любому преподавателю в классе прямо при всех сказать в лицо, что она о нём думает. А вечером, возвращаясь с практики со второй смены, всегда шла домой кратчайшей дорогой через неосвещённый переулочек. Местные пацаны, дежурившие в переулочке, её не замечали, а может, зная Анин неуступчивый характер, просто не хотели с ней связываться.

Однажды в выходной день во дворе тёщиного дома шла очередная запланированная стирка. В выварке кипела вода, в стиральной машине через вальцы прокручивалось уже постиранное бельё. Ну а я, как

ломовая лошадь, бегал к колонке с ведрами за водой. Во дворе сидела и разговаривала моя дочь Светлана со своей подругой Оксаной, с которой она дружила ещё с детского сада. Неожиданно Оксана поднялась со скамейки и подошла к Ане:

– Знаете, тётя Аня, а ваша Света уже долгие годы является моей самой лучшей подругой, и мы решили дружить всю жизнь. Правда, тётя Аня, это очень хорошо? А моя мама мне всегда говорит: – Оксана надула свои губки, – что подругу себе надо искать только из своих русских, еврейские девочки – это ненужные подруги и, вообще, «Оксана, я прошу тебя уже много раз, я не хочу видеть у нас в доме твою подружку, эту жидовочку Свету. – Оксана вздохнула и добавила: – А я, тётя Аня, всё равно буду дружить с вашей Светой, и она всегда будет приходить к нам в дом».

Выслушав Оксану, Аня нежно обняла девочку за плечи и, о чём-то спрашивая, прошлась с ней по двору, подошла к выварке с кипящей водой и резко, чтобы не ошпариться, скинула на землю крышку.

– А сейчас послушай меня, моя дорогая. Если я хотя бы ещё раз услышу от тебя слово «жидовочка», я, – Аня с силой нагнула голову Оксаны к кипящей воде, – суну тебя живьём прямо в кипяток, и ты там прямо в своей одежде и сварись. Поняла? Поняла? – ещё раз переспросила Оксану Аня. – И твоя «умная» мама больше никогда тебя не увидит.

– Да, я всё поняла, – ответила девочка, и из её глаз ручьём полились слёзы.

Оксана дружила с моей Светой ещё целый год, почти до самого нашего отъезда в Израиль, и потом, когда мы уже жили в Израиле, они вели переписку несколько лет.

По просьбе Оксаны Света из своих первых заработанных денег два раза выслала для её мамы посылку с лекарствами от сахарного диабета, один раз десять пачек глюкомина, в другой – двадцать пачек.

А потом у девочек, по всей вероятности, появились новые подруги, и они перестали переписываться. Видно, их дружба была не такой уж крепкой, как им казалось в молодости.

Зато на следующее утро мы с женой пошли в ОВИР за анкетами на выезд в Израиль. Именно этот разговор Ани с Оксаной подсказал нам, лично мне, что происходит, и как нам надо жить дальше. И спасибо Оксане, что я не упустил своё время.

Вскоре я разругался и со своим лучшим другом Олегом. Как-то зашёл к нам в гости Олег со своей женой поздравить меня с получением ключей от новой квартиры. Как всегда в подобных случаях, на столе оказались припрятанная для особых случаев бутылка водки и всё, что у нас было съедобное в холодильнике. После выпитой бутылки кончились у Олега поздравления и начались «наравоучения»:

– Наша великая страна, – начал опьяневший Олег, – дала вам, евреям, абсолютно всё: и высшее образование, и хорошую работу, и даже бесплатно выделила вам новую благоустроенную квартиру. А вам, неблагодарным, всего этого мало. Вы все националисты. Всегда гуляете с нашими русскими девушками, а женитесь на своих евреечках. Живёте среди русских, а дома между собой разговариваете на своём еврейском. У вас и праздники какие-то не наши, не русские, не Пасха, а Песах. У нормальных людей один Новый год в году, а у вас два, один Новый год, как у всех, с ёлкой, с дедом Морозом, и один какой-то *роше шона*. Вы живёте

у нас в России, а ходите на свои национальные концерты и постановки на своём еврейском языке. И как ненормальные всё копите и копите деньги, всё вам мало. Бутылку водки для гостей вы поставите только в большой праздник, а так, в обычный день, когда к вам не зайдёшь, у вас одно и то же угощение – чай, кофе и разные «струдали» и «кихелах». Поскорее бы вы все смотались от нас куда угодно, хоть в Израиль, хоть в Америку, и не раздражали нас своими националистическими выходками.

Мой тесть с покрасневшим лицом поднялся из-за стола и, указав Олегу пальцем на дверь, повелительно сказал:

– Вон из моего дома! Вон!

До отъезда в Израиль в нашей семье произошли ещё несколько неприятных инцидентов.

Мой тесть работал в парикмахерской и каждый день вечером, после девяти часов кратчайшим путём через неосвещённый переулочек, возвращался домой. Домашние все каждый раз просто умоляли его ездить с работы домой на автобусе, но из-за упрямства он продолжал всё-таки идти этим переулочком.

– Пока я на вашем автобусе через весь город доберусь домой, я пешком давно уже буду дома, – говорил он.

Однажды, когда мой тесть, как обычно, возвращался этим переулочком, к нему подошли трое подростков, и один обратился к нему по имени:

– Послушай, Бенце, говорят у тебя сегодня было очень много клиентов? – И хитро сощуриив свои наглые глазки, переспросил: – Верно? Вижу по твоим глазам, что верно.

– Порядком, в субботу всегда постригается много людей. Я сегодня ужасно устал и мне не очень хочется с вами разговаривать. Разрешите пройти?

– Куда ты так спешишь? Домой ты всегда успеешь. Что это ты, дед, с нами такой неразговорчивый? – вступил в разговор второй подросток.

– Пацаны, – вновь заговорил первый. – Видно, дедушка-еврейчик – парикмахер ещё тот. Облапошил, наверное, половину своих клиентов, да так, что и кошелёк у него уже и не закрывается. Ладно, дед, давай мы с тобой сегодня разойдёмся мирно. Сумел ты немного подзаработать, ну и молодец, а доходами своими, как нам кажется, ты совсем не хочешь поделиться с государством. Так поделись хотя бы с нами. Сейчас ты сам с нами поделишься поровну своей выручкой и катись себе домой подобру-поздорову.

– Хулиганы! Как вы смеете со мной, со старым человеком, так разговаривать? – вскипел мой тесть. – Немедленно пропустите меня. Я сейчас вызову милицию.

– Пацаны, вы только взгляните, каким скупердяем оказался этот старый жид, – наигранно возмутился третий подросток, до этого со стороны наблюдавший за разговором своих друзей с моим тестем.

В руках этого подростка был уже раскрытый кошелёк моего тестя. Как он попал в руки хулигана, тесть даже не почувствовал.

– Отдай кошелёк! – повысил голос тесть и схватил подростка за руку.

– Тихо, дед, не шуми, если хочешь целым уйти домой, – он, оттолкнув моего тестя, стал считать содержимое кошелька. – Смотрите, пацаны, сколько тут бабок! – обрадовался он. – Здесь и десятка, и две

пятёрки, и три тройки, и мелкоты рубля два, не меньше.

– Ладно, кончай базар, – скомандовал первый хулиган, видно, главный в этой шайке. – Берём только бумажные, а мелочёвку оставляем деду на автобус.

В это время тесть изловчился и ухватился за свой кошелёк. Вероятно, почувствовав силу старика, хулиган резко мотнул головой и разбил ему нос и верхнюю губу. Вся компания, смеясь, убежала, а мой тесть с разбитой губой и носом через уже пустой переулок кратчайшим путём пошёл домой. Жаловаться было не на кого, никого из хулиганов тесть в лицо не успел запомнить.

А на следующий день он снова через этот переулок пошёл в свою парикмахерскую на работу.

Около двенадцати ночи, когда семья уже спала, через закрытую форточку в зал влетел огромный камень. Возможно, это была просто хулиганская выходка местных пацанов, но она сделала в доме настоящий переполох. Звон разбитого стекла и множество осколков по всей комнате мгновенно подняли нас всех на ноги. Все быстро оделись и вышли в прихожую, волнуясь, ждали продолжения хулиганства пацанов и молча слушали эмоциональное выступление Ани:

– Ну что? Все так и будем сидеть до утра и ждать продолжения? Хотите дождаться ещё и погромов? Дождётесь! Мало вам, что кто-то ночью кинул нам в дом через окно камень? Мало вам, что папу – семидесятилетнего ветерана войны обозвали жидом? И кто? Пятнадцатилетние сопляки. И разбили ему нос. А на прошлой неделе почти весь наш забор кто-то повалил на землю. Так ещё молча выслушивать у нас за столом нравоучения Лёвиного друга, как мы должны вести

себя, люди еврейской национальности, на территории Советского Союза. Всё. Завтра же идём все вместе в ОВИР за анкетами на выезд.

Все без всяких возражений выслушали выступление Ани. Немного повозмущались и до двух часов ночи всё перебаривали произошедшие события, никак не могли уснуть.

Первыми из наших родственников покинули Бобруйск братья жены Гриша и Яша. По дороге они сумели изменить свой маршрут и вместо Израиля отправились за счастьем в другие страны. Гриша со своей семьёй в Австралию, а Яша с семьёй в Америку.

В Австралии Гриша – токарь-расточник высшей квалификации без знания английского языка не был никому нужен и по очень большому протезе устроился в бригаду по укладке паркета, и Гриша со своим и вечным радикулитом, работая на карачках каждый день, мечтал поскорее добраться домой к своей кровати, иногда от усталости даже жертвуя ужином. Дети его, Аня и Миша, легко изучили английский язык, приобрели неплохие профессии, и Австралия стала для них второй родиной. Они обзавелись своими семьями и жили довольно далеко от своих родителей, изредка по большим праздникам навещая их.

Яше в Бруклине сразу предоставили съёмное жильё. Новая машина, купленная в кредит, особой радости им не принесла, так как на ней приходилось каждый день за двести километром от дома добираться до работы. Жили они довольно скромно, так как старались накопить денег на собственный дом. А потом с женой, подсчитав свои сбережения, поняли, что в этой жизни на дом они вряд ли успеют накопить. А жить

надо здесь и сейчас и не оставлять свою жизнь на потом.

По телефонным разговорам и по скайпу Яша и Гриша узнали от нас, что почти все евреи, приехавшие в Израиль, взяли в банке большие ссуды на десятки лет и на них обзавелись своим жильём. В течение нескольких лет можно приобрести и машину, не говоря уже о мебели в дом, кондиционеров и других электротоваров.

Знание русского языка оказалось вполне достаточным, чтобы устроиться на работу, правда, не высококвалифицированную. В государственных учреждениях тебе помогут оформить документы на иврите и разобраться с твоими проблемами на русском языке.

Израильтяне любят ходить в гости, праздники проводят большими компаниями с выездом за город. Многие довольно часто ходят на концерты, в театры. В страну приезжают артисты со всех стран мира.

Моя семья нашла в этой стране свою вторую родину, а мои внуки, уже родившиеся здесь, свою первую и, я надеюсь, единственную и самую счастливую.

И ещё об одном случае, произошедшем со мной на бывшей родине, я хочу рассказать.

Однажды я с друзьями оформляли офис одного агентства. По договору с нами рассчитались только при сдаче объекта рабочей комиссии, причём, как и договаривались, наличными. За четыре месяца работы сумма оказалась довольно внушительной, и я, немного подумав, решил к юбилею жены – её сорокалетию сделать ей хороший подарок, исполнить её заветную мечту, купить ей набор из колье, серёжек и перстня с драгоценными камешками.

В ювелирном магазине мне предложили немного подождать, пока придёт новая партия ювелирных изделий. Я несколько дней ходил просто сам не свой, не зная, куда временно до прибытия новой коллекции спрятать большую сумму денег. Думал я, думал и наконец догадался. Когда однажды дома оказался один, я аккуратно разложил на щит деньги, потом снял с одной секции стенки цоколь, а щит с деньгами на четырёх магнитах прикрепил внутри к нижнему щиту и поставил цоколь на прежнее место. От радости, что так классно припрятал свои деньги, я даже налил себе 50 грамм коньяка.

В ювелирный магазин уже прибыла ни одна партия драгоценностей, а я всё никак не мог купить жене подарок. Дело в том, что спустя два месяца я совсем забыл, куда запрятал деньги. Знал, что они находятся в стенке, но где они конкретно лежат, забыл. Как иногда говорят в народе, ну хоть убей, не помню.

Каждый выходной к большому удивлению жены стал влажной салфеткой протирать со стенки пыль. Причём со всех сторон: и места, где стоит посуда, и бар, и книжную полку, протирая в ней салфеткой все книги подряд. Жена, смеясь, говорила, что никогда бы не подумала, что у неё под старость появится такой хороший помощник по уборке квартиры. А я всё прощупывал каждый сантиметр стенки, но безрезультатно.

И только уже за несколько дней до отъезда в Израиль из Бобруйска, я, в последний раз разбирая содержимое стенки, случайно ногой подцепил этот злополучный цоколь. Цоколь слетел, а за ним отвалился и щит, и из него посыпались аккуратно сложенные деньги.

Я, не раздумывая, быстро рассовал их по карманам и до прихода жены из продуктового магазина пулей выскочил из дома.

Уже в обед за столом в присутствии всей семьи я как истинный джентльмен положил перед женой три красивые коробочки – одну с колье, другую с перстнем, третью с серёжками. Открыв шампанское, я поднял тост за сорокалетие моей любимой жёнушки. Правда, с небольшим опозданием – всего два месяца. На вопрос жены, откуда я достал такие большие деньги, я ей так и не рассказал, а ответил, как в популярном еврейском анекдоте: «Из тумбочки».

– Хорошо, пусть будет из тумбочки, – согласилась со мной жена, – только скажи, пожалуйста, кто эти деньги положил в тумбочку?

– Конечно, я! – важно ответил я и добавил: – Закончу писать рассказ о самом себе, тогда ты всё и узнаешь.

Сказать по правде, я до самой отправки самолёта уже из Будапешта в Тель-Авив ходил как взвинченный. Всё не мог себе представить, как со своими чемоданами приеду в незнакомую мне страну. Кто меня там встретит? Как я, не зная языка и не имея работы, смогу прокормить свою семью, и вдобавок тестя с тёщей и их взрослых недоучившихся детей. Но уже взбираясь по трапу самолёта, среди трёхсот пассажиров не увидел ни одного мрачного озабоченного человека. Все улыбались, у всех были счастливые лица.

И снова я задал себе вопрос: от кого я уезжаю, куда и для кого? И сам себе ответил: «Уезжаю в прекрасное далёко для счастья своих детей и внуков».

Уже сидя в салоне самолёта, при его взлёте, улыбнувшись, вдруг в полголоса запел:

Прекрасное Далёко,
Не будь ко мне жестоко.
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока
В прекрасное Далёко,
В прекрасное Далёко
Я начинаю путь.

Жена, взглянув на моё улыбающееся лицо, тоже улыбнулась и, прислушиваясь к моему пению, положила свою голову мне на плечо, и мы уже вместе продолжили петь:

Прекрасное Далёко,
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока
В прекрасное Далёко,
В прекрасное Далёко
Я начинаю путь.

РАССКАЗЫ

Я РАДУЮСЬ ЖИЗНИ

Возвращаясь с работы, Хаим встретил своего давнего друга Семю.

– Здравствуй, дорогой, как поживаешь? Как жена? Как дети? Ты уже на пенсии? – а потом шёпотом Семёну на ухо: – Выпить хочешь? – И не давая другу опомниться и открыть рот, переспросил: – Так ты выпить со мной не хочешь? Нет? Почему? Тогда я пошёл.

– Да постой ты минуточку, куда ты так спешишь? – не выпуская руку Хаима из крепких рукопожатий, спросил Семён и, взглянув улыбающегося друга, продолжил: – Ой, люди, посмотрите на него! Какой он сегодня радостный и довольный, а цветёт, как майская роза под весенним солнышком. Скажи, Хаим, чему ты так радуешься? Какое и откуда тебе счастье такое привалило? Всё-всё, я тебя понял. Ничего не надо мне объяснять. Это ты радуешься, что ни с того, ни сего ты подшутил надо мной. Есть такие люди, как ты, которые над кем-то подшутить, кого-то подколоть – им радость. И неважно, как его собеседник на это отреагирует. Пусть даже обидится, главное, чтобы самому от этого хорошо.

– Да не обижайся на меня! – похлопал Хаим Семёна по плечу. – Я сказал тебе абсолютно без злости, а от большой радости, что спустя полгода встретил тебя, своего старого друга, а своей шуткой подумал, что просто подниму тебе настроение. Так как у тебя дела со здоровьем? Что-то ты плохо выглядишь, да и подхрямываешь, или мне это просто показалось?

– Что тебе сказать? – вздохнул Семён. – Старость не радость. Как приближаются наши годы к шестидесяти, так жди на свою голову разные болячки. Голова постоянно болит, давление прыгает, ноги болят, спина не гнётся, – стал жаловаться на своё самочувствие Хаим.

– Ну а там, скажи мне по секрету, – подмигнул Хаим другу. – Там хоть у тебя всё в порядке?

– А там, – Семён махнул рукой, – в отличие от негнущейся спины всё гнётся само собой, и причём во всех направлениях.

– Да!.. – вздохнул сочувственно Хаим. – Тебе действительно хвалиться нечем.

– Послушай, Хаим, – Семён вдруг хитро улыбнулся, – ты мне пять минут назад предлагал выпить, и я отказался. Правильно? Правильно. А сейчас я предлагаю и приглашаю тебя выпить со мной. Думаю, ты от моего предложения не откажешься. Давай зайдём в кафе, закажем по бокалу пива и, как старые друзья, за стойком обо всём поговорим. Я угощая.

– Ну, если так, – улыбнулся Хаим. – Я, пожалуй, и не против. Тем более что я уже давно почти полгода как не пил этот божественный, чисто мужской напиток, развязывающий языки даже настоящим неразговорчивым мужчинам.

– Так, друг, про меня ты уже почти всё знаешь. Болею, лечусь, пока работаю, на женщин чужих уже не засматриваюсь. А как ты? Где работаешь? Как обстоят дела у тебя со здоровьем? Как дети? Сколько уже внуков?

– Работаю я на старом месте, правда, пока всего по четыре часа. А со здоровьем у меня полный порядок. Уже давно так хорошо себя не чувствовал, как сейчас. А помнишь, каким я был полгода назад? Помнишь? Да никакой. На работе потел даже при кондиционере, дышал, как астматик. И ноги так с утра болели, чтобы дойти квартал до автобусной остановки мне приходилось по два, а иногда и по три раза отдыхать. Юмористические передачи, которые я просто обожал, стал смотреть как последние известия, без всякого интереса. Как иногда по телевизору помнишь «ТАСС уполномочен сообщить». Ничего мне уже было не в радость, а тут ещё инфаркт. Ты же хорошо это помнишь? Мой балабай тогда позвонил тебе на работу, и ты отвёз меня на своей машине вначале домой, а потом поехал со мной в больницу. Узнать что со мной такое, чем я заболел. В общем, лежу я под капельницами, глотаю таблетки, делают мне уколы, дышать тяжело, в груди что-то скрипит. Глаза открывать не хочется. Всё, думаю, пришло твоё время, Хаим, прощаться с жизнью. Думал о чём-то хорошем перед смертью вспомнить, да в голову, кроме работы и минуса в банке, ничего не приходит. Думаю, хоть бы Сорка догадалась сегодня с утра прийти ко мне попрощаться. Всё-таки мы с ней вместе прожили душа в душу двадцать восемь лет. Детей и внуков захотелось увидеть. Внуки у меня такие умненькие и хорошенькие, кажется, что мои дети в их возрасте не были и близко такими смышлёнными. Вечно мне со

своей чёртовой работой всегда с переработками не хватало времени по-человечески повозиться и поговорить со своими внуками. Так с этой работой и денег себе к старости не накопил, да и с внуками душу не отвёл. В общем, Семён, лежу я с закрытыми глазами, всё болит, и жду с минуты на минуту ту самую свою подругу с косой. Сколько времени пролежал, не знаю, не знаю, ни какой сегодня чисто, какой сейчас месяц и даже который час. А однажды просыпаюсь под утро. Тишина, все больные ещё спят, а через окно солнышко уже светит и прямо мне в глаза. От яркого света я не мог даже приоткрыть глаза. Вначале решил, что как всегда с вечера медсестра забыла задвинуть шторы на окне, а потом думаю: интересно, где это я сейчас нахожусь, и почему у меня уже ничего не болит, ни голова, ни спина, да и дышится как-то легко без всякого хрипа. Наверное, у меня такое самочувствие от того, что я умер и сейчас уже на небесах. А что здесь на небесах у них за порядки, подумал я со злостью, такие же, как у нас на земле? Как в нашей мэрии, как на приёме у наших чиновников. Что же, придётся и на здесь ждать своей очереди, пока кто-то обратит на тебя внимание. И тут надо молчать и не выступать, если хочешь попасть в тёпленькое местечко. И вдруг мои мысли прервал мой лечащий врач.

– Доброе утро, больной, как дела на что сегодня будем жаловаться?

Я подумал и говорю, кажется, сегодня у меня всё в порядке, и у меня совсем ничего не болит.

– Молодец! – говорит врач. – Всё же сумел выкарабкаться, а я вначале на тебя и не надеялся, что ты сумеешь побороть свою болезнь. Завтра мы тебя уже выпишем. Будешь долечиваться дома. А сейчас разре-

шаю встать с кровати, походить по коридору, подойти к окну.

Я походил по коридору, постоял несколько минут у раскрытого окна и, наконец, надрвавшись смелости, вздохнул свежего воздуха. Секунд двадцать я держал этот воздух у себя внутри, потом медленно его выдохнул. И о чудо! Я по-настоящему почувствовал, что уже ничего не болит, а в лёгких нет никакого хрипа. Значит, я живой я победил свою болезнь. От такого известия я так обрадовался, что на моем лице непроизвольно появилась счастливая улыбка, улыбка выздоровевшего человека, у которого впереди ещё я уверен, будет много радостных и счастливых дней. И я решил по-новому жить: радоваться жизни, жене, детям, внукам, друзьям, утренним часам солнца, ветру, дождю, грому, молнии. Представляешь, Семён, на улице гремит гром, сверкает молния, идёт проливной дождь, а я стою у окна и, как ребёнок, радуюсь всему этому – проливному дождю, грому, молнии. Дочь говорит мне: «Папа, отойди от окна, что тебе за интерес смотреть на такую непогоду? Что скажут соседи?»

Во-первых, говорю я ей, у человека, спешащего куда-то под проливным дождём, в голове только одно – поскорее забежать в подъезд, ему совсем не интересно, кто там наверху любит дождём и этим громосветовым безумием природы.

Знаешь, Семён, и в хорошую погоду я тоже люблю из окна наблюдать за прохожими, особенно за молодыми женщинами. И знаешь, к какому интересному выводу пришёл я наблюдая за ними? Ты никогда не догадаешься. Хочешь, я тебе скажу? Оказывается, моя Сорка по сравнению с ними очень ещё даже ничего. Скажи, и как мне этому открытию под старость не порадоваться. А вечером, уже лёжа в

кровати, я обнимаю свою Сорочку и нежно целую её в щечку. Ты спрашиваешь, что в ответ делает моя Сорка? А она поворачивается лицом ко мне, тоже целует меня и шепчет мне на ухо, улыбаясь: «Спи уже, наконец, чудо моё в перьях! Спи». И я задумался, почему она назвала меня чудом в перьях, утром надо будет её спросить об этом. И засыпая, считаю на пальцах, сколько уже прошло дней со дня последней близости у меня с Соркой, то ли пятнадцать, то ли четырнадцать. У нас с Соркой взаимная близость всегда только строго по расписанию, два раза в месяц, то есть ровно через каждые пятнадцать дней. И я, засыпая, опять радуюсь, какой я всё-таки молодец, что вовремя всё подсчитал, а завтра с самого утра до поздней ночи я опять буду радоваться, и, знаешь, чему? Да... тебе, больному человеку, всё равно меня, здорового, не понять! – махнул Хаим рукой и, сделав очередной глоток пива, спросил:

– А теперь скажи мне, Семён, чем завтра будешь заниматься?

– Завтра же пятница. Ты что забыл? Наш долгожданный выходной. Утром можно подольше поспать, набраться сил на новую неделю.

– А я в шесть часов утра уже буду в парке. Вначале у меня десятиминутная ходьба, потом разминка, разные приседания, отжимания.

– А откуда у тебя на всё это хватает сил? Ты ведь давно уже никакой не спортсмен и к тому же совсем недавно перенёс такую тяжёлую болезнь.

– А мне и не надо быть спортсменом. Приседаю я не до земли, а только наполовину, отживаюсь я не от земли, а от стола. Нагрузки всегда в рамках разумного. Зато потом отличное настроение, которого мне хватает на целый день. Я со своими старыми болячками могу

после тренировки сам себе, стоя, даже зашнуровать свои кроссовки. А по вечерам, когда спадает жара, дочь на своей машине отвозит меня с Соркой на море. Там мы натягивает на руки наши спасательные воздушные рукава и идём купаться в море, плаваем, а когда немного устаём, просто лежим и качаемся на волнах, наши спасательные рукава помогают волнам удерживать нас на поверхности.

– А можно я с тобой вместе буду по утрам тренироваться? – спросил Семён.

– А почему бы и нет, – ответил Хаим. – И тебе будет польза, и мне веселее. – И добавил: – А через пару недель ты удивишься сам себе, у тебя исчезнут все твои болячки и недомогания. А сейчас, Семён, может, закажем ещё по одному пиву.

– Нет, нет, что ты. Уже в другой раз. Во-первых, нам после работы хватает и по бокалу, во вторых пусть у нас останется повод ещё раз когда-нибудь встретиться, а в-третьих, уйду сейчас домой довольный, так как у кого-то остался должок, кто-то должен будет угостить меня кружкой пива.

– Ну, Семён, как хочешь. Моё дело – тебя пригласить, а твоё – отказаться. Ты особенно не огорчайся, я могу и подождать, за мной должок не заржавеет, – и друзья, пожав друг другу руки, разошлись каждый по своим делам.

И я, как свидетель этой встречи двух друзей, от души радуюсь и за Хаима и за Семёна. Путь у них всегда по жизни всё будет хорошо, чтобы они радовались жизни даже просто так, без всяких причин.

СЧАСТЛИВОЙ ДОРОГИ!

Ашдод. Утро. Автобусная остановка. Десятки людей ждут своего автобуса. Все спешат, всем ужасно некогда. Одним надо вовремя успеть на работу, студентам пораньше попасть в университет, чтобы ещё до экзаменов просмотреть свои конспекты. Двум пожилым подругам надо первыми попасть в поликлинику на приём к врачу, чтобы не просидеть весь день в очереди. Кому-то с утра пораньше надо на базар, кому-то утром надо отвезти внуков в детский сад, а кто-то спешит в Тель-Авив на запланированную встречу с давними друзьями из Украины, приехавшими в Израиль.

Солидная дама обращается к десятилетнему сыну:

– Сёма, так ты не забыл, где тебе надо выходить? – и, услышав ответ сына, кивает головой: – Правильно. В «гимеле». Повторяю ещё раз. Сойдёшь с автобуса у светофора, перейдёшь дорогу у светофора и, не шатаясь по району, идёшь прямо к бабушке. Проследишь, чтобы наш дедушка с утра обязательно поел свой салат из свёклы, ему он просто необходим для желудка, таблетки отдашь бабушке и поможешь ей разложить их по коробочкам. Да, что ещё я хотела тебе сказать... когда приедешь, сразу мне позвони.

– Скажите, я не опоздала на тель-авивский автобус? – спросила сильно запыхавшаяся женщина с двумя большими сумками в руках. – Нет? Спасибо. А я думала, что опоздала. Понимаете, вышла сегодня утром из подъезда, думаю, времени у меня ещё в запасе много и не спеша топаю к остановке. Прошла уже полдороги и вспомнила, что дома забыла выключить утюг. Я быстренько развернулась, ноги в

руки и бегом назад домой. Прибежала, а в доме всё в порядке, утюг выключен.

А недалеко от меня прилично располневшая дама в ярко розовых шортах вдруг увидела подругу своего детства, спортивно сложенную женщину в строгом женском костюме с модной сумочкой через плечо.

– Розочка! Это ты? Вот это встреча! Вот кого я никак не ожидала встретить здесь, в Ашдоде, так это тебя. Где ты живешь, неужели у нас в Ашдоде? Помнишь, как мы когда-то вместе бегали на лекции в институт? Даже влюбились в одного и того же парня. Правда, сначала ещё до тебя я ним почти полгода встречалась, а потом ты его у меня отбила и даже, кажется, вышла за него замуж?

– Что было, то было, – усмехнулась подруга. – Правда, я с нашим общим знакомым уже давно в разводе, так что, если пожелаешь, можешь его разыскать и забрать себе снова.

– Ладно, хватит о прошлом. Как и где ты живёшь, есть ли у тебя с нашим общим знакомым дети?

– Молодой человек, вы мне не подскажите, здесь автобус на Тель-Авив? – спрашивает пожилой мужчина с красивой резной тростью и в очках. – Знаете, – продолжает он, – в последние годы я стал что-то плохо видеть. Автобус, дорогу, людей вижу хорошо, а вот с номерами на автобусах у меня проблема. Чтобы увидеть номер на автобусе, мне надо подойти к автобусу почти вплотную, а это уже опасно.

В это время автобусы различных маршрутов один за другим стали подходить к остановке, и толпа пассажиров потихоньку рассеялась. А вот, наконец, и долгожданный для многих автобус на Тель-Авив. Самые шустрые, как всегда, стоят уже первыми у

двери, уверенные, что на этот раз им обязательно ещё достанутся сидячие места.

Студенты и пожилые люди особенно не торопятся. Одним просто не хватает сил побороться с теми, кто моложе, а студенты просто не спешат. У них ещё осталось немного совести и уважения к пожилым, и они уверены, что стоячих мест в автобусе будет предостаточно.

Водитель автобуса, видя неуправляемую толпу, желающую одновременно войти в автобус, решил из своей кабины навести порядок.

– Граждане пассажиры! Не толкайтесь! Купившие билеты, проходите дальше в салон. Женщина с огромным чемоданом и сумкой через голову, платите за багаж.

– Чего-чего? Я ещё тебе должна платить за багаж? Так этот чемодан у меня совсем пустой. Могу тебе его раскрыть, в нём совсем никаких вещей. Я купила его вчера своему сыну в подарок, завтра он летит с невесткой на отдых в Испанию.

– Для меня, – водитель немного повысил голос, – не имеет никакого значения, когда вы купили этот чемодан и для кого, и что лежит у него внутри. Он большой, занимает много места, так что покупайте на него тоже билет.

– Мужчина, сколько времени ещё вы будете стоять в дверях и доставать деньги из кошелька?

– А где мне деньги искать и доставать, в чужом? – хитро улыбнувшись, съязвил мужчина.

– Мне всё равно, из какого кошелька, своего или чужого, вы достанете деньги, но из-за вашей нерасторопности я могу сильно отстать от графика.

– Женщина, да-да, вы в розовых шортах! Вы тоже едете в Тель-Авив? Тогда заходите, наконец, в автобус.

– Сейчас-сейчас, уже захожу, вот только сниму себя на мобильный телефон подруги. Понимаешь, мы с ней не виделись почти десять лет.

– Свою историю ты мне расскажешь в следующий раз, а сейчас, если тебе надо ехать в Тель-Авив, заходи в автобус побыстрее.

– Повторяю ещё раз, – водитель поднялся со своего сидения. – Пассажиры, не толпитесь у входа возле дверей. Купившие билеты, просьба, пройти вглубь салона. Не толкайтесь, стоячих мест хватит для всех. У кого есть в запасе немного времени, можете подождать. Через двадцать минут подойдёт следующий автобус на Тель-Авив, в котором, я думаю, будет достаточно свободных мест. Ну, а у кого нет времени, поднимайтесь быстрее. Сорок минут можно постоять.

Наконец, усевшись на своё рабочее место, водитель, вздохнув, сам себе сказал:

– Что за день такой сумасшедший! И надо было именно в мою смену, чтобы был такой балаган с пассажирами!

– Послушайте, женщина с большим чемоданом и огромной сумкой, – водитель снова поднялся со своего сидения. – Если вы и заплатили за багаж, это ещё не значит, что он должен стоять напротив тебя на двух сидениях. Сидения в автобусе предназначены только для пассажиров. Поставь, пожалуйста, свой багаж в тамбур напротив выхода.

– Так что вы ходите мне сказать? – повернула голову женщина к водителю. – Что я, честно заплатив за два места, должна не сидеть на сидении со своим багажом, а стоять в тамбуре?

– Послушайте ещё раз меня, милая женщина с чемоданом и огромной сумкой. Если вы хотите со своим багажом ехать, как в бизнес классе со всеми

удобствами, наймите себе такси, а в переполненном автобусе извольте уважать и водителя, и всех пассажиров.

– Молодой человек! – обратился водитель к студенту. – Помогите, пожалуйста, женщине отнести её чемодан с сумкой в тамбур около дверей для выхода и поставьте поближе к окну, чтобы они никому из пассажиров не мешали.

– Граждане пассажиры, мне из моей кабины отлично просматривается весь салон. Женщина в третьем ряду справа, почему ты уселась с края двойного сидения, а не у окошка? Подвинься, пожалуйста, к окну, дай возможность ещё кому-нибудь сесть.

Женщина с добродушным видом выставила свои коленки в проход:

– Проходите, кто хочет сесть у окна.

Водитель автобуса покивал головой:

– Сейчас какая-нибудь старушка с палочкой, прежде чем сесть у окна, должна будет потереться о твои коленки. Подвинься, подвинься к окну, видишь, рядом с тобой нет молодых мужчин, желающих потереться о твои коленки.

– Алё-алё, да-да, вы, мужчина с маленькой девочкой. Вы едете в переполненном автобусе. Может, возьмёте свою дочь себе на колени?

– А почему я должен брать дочь на колени, если у нас оплачены два билета?

– Это ваше законное право, а старичок с костылями пусть стоит рядом с вашим креслом и держится за него. Что ему стоит постоять какой-то час до Тель-Авива?

– Послушайте, вы, мужчина, сидящий напротив моей кабины! Если вы с кем-то разговариваете по

мобильнику, то не обязательно кричать. Вы не на улице, а в переполненном автобусе.

– Извините, но я от такого радостного сообщения просто не могу сдерживать свои эмоции. Сегодня, наконец, полчаса назад после трёх лет совместной жизни жена родила мне сына, и я стал отцом. Представляете, я – отец, и мой сын скоро будет звать меня папой!

– Поздравляю. Это действительно большая радость, но зачем на весь автобус так кричать? Я лично подумал, с чего он так радуется, неужели Абу-Мазан застрелился. И у нас, наконец, наступил долгожданный мир и с Рамаллой, и с Газой. Поздравлю ещё раз тебя! Это первая радостная весть в нашем автобусе! Всё. Автобус отправляется! Интересно, кто это догадался поставить сумку на колёсах рядом с моей кабиной и загородил вход в салон? Хозяин сумки, немедленно уберите свою сумку от входной двери! Никто не отзывается? Так чья эта сумка? Ничья? Раз ничья, я выставляю её на улицу и вызываю полицию. Наверное, эту сумку в автобус занёс террорист.

– Моя сумка, моя. Чем она тебе уже мешает? – Полная, уже хорошо нам знакомая дама в розовых шортах стала пробираться из глубины салона вперёд, расталкивая по пути всех пассажиров. – Что за настырный такой водитель сегодня нам попался? Да ты лучше смотри за дорогой, а не за тем, что делается в автобусе! – стала она учить водителя. – Сдалась тебе моя сумка. Она тебе мешает рулить? Сумка стоит около входной двери в проходе, а не в твоей кабине у тебя между ног.

– Не хватает ещё, чтобы твоя сумка стояла у меня между ног, – пожал плечами водитель, удивляясь «остроумию» дамы в розовых шортах.

Дедушка, сидящий за кабиной водителя и пересчитывающий в который раз мелочь в своём кошельке, тоже вмешался в разговор:

– Хозяйка сумки и розовых шорт хочет и сумку воткнуть водителю между ног, и самой усесться рядом с водителем в его кабине.

– Была б эта дама немного помоложе, лет этак на десять, – улыбнулся водитель, – я бы, пожалуй, и не возражал.

– Посмотрите на него, на этого красавца! Он ещё выбирает! Отрастил себе пышные усы, как у кота, и уже решил, что он Аполлон, – гордо сказала дама, тряхнув головой. – Да ты посмотри на себя в зеркало! Высохший скелет с кошачьими усами. Если тебе, такому красавцу, да сбрить усы, ты бы шатался от встречного ветра, как маятник в настенных часах. А ему ещё подавай прямо на работе, в автобусе, такую красивую женщину, как я! – и, схватив свою сумку и снова расталкивая пассажиров, она направилась на своё место.

Водитель, вздохнув, закрыл, наконец, двери, и автобус плавно вырулил на трассу.

ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Много лет тому назад в нашем городе несколько небольших артелей по производству мебели объединились в одно предприятие. Со временем поменялись руководители цехов (артелей), вместо старых, без всякого образования директоров появились молодые образованные инициативные начальники цехов. Эти перестановки и специализация производства позволили новому предприятию значительно увеличить

количество выпускаемой мебели, по качеству не уступающей зарубежным аналогам.

Прошло каких-то десять-пятнадцать лет, и мебельное объединение уже могло позволить себе построить новые цеха и оснастить их современным оборудованием, своими силами начать строить квартиры для рабочих. Правда, хорошей мебели для новосёлов по-прежнему не хватало. Мебельное предприятие, из года в год увеличивающее выпуск своей продукции, пока ещё не могло угнаться за количеством новоселов.

На больших праздниках объединение «Мебель» проходило по площади мимо трибуны уже не отдельными колоннами по сто-сто пятьдесят человек, а огромной колонной, растянувшейся на целый квартал, под свой духовой оркестр. И впереди на открытых машинах красовались лучшие образцы мебели – гордость объединения.

Со временем рабочие небольших цехов перебрались на основное предприятие, а их территории перешли в фонд города, и на месте прежних артелей появились: мастерская по ремонту домашних электротоваров, двухэтажный детский сад, кинотеатр. Из старых мебельных артелей осталась только одна, артель «Первое мая». Она находилась за чертой города, и на её территории отцы города вовсе не претендовали.

Возглавлял эту артель бывший участник Второй мировой войны Яков Борисович Крумер. Небольшого роста, сильно похрамывающий, с палочкой человек. Иногда казалось, что все болезни человека просто присосались к нему одному. А он, несмотря на все эти «бесплатные подарки судьбы», сквозь близорукие очки светился добротой и огромным желанием жить и

успеть для людей сделать как можно больше хорошего, оставить после себя добрую память.

С утра, по дороге в свой кабинет он обходил весь цех, заглядывал в каждый уголок, здоровался со всеми рабочими. Со стариками, с которыми он работал уже давно, не один год, он вначале снимал свои очки, пристально всматривался своим близорукими глазами собеседнику в лицо и, наконец, узнав его, подавал свою маленькую пухленькую ручку для рукопожатия.

С молодёжью у него был совсем другой разговор.

– Сёма, останови станок и немедленно застегни на рукавах пуговицы. Шлимазл, тебя за рукава ведь может затянуть в станок.

– Сергей, застранец, сколько раз тебя можно просить складывать аккуратно детали в стопку и не ставить детали прямо к станку и к себе под ноги! Не спеши, что не успеешь сделать за смену, останешься на час после работы и доделаешь.

В отделочном отделении Крумер продолжает оставаться возле каждой работницы.

– Сарра, – обращается он к пожилой отделочнице, запыхавшейся от быстрой ходьбы, но вовремя пришедшей не работу. – Опять ты с утра бежала на работу, и это всё из-за твоей любимой дочки. После работы помоги ей и приготовить, и убрать, и с внуками повозиться, а утром перед работой внучку поднять, одеть и отправить в детский сад.

– Успокойся, Борисович, конечно, мне тяжело, но кто, скажи, ей поможет, если не мама? Муж? А, её муж обьелся груш, вечно по командировкам.

– Сарра, передай свой дочке, что если она впредь будет мучить мою лучшую отделочницу, я на неё подам в суд. А сегодня вечером жди меня в гости. Я приду и,

как следует, отругаю твою дочь, а не поймёт, отшлёпаю ремнём, как непослушного подростка.

– Здравствуй, Сима! – Яков Борисович похлопал по спине шлифовщицу. – После работы зайдёшь ко мне в кабинет, у меня для твоего сына есть подарок. В слесарке, по моей просьбе, для твоего Ромки сделали машину по размерам в три раза больше, чем продают в магазине. В ней можно и перевозить игрушки, и самому покататься. А чего ты, Сима, так вздрогнула, когда я тебя похлопал по спине? – хитро улыбнулся Яков Борисович. – Видно, я, хоть и старый и слепой, но в целом ещё парень о-го-го. Да ты особо не переживай, что растишь сына без мужа. Ты у нас молодая, красивая, ещё встретишь хорошего мужика, который полюбит и тебя, и твоего сына, а вечером ещё и захочет тебя раздеть.

– Ой, что вы такое говорите, Яков Борисович? Я не такая, чтобы первому попавшемуся броситься на шею, а тем более, чтобы кто-то меня раздел.

– Симочка, ты меня, старого, просто не так поняла, – хитро улыбнулся Яков Борисович. – Я имел в виду, что если он купит для тебя свадебное платье, то прежде, чем его надеть, надо старое раздеть. Скажи, как тут можно обойтись без мужчины? Ох уж эти девки, шуток совсем не понимают!

В городе шутили, что в артель «Первое мая» может устроиться любой, но не каждый. Сегодня ты работаешь восемь часов, а завтра много появилось работы, нужно поработать уже по десять часов. А если надо для плана, нужно выйти на работу и в субботу. За счёт регулярных переработок заработок у рабочих был выше, чем на основной фабрике процентов на двадцать-двадцать пять. Слесари-ремонтники и электрики всегда старались качественно делать ремонт

оборудования. А в дни, когда всё работало, они не сидели без дела, как в объединении, а занимались крупным ремонтом, ремонтировали списанные в утиль детали с основного предприятия, и из отходов делали детские игрушки, стульчики, кровати для кукол, отремонтировали ходунки, манежи, кровати, которые приносили работу из-за ненадобности. Во дворе цеха своими силами сделали небольшой фонтан, посадили две клумбы цветов, поставили скамейки.

Работали в цехе в основном шестьдесят процентов рабочие еврейской национальности. Рабочих других национальностей не устраивал ненормированный рабочий день и строгая дисциплина. Где это видано, часто возмущались они, что после основной работы нужно к праздникам оставаться на час, а иногда и на два, чтобы отремонтировать и покрасить свой цех, и причём абсолютно бесплатно. Руководство объединения старалось не вмешиваться в работу артели, она по-прежнему называлась «Первое мая», хотя официально была одним из цехов объединения. План в независимости от поставок всегда досрочно выполнялся, внешний и внутренний вид цеха выглядел всегда предпочтительней любого другого цеха, а если по какой-то причине надо было незначительно увеличить план выпуска мебели в отличие от других цехов, встречный план тоже выполнялся в срок.

А сегодня у нашего Якова Борисовича обычный рабочий день. Всё как обычно: рабочие работают, оборудование крутится. На столе зазвонил телефон:

– Да, товарищ первый секретарь парткома. Я вас слушаю, – Крумер закрыл трубку рукой. – Огрейсер пурец, да арбет влох фун а бейгеле (большой деятель в работе, дырка от бублика). Але, так вы говорите, что завтра в 16-00 заседание парткома. Знаю, обязательно

и я, и члены парткома придём вовремя. Конечно, мы обязательно выступим. Мы все под большим впечатлением от недавнего съезда нашей любимой партии. Прямо вчера у меня в кабинете собрался весь актив нашего цеха, обсуждали доклад генерального секретаря нашей партии и решили в честь съезда партии принять новые социалистические обязательства, выполнить годовой план к 28 декабря на три дня раньше срока.

Крумер положил трубку на стол, глубоко вздохнул:

– Ди штуб брэнт, нор дэр зейгер гейт (дом горит, а часы идут), агицин паровоз для меня партком. Соберутся пустомели. Сами не работают и другим не дают. Хорошо немного всех подкрутят, сделают план на пару дней раньше, а потом с первого января по десятое будут отмечать Новый год. Дер коп из до нор сэйхл из нито (голова есть, а ума в ней нет), – снова вздохнул Яков Борисович.

В общий десятиминутный перерыв в кабинет заглянул Муля Глубокин – бригадир одной из бригад сборки мебели.

– Яков Борисович, ты свободен?

– Для тебя, Муля, я всегда свободен, заходи.

– Начну сразу, без предисловий, – сказал Муля. – Яков Борисович, у меня большая радость. Моя дочь, наконец-то, получает квартиру и скоро недели через две-три со своим семейством, с мужем и двумя детьми (моими внуками), собирается переезжать от меня. Я хотел бы ей в подарок на новоселье подарить салон мягкой мебели. Походил я по магазинам, такого, как я хочу, нет, а чтобы купить такой, как мне надо, нужно записываться в очередь и ждать два месяца. А мягкий уголок нашего цеха мне бы очень подошёл.

Крумер снял очки и стал пристально всматриваться в Мулю.

– Ой, вейз мир. Посмотрите, люди, на этого говнюка. Он хочет для своей дочки красивый мягкий уголок нашего производства и поэту сейчас крутит передо мной всем тем, чего у него давно уже нет и, не знаю, или когда-то там что-то было. Нет, чтобы сразу прийти ко мне и сказать по-человечески: Борисович, помоги! Так он, как говорят древние евреи, ищет счастье на стороне (ми зухт гликн), бегаёт по магазинам, хочет как мишугинем (дурак) что-то хорошее без блата купить. Ты знаешь, Муля, сколько в магазине стоит такой уголок? Ещё не знаешь. Так я тебе скажу. Записывай. Заведующему надо дать 50 рублей, чтобы тебя поставить на льготную очередь, 800 рублей стоит сам гарнитур, 150 – доставка гарнитура и сборка. А сейчас скажи мне, Муля, за двадцать лет работы в нашей артели ты уже стал миллионером? Пока нет? Не может быть. Так скажи мне, как ты на свои 250 рублей в месяц можешь так просто-запросто зайти в магазин и купить мягкий уголок за 1000 рублей? А сейчас садись и слушай меня внимательно. Ты хоть на самом деле и большой говнюк, но для меня ты свой человек и даже друг, и я всегда во всех делах могу полностью положиться на тебя. В общем, так. Ты, как опытный столяр, в свободное от работы время выбираешь из стопки забракованных в других цехах детали шкафов на дрова подходящие детали на один шкаф, то есть там были и двери, и боковины, и все остальные делали, не мне тебя учить. Делаешь из этих списанных деталей не детали, а просто игрушки. Спешить особенно не надо, не успеешь сделать за день, сделаешь за два, за неделю. А завтра приносишь и кладёшь мне на стол триста рублей. Это за обивочный

материал, детали, работу и за всё остальное, что тебя совсем не касается, и через неделю, а может, и две, точно я тебе скажу дополнительно, в пять часов вечера мои грузчики привезут и занесут тебе твой мягкий уголок по указанному тобой адресу. А сейчас возьми каталог и подбери себе цвет обивочного материала. Посоветуйся дома с зятем и дочкой, а завтра скажешь мне. А теперь скажи мне, Муля, что ты сейчас думаешь на своего начальника цеха. Большой говнюк, совсем не думает о рабочих?

– Спасибо тебе, Яков Борисович! Здоровья тебе и много лет жизни.

– Да, Муля, ты прав, – вздохнул Крумер. – Немного ещё здоровья мне бы совсем и не помешало, но я согласен даже чтобы и худшего уже не было. А сейчас всё, Муля, перерыв у вас кончается, иди работать. Да что ещё я хотел тебе сказать, ты же понимаешь, что в нашей артели работают двести человек, и для всех хорошим я быть просто не могу, хоть и очень стараюсь.

– Всё понятно, Яков Борисович, будут спрашивать, скажу – уголок купил в магазине.

– Не совсем так, Муля. Будь капельку евреем не только по документам. Ни перед кем никогда не отчитывайся. Кому какое дело, что ты купил, где ты купил и для кого. Всё, иди не дури мне голову. Мне тоже надо поработать, подготовить разные отчёты, сделать разные подсчёты. Подсчитать, сколько и чего ещё нужно сделать для выполнения месячного плана. Кто-то опять тарабанит в дверь. Наверное, сегодня мне совсем не дадут поработать. Да-да, войдите.

Дверь приоткрылась, и в проёме показалось довольное и хитрое лицо электрика Миши Степаненко.

– Разрешите, Яков Борисович?

– Заходи, заходи, Мишенька. Вос герцах? (Что слышно?)

– Вос герцах, вос герцах, – растягивая слова, пропел Миша. – А потом, сощутив хитрые глазки, сказал серьёзно: – Алц гут (всё хорошо).

– Молодец, Мишенька, ты единственный человек в нашей артели, которому всегда всё хорошо, как у вас молодых говорят, «всё по барабану». Так что тебе надо? Ты же так просто по-дружески ко мне не придёшь.

– Что мне надо, что мне надо? – задумался Миша, а потом, вспомнив, сказал: – Да ничего, Борисович, мне не надо. Просто завтра с утра я решил сходить к врачу, что-то поясница разболелась. Вы меня не отпустите на пару часов?

– Мишенька, ты пришёл ко мне, к старому еврею, чтобы доставить ему немного радостей? Так у тебя это получилось. Конечно, иди к врачу, я отпускаю тебя. Для меня, Мишенка, это большая радость, когда мои близорукие глаза хоть несколько часов в день не будут тебя видеть.

– Ты, Яков Борисович, зря на меня сердисься, – обиделся Миша, а потом, улыбнувшись, добавил: – Чем злиться, лучше посмотри. Что я тебе принёс в дипломате. – Он подошёл к столу и, растянув в улыбке рот, стал вынимать из него пакеты. – Моя мамочка передала вам небольшой подарок. Вот возьмите: палочка сервелата, две баночки чёрной икры и четыре баночки баварского пива на десерт.

– Спасибо, Мишенька. Спасибо, – поблагодарил Крумер, пряча пакеты в стол.

– Смотрю я, Мишенька, на твоё вечно улыбающееся личико и задумываюсь: для чего мои родители, твои дед с бабушкой и тысячи других делали когда-то революцию. Думаю, совсем не для того, чтобы ты,

таким, как ты, жилось хорошо, для которых вся жизнь – сплошное развлечение, что на работе, что после на разных дискотеках, с сомнительными девочками.

– Пока человек живёт, надо от жизни брать всё, что может. Какую жизнь мне дали мои родители, так я и живу. Помнишь, как мы учились с твоим Ромкой в школе? Про нас всегда писали и рисовали в школьной стенгазете. Твоего Ромку всегда верхом на пятёрках, скачущего к звёздам, а меня верхом на единице с сигаретой в зубах. Ну а что дальше? Твой Ромка пять лет не ходил гулять, всё сушил свои мозги в институте, а что потом. Он инженер-технолог с окладом в 150 рублей, а я, простой электрик, с окладом в 200 рублей. Ромка по полчаса ждал всегда автобус, чтобы в переполненном автобусе приехать на работу, а мне по окончании школы папа сразу купил «Жигули». И обещал, когда я женюсь, подарить мне иномарку. А женился Ромка на простой медсестре с окладом в 90 рублей. Так вот, Борисович, делает детям жизнь не институт никакой, ни партия, а наши родители.

– Да, Мишенька, твой папа очень большой человек и не только в нашем городе. И мне, как простому начальнику цеха, и при том еврейской национальности, надо всегда держать свой язык за зубами и терпеть тебя. А ты, Мишенька, на мою радость – единственная моя головная боль. Когда тебя ставят на вторую смену дежурным электриком, я дома до часу ночи не могу уснуть, всё думаю и жду, не дай бог, в цеху что-то случится или мой Мишенька что-то спалит, какой-нибудь станок, или загорится от короткого замыкания отделочное отделение. А в чём единственном я спокоен, это в том, что тебя, как слабенького электрика, никогда не долбанёт током. Таких, как ты, даже ток не берёт. Как ты, Мишенька, сумел поступить, а потом и закон-

читать энергетический техникум, я просто не представляю. Вчера я попросил тебя по-простому, по-человечески: ты можешь обесточить фрезерный станок, на нём в обед нужно заменить ремни? И что ты мне ответил, помнишь? Хорошо, Борисович, сделаем, не переживай. И что ты сделал, помнишь? Я напому. Ты вместо того, чтобы опустить на электрошите предохранительную ручку вниз, перерубил топором электрический кабель. И наш второй электрик, Ресин Сёма, кстати, даже не заканчивающий никакого техникума, полчаса, по памяти, даже не прозвонив провода, вначале временно соединил провода, а потом, уже ночью, когда ты уже под одеялом видел второй сон, заменил весь кабель от станка до электрошита. А начало прошлой недели помнишь? С новой линии, только после обеда вступившей в эксплуатацию, чисто из хулиганских побуждений ты вытащил предохранители, которые тебе совсем и не нужны были. Просто ты хотел посмотреть, как оперативно её отремонтируют. К линии тогда сбежались все инженеры фабрики, и целый час ползали вокруг неё и гадали, почему линия перестала работать? Хорошо, что наши инженеры догадались с электроцеха позвать дядю Руву. Он по привычке, даже не взглянув на чертежи, сначала проверил предохранители, и линия заработала. А когда тебя, Мишенька, за чем-то посылают в электроцех, то все готовые перемотанные моторы пять минут не работают. А помнишь, как ты через проходную фабрики для кого-то решил вынести дрель, электроотвёртку, моток электропровода и катушку изоляционной ленты? Помнишь? И был остановлен охранником фабрики. И мне, уважаемому на фабрике человеку, начальнику цеха, пришлось два часа уговаривать охранника отпустить тебя и не составлять на тебя акт о

задержании. И если бы тогда не двухкилограммовый кусочек копчёного лосося, подарка твоей мамы, так в тот момент очень нужный моей Ханочке для аппетита после тяжёлой болезни, с тобой, Мишенька, разбирались бы внутренние органы милиции. И мне, старому больному еврею, с запущенным гастритом, не пришлось бы пить на брудершафт с охранником по полному стакану дешёвой водки, которой в обычное время мне хватает на все русские и еврейские праздники в году. Всё, Мишенька, пожалуйста, уходи из кабинета, не расстраивай меня, пока я хороший, сделай так, чтобы хотя бы сегодня мои глаза тебя не видели.

Мишенька, довольный, вышел из кабинета, а Яков Борисович снял свои очки и задумался: и откуда у некоторых людей такое безразличие ко всем и ко всему, и что из таких будет завтра.

Иногда Крумер при встрече с друзьями жаловался на фабричных горе-руководителей:

– Вы представляете, два раза в месяц минимум в каждом солидном цеху происходит разбор полётов. В пересменку в цеху собираются рабочие двух смен, и минимум час одни не могут уйти домой, а другие приступить к работе. Все вместе разбирают проступок нескольких молодых парней, выпивших перед обедом бутылку водки одну на шестерых. Начальник цеха, парторг, комсорг и минимум пять-десять рабочих должны обязательно выступить и заклеить позором нерадивых работников.

– Паршивцы, шалопаи, – ругает начальник цеха нерадивых рабочих. – Я никогда не думал, что у меня в цеху работает столько пьяниц. Предлагаю в качестве наказания перевести этих бездельников и пьяниц на

два месяца на разряд ниже, а в этом месяце срезать у них по пятьдесят процентов премиальных.

Я смотрю со стороны за этим линчем молодых рабочих и сам себе думаю: «Кто дал право администрации этого цеха наказывать рабочих ими же уже заработанными деньгами. А если здоровые молодые парни перед обедом и выпили по сто грамм, это же всё равно, что в машину, еле ползущую, почти без бензина, пять человек в бак для горючего влили каждый по сто грамм, и машина наша уже не ползёт, как черепаха, а летит, как гончая на всех порах. Собрать рабочих всего цеха и похвалить за хорошую работу, это ещё куда ни шло, но ругать... За что? И кто только родил таких уродов? Точно не еврейская и не русская мать. Вы знаете, всем кажется, что еврейские рабочие просто паиньки и никогда на работе не берут по сто грамм. Ой, я вас умоляю! Вы не представляете, сколько раз в год я ловлю выпивающих перед обедом. Они, бедные, как меня увидят, начинают просить, как нашкодившие пацаны перед своим отцом с ремнём в руках:

– Борисович, честное слово, это мы пьём в последний раз.

И так красиво они меня уговаривают, ну точно, как жених свою невесту за десять дней до свадьбы. Бог с ними, – думаю, – пусть пьют, если по чуть-чуть, это ведь не преступление какое-нибудь. Что в стаканах понемногу – это святое, пейте, ну а что до остального – у меня строго, как в газетах «Пьянству бой!», и я забираю всё горючее прямо с бутылками. И кто-то из ребят даже помогают мне отнести всё конфискованное в мой сейф в кабинете. Бывает, правда, что и не уследишь. Вот, например, Данченко Володя – мой лучший слесарь-ремонтник всего мебельного объединения. Так вот, пришёл на прошлой неделе на работу во вторую

смену просто никакой. Наверное, влил в себя столько горячего, что его хватило бы заправить самолёт, летящий из Москвы до Тель-Авива.

– Понимаешь, Борисович, – распевая слова, говорит мне Данченко. – Сегодня друга провожал в Израиль. Уехал, зараза, насовсем, и когда мы с ним снова увидимся. Ну, скажи, Борисович, как я мог с ним просто так проститься, без нескольких раз по сто грамм. Ну ты же человек, я тебя очень уважаю, и ты сегодня должен меня понять. Скажите, друзья, что я должен был делать с Данченко? Позвонить парторгу? Директору? Собрать на целый час весь цех? Наказать рублём? Для этого нужно быть полным идиотом. Я по телефону срочно вызвал такси и веду Данченко под руку к машине. И надо же, нам навстречу на своей «Волге» выезжает сам генеральный директор Колодяжный.

– Яков Борисович, что это с Данченко?

– Устал он, сегодня немного перетрудился, вот и сердце прихватило, лоб покрылся испариной. Решил я отвезти его в поликлинику к кардиологу.

– А почему не вызвал «скорую помощь»? – спросил генеральный.

– Звонил уже несколько раз, – соврал я. – Она всё занята да занята. А дозвонился бы, так приехали бы не раньше, чем через полчаса, а позвонил в диспетчерскую такси, приехали чик-чак, за пять минут. – И спрашиваю Володю: – Сможешь сам сесть в машину?

– Яков Борисович, спасибо, нет проблем.

Я уселся рядом с водителем такси и сказал ему: «В поликлинику». Такси тронулось с места, и уже в дороге я сказал водителю домашний адрес Данченко: – улица Станционная 17. Данченко со своими проводами друга попал в мой чёрный список. Чтобы я его вычеркнул из

списка, ему надо бесплатно отработать две лишние смены. А у нас в артели иногда бывает, что кто-то заболел и некому за него отработать смену. А мой Данченко мастер на все руки. Надо что-то срочно отремонтировать, – пожалуйста, отработать смену на каком-нибудь станке, тоже пожалуйста. На конвейерной сборке его тоже учить ничему не надо.

Когда дома я своей жене рассказывал, как у меня прошёл очередной рабочий день, она однажды спросила:

– Скажи, Яков, а что ты делаешь с этим спиртным, что конфисковал у рабочих?

– А ничего, – отвечаю. – Это всё их, им и распорядиться этим. Перед большим праздником я обычно всё это горючее привожу на фабрику и отдаю рабочим. А они, запасшись домашней закуской, на зависть всему объединению «Мебель» выставляют на столы целый ряд бутылок. Иногда две-три они просто дарят рабочим других цехов. Ну а наши партийные руководители, как всегда, когда им очень надо, забывают о приличии и, если их приглашают к столу, охотно пропускают вместе с нашими рабочими на халяву для обогрева по пару рюмочек.

– Борисович, можно? – в проёме полуоткрытой двери показалась голова электрика Миши.

– Входи, входи, Мишенька. Ты у меня всегда желанный гость. Чем ты на этот раз обрадуешь? Что успел нового натворить?

– Да ничего, Борисович, сегодня я ещё не натворил. Можешь спать спокойно, – и, видя довольную улыбку Якова Борисовича, продолжил: – Вчера вечером мой папаша сказал мне: «Всё, Михаил Данилович, хватит тебе каждый день на работе лынды

бить. Я подыскал для тебя новую солидную работу, если ты немного напряжёшься, я думаю, обязательно с ней справишься. Скоро, возможно, через месяц, от силы два, Крумер уйдёт на пенсию. Я с вашим директором подумали хорошенько и решили, а почему бы тебе после Крумера не возглавить цех «Первое мая». Ты хоть и порядочный оболтус, но по характеру весь в меня, так что руководящая жилка в тебе есть. На первых порах тебе поможет заместитель Крумера – грамотный умелый производственник Андреев, а потом Андреев пойдёт на повышение, возглавит производственный отдел, а ты, Миша, станешь полноправным начальником солидного цеха.

– Всё, Мишенька, я тебя хорошо понял, – вздохнул Яков Борисович. – Такие перестановки не для моего больного сердца. Я не хочу быть свидетелем, как мой цех, в который я вложил столько здоровья, любви и долгие годы своей жизни, будет рушиться на моих глазах. Всё, я улетаю к своему Ромке.

Миша ехидно улыбнулся.

– Куда ты, Борисович, от меня денешься. Я тебя и в Израиле достану. Через три месяца у меня отпуск, и я улетаю отдыхать туда. Там и тёплое море, и много друзей, да и лёту всего три с половиной часа.

А через месяц у Крумера Якова Борисовича состоялся серьёзный разговор с некогда своим близким другом, директором объединения «Мебель» Сергеем Колодяжным. Колодяжный протянул Крумеру руку:

– Ты, Яков, на меня особенно не злись. Это – работа нашего парторга. Он в связи с массовым выездом евреев за границу развёл среди коллектива объединения очень бурную деятельность. Скоро он и меня отстранит от должности и заставит выехать за границу.

Я скажу тебе, Яков, я бы с удовольствием. Только куда? И кто меня отпустит? Я – русский, жена и дети тоже русские. Правда, у моего брата жена из ваших, чистокровная еврейка, они тоже намыливаются свалить в Израиль, даже достали где-то учебник по изучению иврита и каждый день его штудируют.

– Ты, Павел, мне зубы не заговаривай! – перебил Крумер. – Скажи лучше, во что я превратился для своей страны, в которой я родился и прожил почти семьдесят лет? Когда я воевал, был контужен, а после войны, после разрухи из руин поднял нашу артель, боролся, чтобы из года в год в ней повышалась производительность, из года в год увеличивался выпуск хорошей мебели. Тогда Крумер был хорошим. А помнишь, как мы оба радовались за нашу великую страну, когда наши первыми покорили космос? А как мы с тобой за кружкой пива болели за наших хоккеистов, почти каждый год бывшими чемпионами мира? А сейчас, когда мой Ромка уехал жить в Израиль, ну что в этом, скажи, такого криминального? Парень нашёл для себя классную высокооплачиваемую работу, купил там себе квартиру. Ему там хорошо – на здоровье. Нет, чтобы вместе с его родителями порадоваться за мальчика. Так нет. Столько у некоторых, особенно у твоего парторга, появилось зависти и злости, что у кого-то в чём-то лучше, чем у него, что я иногда удивляюсь, как такие люди, как наш парторг до сих пор не лопнули от злости. Вот почитай, Павел, две характеристики, написанные нашим «дорогим» парторгом на меня. – Крумер достал из своего саквояжа два исписанных листика и протянул их Павлу.

Характеристика первая.

Характеристика на члена КПСС с 1960 года Крумера Якова Борисовича.

Крумер Яков Борисович, год рождения 6 марта 1924 года, женат – жена Крумер Софья Лейбовна, воспитательница детского сада, сын – Крумер Роман Яковлевич, студент второго курса Политехнического института.

Крумер Яков Борисович занимает должность начальника цеха объединения «Мебель» ранее являлся директором артели «Первое мая». За время работы показал себя грамотным, талантливым руководителем производства. Коллектив цеха, возглавляемый Крумером Яковым Борисовичем, ежемесячно перевыполнял месячные государственные планы при высоком качестве продукции.

Крумер в свободное от работы время занимался рационализаторской работой, экономический эффект от которой исчисляется десятками тысяч рублей.

Постоянно повышает свой идейно-политический уровень, выписывает газеты «Правда» и «Известия». Посещает постоянно кружок по изучению «КПСС – руководящая сила нашего народа». По характеру спокоен, уравновешен, вежлив, принципиален и строг к нарушителям трудовой дисциплины. Ведет большую культурно-массовую работу, является членом парткома по управлению ВЛКСМ.

Имеет правительственные награды за участие в Великой Отечественной войне и за успехи на трудовом поприще.

Ранее за границей не был, родственников за границей не имеет. Переписку с иностранными гражданами не ведет. Самые близкие родственники под судом и следствием не состояли. Партийных взысканий не имеет.

Администрация, партийная и профсоюзная организации объединения «Мебель» рекомендуют кандидатуру Крумера Якова Борисовича для поездки в Социалистическую Федеративную республику Югославия в качестве

туриста по партийной путевке сроком на 10 дней в счет очередного отпуска и несут за него полную ответственность.

Характеристика обсуждена на партийном собрании и утверждена на заседании парткома 31.V.1961.

Протокол №27.

Характеристика вторая.

Характеристика на бывшего начальника цеха объединения «Мебель» Крумера Якова Борисовича.

Бывший начальник цеха Крумер Яков Борисович за последнее время из верного помощника нашей коммунистической партии превратился в ее идеологического противника, поддавшись чуждой нам западной пропаганде, открыто пропагандирующей выезд из нашей страны граждан еврейской национальности за границу в Израиль, США и другие капиталистически страны, с которыми у нашей партии большие разногласия в вопросах политики, экономики и демократии.

Он всем советует каждому решать самому за себя, где ему жить и как Крумер Яков Борисович, поддавшись западной пропаганде, разрешил выезд за границу своему сыну вместе с его семьей, кстати, его сын и его жена оба получили бесплатное высшее образование в наших вузах. А спустя пять лет, по просьбе сына, Яков Борисович отправил в Израиль лечиться и свою жену, будто бы на лечение в лучших клиниках, тем самым унизив возможности отечественной медицины. Мы знаем, что хорошее лечение за границей стоит огромных денег. Скажите, откуда у простых советских людей могут быть такие большие деньги. В своих пропагандистских целях его жена пишет своим подругам, что в каком-то бейт холиме ей поставили в позвоночнике диск на место, и она ходит сейчас без костылей. А после лечения глаз в том же бейт холиме каким-то Лазарем она уже читает газеты абсолютно без очков. Мы связались с нашей больницей, с лечившими ее когда-то нашими врачами, и они сказали,

что все, что пишет Сожъя Лейбовна своим подругам, это просто полнейшая пропаганда. Ее диагноз полностью лечению не подлежит и что ее абсолютно бесплатно по три раза в год клали в больницу и поддерживали ее здоровье.

Мы неоднократно предупреждали Якова Борисовича о его заблуждениях, но он из-за постоянного чтения запрещенной западной литературы и писем от сомнительных граждан, будто бы о полном достатке и повышенном внимании к вновь прибывшим в Израиль, продолжает провоцировать наших граждан, в основном еврейской национальности, о выезде за рубеж на постоянное место жительства. Из-за чуждой нездоровой пропаганды товарища Крумера десятки специалистов еврейской национальности фирмы «Мебель» подали заявление об увольнении в связи с выездом на постоянное место жительства за границу.

На основании вышесказанного партком решил:

1. Считать Крумера Якова Борисовича дезорганизатором нашей партии и виновником массового выезда граждан в основном еврейской национальности из нашей страны за границу.

2. Просить администрацию объединения освободить Крумера Якова Борисовича от занимаемой должности и уволить с работы в связи с давно достигшего им пенсионного возраста.

На заседание Парткома объединения по вопросу исключения Крумера Якова Борисовича из рядов нашей славной Партии Крумер прийти не соизволил, а свой партийный билет самолично отнес в горком партии и кинул его в почтовый ящик.

Мы члены парткома и я лично как его секретарь признаемся, что просмотрели проникновения в наши ряды несознательных элементов и согласны за это упущение понести законное наказание вплоть до партийного выговора.

Секретарь парткома – Рябоконь А.Б.

Прочитав обе характеристики, Колодяжный вернул их Крумеру:

– Этими характеристиками, Яков, ты меня не удивил. В нашей стране мы живём в век диктатуры пролетариата. Как сказала нам наша коммунистическая партия, так и должно быть и не иначе. Правильно или неправильно, – это пока решать не нам смертным.

– Знаешь, Сергей, я сейчас в замешательстве. Я, Крумер Яков Борисович, отдав своей стране все свои силы, всю свою любовь и преданность стал ей уже совсем не нужен. Меня, давно достигшего пенсионного возраста, не попросили уйти на пенсию, как, я надеюсь, заслужил со всеми почестями, а просто выгнали за ненадобностью. В цех, в котором я проработал почти сорок лет, в который вложил все свои силы и который стал моим вторым домом, меня без пропуска уже не пускают.

– Яков, не рви себе и мне сердце, успокойся. Ты скоро уедешь к своим в Израиль, и, поверь мне, это не худший вариант для тебя. Ты, наконец, поймешь, что такое настоящая жизнь. Вот мне без тебя будет действительно несладко. С одной стороны мне на голову понемногу садится мой долбаный парторг, а с другой – ты уже знаешь сам, кого меня попросили назначить на твое место. Вот и думай, что мне делать. Назначить твоего Мишеньку и потерять передовой цех, или оставить свою работу и уйти, неизвестно куда.

Девятого мая, в честь Дня Победы, уже в Израиле, Яков Борисович ещё много раз ходил вместе с ветеранами на парад по главной улице Ашдода. А потом, после праздничного застолья, доставал из своей

заветной шкатулки свои правительственные награды, грамоты, фотографии и две характеристики, вспоминал и рассказывал присутствующим о далеко не самых худших днях своей жизни.

И ТАК БЫВАЕТ

С хорошей профессией найти работу, я считаю, нет проблем. Это так я сужу по себе. Я столяр. В своё время окончил ремесленное училище по специальности столяр-краснодеревщик, а потом двадцать лет проработал столяром на мебельной фабрике в бригаде по изготовлению стильной индивидуальной мебели.

Приехав в Израиль, мы решили жить на Севере. Там и погода очень похожа на нашу, уже бывшую, украинскую, и природа просто необыкновенная. Мне иногда казалось, что места красивее просто не бывает. Сняли мы небольшую квартиру, а рядом, совсем неподалёку, всего в получасе ходьбы, оказалась и небольшая мебельная фабрика, в которой всего десять работающих человек и в которой нужен был квалифицированный столяр. Меня сразу приняли на фабрику.

А через несколько лет хозяин фабрики по достоинству оценил мою работу и значительно увеличил мой заработок, подняв его до уровня ведущих старых специалистов.

Всё, кажется, сложилось совсем неплохо: и работа хорошая, и квартира рядом. Живи и радуйся! Так нет. Надумалось моим детям и жене купить новую квартиру, и нет, чтобы здесь же, на нашем севере. Так аж за двести километров от того места, где мы проживали уже почти десять лет, на Юге. В каком-то

Ашдоде. Дети и жена уговаривали меня, как могли, а я, как упрямый баран, долго сопротивлялся.

– Что вы придумали? – говорю я им. – Посмотрите, какая у нас здесь красота, и работа рядом, и, слава богу, есть в семье достаток, и машина, и хватает средств на все наши нужды.

А они мне:

– Мы хотим жить в большом красивом городе, в своей квартире, чтобы у каждого из нас была своя комната. Чтобы было недалеко от Тель-Авива, где можно учиться в университете, а потом найти работу по специальности. Да и, в конце концов, со всех сторон наш Израиль окружён тёплым морем, а ты, папа, целый год видишь его лишь на картинках. Все наши родственники давно уже купили квартиры в Ашдоде, и все нашли работу, и всем хватает средств платить ссуду банку за квартиру и купить мебель и все электротовары. Содержать машину и даже иногда позволять себе съездить отдохнуть за границу. И плюс ко всему этому, если захочется вечером пройтись у моря, подышать морским воздухом или искупаться, всегда пожалуйста, было бы только желание.

Сказать по правде, как бы они меня ни уговаривали, я всё равно уезжать никуда не хотел, так меня устраивала моя жизнь. Но что я один без своей семьи? Куда все – туда и я. В Ашдод так в Ашдод. И я стал упаковывать всё нажитое годами для переезда.

Ашдод поразил меня своей красотой, большими высотными домами, широкими проспектами, огромным парком с музыкальным фонтаном и, конечно, морем.

Кстати, мой хозяин, в отличие от меня, поддержал желание моей семьи купить квартиру в этом городе и, правда, без особой радости дал мне письмо об увольнении, при этом, пожав руку и поблагодарив за

хорошую работу, пожелал мне и моей семье всяческих благ на новом месте.

Дети и жена удивились порядочности моего старого начальника. В Израиль он приехал уже давно из Ирана, но к нам, новым репатриантам, относился намного лучше, человечнее, чем сами олим из бывшего Советского Союза относились друг к другу.

Мои дети узнали, что полгода я буду получать пособие по безработице и могу полгода не работать, учитывая мой возраст, то есть быть в отпуске.

Неделю мы всей семьёй не спеша расставляли мебель, вешали люстры, картины, а в коридоре развесили в рамках лучшие семейные фотографии. Так захотела моя жена. А в нашей семье, что захочет моя жена, всегда исполняется беспрекословно. Это никакая не прихоть, а дань уважения моя и наших детей к самому преданному члену нашей семьи, на котором держится абсолютно всё. И дружба, и благополучие, и порядок... А какие она делает праздничные застолья! Она во всех наших делах и начинаниях – наша Муза. Вот так.

Две недели знакомства с новым городом, море, телевизор и валяния часами с книгой на диване мне быстро надоели, да и пособие по безработице было далеко не таким, каким бы мне хотелось. И я стал искать работу. Очень скоро мне позвонили из агентства по набору рабочей силы и предложили работу на мебельной фабрике, всего полчаса езды от дома. Там требуется столяр со стажем работы по изготовлению кухонной и салонной мебели. Для подходящих есть подвозка, в обед желающим недорогое горячее питание.

И вот я с самого утра уже на новом месте. Хозяин фабрики русскоговорящий, пожав мне руку, сразу объяснил:

– Мне нужен хороший столяр просто позарез. Заказов много, а настоящих столяров мало. Недельку я к тебе присмотрю, и, если ты подойдёшь, будешь сразу самостоятельно работать. Зарплату я плачу в зависимости от квалификации и быстроты работы. И мне всё равно, сколько времени работает рабочий у меня на фабрике, две недели или десять лет. Есть и переработки по желанию, заставляя работать сверхурочно я не буду, а оплачиваю всегда строго по закону.

Он показал две полные папки с заказами, и мне просто не терпелось поскорее приступить к работе.

Хозяин подвёл меня к одному из ведущих специалистов и, сказав несколько слов обо мне, попросил его проверить меня в работе.

Моим проверяющим оказался здоровенный мужик лет пятидесяти, выходец из Бухары Нисим. Он сунул мне в руки передник:

– Одевай! – сказал он мне. – Будешь во всём меня слушаться и дружить со мной, я сделаю из тебя человека. И ещё запомни: курить в цеху нельзя. Разрешается курить в цеху только мне и хозяину. Понял?

– Да я курю чисто символически. Всего три-пять сигарет в день. Одну утром, одну вечером, одну после обеда и одну при встрече с друзьями.

– Молодец! – похвалил меня Нисим. – А мне в день иногда и двух пачек сигарет не хватает, – и, вздохнув, он раздавил ногой очередную недокуренную сигарету.

Пока я надевал фартук, он достал из кармана мобильник:

– Ой, заговорился я с тобой и забыл утром позвонить сыну. Алё, Мишка, ты? Ты позавтракал уже? Молодец! Не забудь закрыть дверь, когда пойдёшь в школу. – Он закрыл мобильник и стал расхваливать своего сына: – У меня очень самостоятельный парень. Хорошо учится, аккуратный, может в любое время, только скажи, сбежать в магазин за продуктами, сам без напоминания пропылесосить в доме ковры.

Закурив очередную сигарету, Нисим снова вспомнил обо мне:

– Так вот. Первая твоя работа – это снять верх с этого углового дивана. Завтра он должен быть уже обит новым материалом и выглядеть как новый. Уже к вечеру за ним должен приехать заказчик. А у меня почти неделю не доходят до него руки, много другой срочной работы. Значит, ты сейчас сдираешь с него верх, оставляешь только голый корпус и относишь его к обивщику. Понял? Тогда начинай работать. На сегодня можешь взять инструмент у меня, а завтра принесёшь на работу свой.

Я с удовольствием приступил к работе. А Нисим закурив очередную сигарету, стал навешивать на кухонные шкафы двери.

Через час весь в пыли, отковыривая стамеской подлокотник, я заметил между ним и уже дырявым протёртым верхом скрученные и уже серые от времени и пыли две бумажки по 50 шекелей. «Вот, – обрадовал я. – Всевышний за мою работу сразу меня и наградил первым заработком». Но не успел я порадоваться находке и стряхнуть с неё пыль, как ко мне подскочил Нисим и просто выхватил из моих рук деньги.

– Ну ты и гусь! – покачал он головой. – Только начал работать, а уже считаешь чужие деньги. Он сдул с денег пыль и положил их в свой кошелёк.

«Вот жлоб – подумал я. – Нет, чтобы поделиться, тем более не своими деньгами. Да ладно, чёрт с ним. Эти деньги, в конце концов, не мои и не мне достались».

После обеда я отнёс каркас дивана обивщику и стал подметать участок цеха, где работал.

– Всё, – убрав мусор, сказал я Нисиму, – работу закончил, давай мне новую.

Нисим осмотрел кругом свою территорию, закурил очередную сигарету и с хозяйской важностью сказал:

– И это ты считаешь, что хорошо всё убрал? А посмотри под столом, под верстаком, по углам. Там годами затрамбованный мусор.

Я вспыхнул:

– Это твой мусор! Так ты его и убирай. Я тебе, если ты хочешь, помогу.

– Посмотрите на него. Он и дня ещё не успел проработать, а уже командует мной, специалистом, проработавшим 15 лет в цеху. Так вот, дорогой мой, либо ты сейчас же сделаешь, что я тебе говорю, или снимай мой передник и иди искать себе новую работу.

Не знаю, чем бы закончился наш спор, если бы в это время к нам не подошёл хозяин. Нисим, увидев его, выхватил у меня из рук метёлку и, встав на колени, стал выгребать из-под рабочего стола годами залежалый мусор.

– Пришло время привести наш участок в порядок, – виновато улыбаясь, сказал Нисим. – А то, не дай бог, кто-то из посетителей может бросить на пол непотушенную сигарету.

– Нельзя так засорять своё рабочее место! – немного повысив голос, сказал хозяин и добавил: – Тебя, Нисим, давно уже следовало наказать за курение на рабочем месте. Когда к тебе ни заходишь, у тебя

всегда весь пол в окурках. Ещё раз увижу сигарету на полу, не обижайся, сразу уменьшу тебе зарплату. А сейчас заканчивайте уборку, слишком много у вас работы. К концу рабочего дня я к вам опять загляну посмотреть на ваше рабочее место. Это же надо развести такой бардак! Просто стыдно привести заказчика к вам на участок.

Через месяц я работал уже самостоятельно. Хозяин доверял мне самую сложную работу. Моё рабочее место находилось недалеко от рабочего места Нисима, почти напротив. Друзьями мы, конечно, ещё не стали, даже по утрам редко здоровались. В первые дни я каждое утро говорил ему «привет» или «доброе утро», но он на мои приветствия не реагировал. Иногда, правда, мог мотнуть мне головой. Но я из-за этого не очень переживал, так как уже знал его нелюбимость, надменность и отношение к вновь поступившим на работу, особенно к квалифицированным рабочим.

Однажды хозяин дал мне чертёж очень сложного полуовального замысловатого салона, и мы вместе с ним поехали к заказчику смотреть его зал. Зал действительно с одной стороны был полуовальный. Надо было сделать салон так, чтобы он вошёл в этот овал, кроме того, сверху салон должен быть украшен широкой профильной боковой планкой, а по краям массивные подлокотники, на концах которых должны красоваться полукруглые столики, чтобы с обеих сторон можно было поставить на блюдечке горячий кофе и пепельницу. Хозяева любили по вечерам смотреть телевизор, одновременно курить и наслаждаться горчим кофе.

Мы с хозяином начертили на картоне план салона. Назавтра я приступил уже к этой непростой работе. Хозяин подолгу стоял возле меня, смотрел, как я

работал, советовал, как лучше сделать тот или другой узел. К нужному сроку салон был готов. Получился он очень даже симпатичный. Заказчик был доволен, на следующее утро он приехал на фабрику и, пожав мне руку, в качестве вознаграждения вынул из своего кошелька двести шекелей. «Спасибо. Это тебе за хорошую работу», – сказал он. Не успел он выйти из цеха, как возле меня оказался Нисим.

– Что это за левые деньги на работе?! Ты за свою работу ведь получаешь зарплату. Я сейчас доложу о тебе нашему хозяину. Ну ты и гусь! Это же надо, за один день две зарплаты! Никогда бы не подумал, что ты, такой тихоня, обворовываешь своего хозяина. Если хочешь, чтобы всё было шито-крыто, чтобы он ничего не узнал, поделись своим наваром со мной. И я в виде исключения ничего никому о тебе не расскажу, – и, не дожидаясь моего решения, выхватил из моих рук все деньги и положил в свой кошелёк, а взамен протянул свои пятьдесят шекелей, добавив, что больше у него с собой нет, завтра принесёт мне ещё пятьдесят.

Я стоял перед Нисимом, от неожиданности раскрыв рот, и пару минут просто был не в силах прийти в себя от такой наглости. Наконец, я понял, что произошло, и выхватил из рук Нисима его кошелёк, и у нас началось потасовка. Он уложил меня на свой рабочий стол и стал вырывать из моих рук свой кошелёк.

– Отдай, зараза, мой кошелёк! – кричал он. – Иначе я тебе переломаю все кости.

На шум прибежал хозяин, разнял нас и, разобравшись, в чём дело, забрал мои двести шекелей, а нам пообещал, если когда-нибудь подобное повторится, выгонит нас обоих с фабрики без всякого письма и выходного пособия.

Я повертел указательным пальцем у своего виска, показав этим Нисиму, какой он идиот, и мы разошлись по своим рабочим местам.

После работы меня позвал в свой кабинет хозяин.

– Нисим такой человек, что с ним никто не может сработаться, – сказал он. – Его держу просто за его умелые руки. Нет, наверное, у нас такой работы, которую бы он не смог сделать. Ты с ним по пустякам не задирайся. А твои двести шекелей останутся у меня. Я не могу их тебе вернуть после вашей драки. А в качестве бонуса за твою хорошую работу я поставлю тебе дополнительно шесть часов переработки. Ну, как? По рукам? – протянул он мне свою руку.

– Конечно, – довольный таким исходом спора я с удовольствием пожал ему руку.

Думаете, на этом война у меня с Нисимом закончилась? Как бы не так. Каждый день, когда я работал в другом помещении на станках, Нисим подходил к моему столу и проверял мою работу, шлифовку деталей, канты, мерял метром размеры моих деталей, сверял с лежащими на моём столе чертежами. А однажды он подошёл и протянул мне свою руку.

– Всё, Григорий, мир. Хватит на меня дуться. Я вижу, ты столяр неплохой. И пришёл работать на фабрику не на один день и не на два. И, в конце концов, что нам между собой делить? Работаем мы по отдельности. Друг от друга не зависим. В общем, мир?

– Мир так мир, – как-то с недоверием согласился я.

– Давай, – предложил мне Нисим, – в честь нашего перемирия выпьем с тобой по сто грамм. У меня в шкафчике есть отличный армянский коньяк. А на закуску бутерброд с копчёной колбаской, – и даже не дожидаясь моего согласия, он налил больше половины

пластикового стаканчика коньяка и, сверху накрыв его кусочком хлеба с тремя ломтиками колбасы, насильно всунул мне в руку. – Пей на здоровье! Хозяина как раз сейчас нет на фабрике, он уехал куда-то по своим делам.

– А себе ты коньяк не наливаешь? – зная непредсказуемость Нисима и чувствуя сердцем очередную его хитрость, спросил я.

– А я всегда коньяк добавляю в кофе. Вот и сейчас совсем недавно пил такой кофе. А сегодня до вечера буду пить его ещё не раз и не два.

– Знаешь, я, пожалуй, за нашу дружбу выпью, но только перед обедом, а сейчас поставлю коньяк в холодильник, – прикинулся я дурачком, зная его настырный характер, и что он так просто от меня не отстанет. А перед обедом я найду момент и вылью коньяк в мусорный бак.

После обеда Нисим шёпотом спросил меня:

– Ну, как мой коньячок, Григорий?

– Класс! – ответил я. – Нежный, приятный, совсем никакого запаха изо рта уже полдня, и даже сейчас чувствую аромат и запах хорошего шоколада. Вот посмотри, – и я дыхнул Нисиму прямо в лицо.

Через час наш хозяин, вернувшийся на фабрику, попросил меня зайти к нему в кабинет.

– Садись. Вот тебе новый заказ кухни, – он положил чертежи передо мной. – Срок изготовления три недели. Пока заканчивай свою работу и одновременно просмотри новые чертежи и составь мне спецификацию, что и сколько тебе нужно материала и фурнитуры для изготовления этой кухни.

Пока хозяин объяснял мне особенности новой кухни, он всё время стоял у меня за спиной, тыча пальцем в чертёж через мою голову.

Вначале я принял его поведение за дружбу, даже панибратство, но потом догадался, что эту встречу организовал Нисим. Я прекрасно знаю, что такое трудовая дисциплина, и никогда, ни при каких обстоятельствах не стану пить креплённые напитки на работе, и мне стало очень обидно, что хозяин поверил Нисиму. По тому, как я посмотрел на него, хозяин сразу догадался, что я подумал о нём, и сказал:

– Ладно, Григорий, не обижайся, я для порядка на фабрике должен реагировать на все сигналы, поступающие и от моих клиентов, и от рабочих. Извини меня, бери чертежи и иди работать.

Только я вернулся к своему рабочему месту, как рядом со мной оказался и Нисим.

– И чего тебя вызывал наш хозяин? – нагло улыбаясь, спросил он.

– Да ничего особенного. Сказал, что мы с тобой своими интригами ему уже порядком надоели, и чтобы я передал свои чертежи тебе, а сам отправлялся домой. Он меня уволил за пьянку во время работы. Завтра приду получить расчёт. – И, увидев улыбающееся, счастливое лицо Нисима, добавил: – Ещё раз спасибо тебе за угощение, хотя я тебе говорил и уже ни раз, что я никогда ни под каким предлогом не стану пить на работе. Не могу понять только, чем я тебе так не угодил, что ты решил мне насолить, уговорил выпить и сразу доложил обо мне хозяину?

– Просто решил проверить, действительно ли ты непьющий, – со злорадством улыбнулся Нисим и добавил: – Я очень не люблю выскочек. Только поступил на работу, ни во что не ставит нас, старых специалистов, не слушает советов и указаний. Очень жаль, что мои старания оказались напрасными, и тебя не выгнали с работы.

Я так расстроился, что впервые за полгода работы на фабрике вышел из цеха на улицу и закурил.

Больше Нисим ко мне уже не приставал, наверное, нашёл кого-нибудь другого, более податливого.

Прошло какое-то время. Однажды Нисим работал на ленточнопильном станке, вырезал какие-то фигурные детали. Вначале он, как положено, левой рукой вырезал из доски детали, а правой придерживал заготовку специальным бруском. Потом отбросил брусок и стал вырезать заготовку уже двумя руками. Как и бывало раньше, он не удержался, закурил и стал в правой руке уже держать сигарету, а вырезать заготовку одной левой рукой. Правой рукой он через несколько секунд засовывал сигарету себе в рот, выпуская перед собой целое облако ядовитого дыма. Заготовки были небольшие и частенько выскальзывали из рук, он вовремя отводил от пилы свою руку, а потом опять начинал работать. Но нарушение правил техники безопасности наказывает и сверхумных и сверхграмотных специалистов. Так произошло и ним на этот раз. Рука в очередной раз сорвалась с заготовки и попала прямо под пилу, которая разрежала ему до половины в длину его указательный палец, к счастью, почти не задев кость. Из разрезанного пальца фонтаном брызнула кровь.

Рабочие, работавшие рядом с Нисимом, растерялись, не зная, чем можно ему помочь, а хозяина в цеху не было.

Я бросился к шкафчику первой помощи и, схватив бинт, подбежал к Нисиму и туго перевязал ему палец, а потом, чтобы остановить кровь перевязал всю кисть. Затем попросил у него ключи от его машины, сел за руль и повёз его в поликлинику. Хирург промыл палец и, наложив несколько швов, наложил повязку. Нисим

получил бюллетень сразу на целую неделю. Я отвёз его домой, по дороге узнав о себе такое, о чём раньше никогда и не догадывался. Оказалось, что я честный и порядочный человек, и он, Нисим, просит у меня прощение за все гадости и козни, которые каждый день делал мне.

Потом оказалось, что я совсем неплохой столяр, по крайней мере, не хуже его самого, и нашему хозяину просто повезло, что к нему пришёл такой специалист, к тому же не пьющий и почти не курящий. И что Нисим сам очень рад, что у него появился ещё один брат, на которого во всём можно положиться и для которого он готов сделать абсолютно всё, что ему будет надо, и что появившийся брат может во всём положиться на него.

Через три дня Нисим появился на фабрике, подошёл ко мне и протянул триста шекелей.

– Это тебе, брат, за недоработанный из-за меня день и за оказанную помощь.

– За такую услугу денег не беру, – ответил я и добавил: – Каждый в трудную минуту должен прийти товарищу на помощь. Без этого нельзя.

Через месяц у моей дочки должна была состояться свадьба. На это радостное событие решили пригласить родных и знакомых. Я написал приглашения и для всех рабочих нашей маленькой фабрики, кроме Нисима. Своим сказал, что его одного не хочу приглашать на свадьбу, уж слишком много плохого он сделал мне. Но жена не согласилась:

– Никогда плохим не отвечай на плохое. Добро всегда побеждает зло. Тем более что Нисим сейчас считает тебя своим вторым братом. Я верю, что он никогда больше никому не сделает ничего плохого.

Я подумал и, вздохнув, не спеша, печатными буквами стал подписывать очередное приглашение на свадьбу моей дочери – Нисиму и его жене.

МЕТАПЕЛЕТ

К двадцатой квартире на четвёртом этаже подошла женщина средних лет и смело нажала пальцем на кнопку звонка. Через минуту из-за двери раздался ворчливый голос:

– Иду, иду. Сколько можно звонить? Я ещё не глухая. – Дверь приоткрылась, и показалась в проёме довольно энергичная старушка, припудренная, накрашенная, на ходу причёсывая свои побелевшие от времени локоны, и грубовато спросила:– Документ? Откуда пришла? Что тебе надо?

– Здравствуйте. Вы – Дора Давыдовна? Я Ваша новая метапелет. Зовут меня Сорит. С сегодняшнего дня я буду по три часа помогать вам во всём и гулять с вами на улице.

– Ну, здравствуй, коль не шутишь, – подобрела старушка. – Спасибо тебе! Проходи в дом. Я в свои девяносто ещё прекрасно себя чувствую, но стала на склоне лет ужасно невнимательной. Могу на ровном месте иногда споткнуться. Тяжеловато стало и везти коляску с продуктами из магазина. А во всём остальном я даже ещё ничего: сама себе с мужем готовлю еду, каждый день протираю влажной тряпкой пол, а по вечерам звоню друзьям, детям и внукам по телефону, интересуюсь, как у них прошёл день. А каждый шабат у нас с мужем настоящий праздник! Приезжают к нам наши дети с внуками. Я заказываю обычно две пиццы и делаю свои фирменные пирожки с

ливером. Конечно, я в состоянии сделать и с мясом, но с ливером и дешевле, и вкуснее. Дети и внуки их просто обожают!

– А я – вздохнула Сарит, – готовлю самую простую еду, а к шабату покупаю полуфабрикаты. Они быстро готовятся и очень даже ничего на вкус.

– А ты, девонька, попробуй мои пирожки! Они, мне кажется, очень даже ничего. Я их сегодня напекла целое море, как на Маланьину свадьбу. Сегодня к нам придут мои подруги поздравить нас с юбилеем. С каким? Конечно, не с Днём рождения. Дни рождения в моём возрасте уже не отмечают. Да сколько их у меня осталось? Одному Богу известно... А вот тот первый мой поцелуй с моим капитаном и тот последний для нас бой навсегда останется в памяти. И я его отмечаю каждый год! А мой капитан сейчас пошёл в магазин за коньяком. Грех не выпить в такой день по пятьдесят грамм. Предлагали ему уже сто раз дать квалифицированную метапелет, а он ни в какую: «Спасибо! Не надо! У меня есть одна помощница (ты догадалась – это я) и других мне больше не надо». Он у меня, как кремень, и ни от кого помощь для себя не примет. Я тоже вначале думала отказаться, а потом подумала, раз государство бесплатно предлагает мне помощь, почему я должна отказываться? Ну и как на вкус мои пирожки? Правда, просто объедение! Бери ещё один, бери, бери! Я от тебя не отстану, пока ты второй не съешь!

– Спасибо! Я не могу – от лишней еды меня всегда тошнит, – скривилась Сорит.

– Ешь, если не хочешь в первый рабочий день со мною поругаться, – шутя, надула щёки Дора Давыдовна. – Если хочешь, я научу тебя, как их делать. Это очень просто.

– Ой, что вы! Это для меня очень сложно, это не для моих двух левых рук! – повертела свои руки Сорит.

– Слушай, дорогая моя! – Дора Давыдовна любя сжала ладошки Сорит. – Если Бог дал человеку руки и голову, то с его помощью и немножко с моей можно научить их делать что угодно. А сейчас садись со мною рядом, моя девонька, и рассказывай, почему у тебя такой кислый вид, почему похрамываешь, почему глаза у тебя какие-то испуганные, почему без маникюра, губы почему не накрашены и вид у тебя такой, как будто мы с тобою ровесницы? Рассказывай мне, Сорит, рассказывай, какие такие мировые глобальные проблемы легли на твои хрупкие плечи?

– Никаких глобальных проблем у меня, Дора Давыдовна, вроде, и нет.... Просто я стала по жизни какой-то невезучей, всё у меня стало падать из рук, стало всё получаться не так, как надо – всё всегда верх тормашками.

Две недели тому назад едем мы с мужем к друзьям в Кирьят Гат. Настроение хорошее. Мы с мужем смеёмся, болтаем обо всём на свете. И вдруг – на тебе! Впереди ехавшая машина резко затормозила! Мой Сёма с разгону чуть не врезался в неё, а машина, ехавшая за нами, тоже резко тормозит. Выскакивает из неё шофёр и с руганью набрасывается на нас! После этой поездки у меня пропал сон и аппетит. Чтобы я не взяла в рот, через пять минут хочется вырвать. А ночью я по пять раз просыпаюсь, а потом не могу уснуть... И это, Дора Давыдовна, далеко не все мои неприятности.

Сын надумал жениться. Я ему говорю: «Тебе же всего 25! Не спеши! Ещё минимум два-три года можешь погулять». А он мне: «Мамулик! (Это так он меня называет, когда ему что-то надо.) Второй такой

хорошей девушки, как у меня, а Израиле не найдёшь!» – и подсовывает мне лист предполагаемых расходов на свадьбу. Взглянула я, Дора Давыдовна, на этот лист, и у меня снова закружилась голова, и стало болеть даже то, о чём я не подозревала, что это у меня есть. Этот листок у меня в сумочке. Вот послушайте. На свадьбу с обеих сторон, включая родных, соседей, друзей, знакомых по работе хотят пригласить 250 человек! Свадебное платье невесты – 20000 шекелей, оркестр – 14000 шекелей, меню на одного человека – 250 шекелей. Далее – цветы, свадебные машины, кольца, фотограф... и в конце – свадебное путешествие по Испании! А итог я просто не хочу и зачитывать... А сын мне говорит: «Мамулик, давай подумаем, что у нас есть в банке, что мы сможем одолжить и у кого, и какую вам с папой придётся взять для нас ссуду в банке».

Сию я такая расстроенная на кухне, готовлю обед. А тут («на моё счастье»!) – холодильник перестал морозить, стиральная машина стала реветь, как самолёт на взлёте. От всего этого я сажусь на диван и хватаюсь руками за свою голову. А когда мне становится капельку лучше, я достаю из сумочки листок сына с итоговыми шестизначными числами, и мне снова становится плохо, и опять мне не хватает воздуха, а в моих ушах звучит успокаивающий голос сына: «Мамуль, не переживай! Деньги нам потребуются не сегодня и не завтра, а минимум, через полгода. У вас ещё есть время!»

А вечером не накрашенная, с перевязанной головой, сижу перед мужем и рассказываю ему о предстоящей свадьбе сына, о холодильнике, о стиральной машине. Муж слушает меня с большим вниманием и одновременно с аппетитом наворачивает свой ужин. Покончив с едой, он потянулся за сигаретой

и говорит мне: «Дорогая, я работаю на тяжёлой работе по 12 часов в день, каждый месяц приношу тебе довольно приличную зарплату. Прошу тебя, сделай так, чтобы домашние проблемы решались без меня. Мне после работы нужен отдых: это – диван, телевизор и кровать. И в будние дни ни чем не дури мне голову».

– Дорогая Сорит, – Дора Давыдовна обняла метелет за плечи, – твои проблемы – это всё временное явление. В каждой семье, у каждого человека периодически они появляются, а потом испаряются. Решаться и твои проблемы. Вот придёт ко мне моя фронтовая подруга, и мы расскажем ей о твоих проблемах. И ты увидишь, как быстро и просто их можно решить. А сейчас помоги мне приготовить пару салатов для гостей и красиво нарежь сыр, колбасу и солёные огурчики. Что-то я сегодня немного перетрудилась. – И они взялись за дело.

Помолчали.

– Смотрю я на тебя, Сорит, – снова заговорила Дора Давыдовна, – и вижу перед собой молодую женщину с красивыми чертами лица, с красивыми раскосыми глазами, с пышными кудрями, с прекрасной фигурой. И вместе с тем передо мной самый несчастный человек на свете! Даже у меня с моими подругами-фронтовиками, доживших до глубоких седин, которым почти под 90 лет, оптимизма и здоровых эмоций побольше, чем у тебя. Действительно, столько расстройств и переживаний выпало на тебя за прошедший месяц... Да, тебе не позавидуешь! Столько проблем и – все сразу! И все, на твой взгляд, неразрешимые.

А теперь я расскажу тебе о себе. В 1941 году мы с подружкой, обе из обеспеченных семей, неизбалованные, ни разу не целованные, в семнадцать с половиной

лет убежали добровольцами на фронт. Что нам пришлось пережить – врагу не пожелаешь! По несколько раз в день бомбёжки! Сотни раненых! Мы мечтали лишь об одном – выжить, и хоть когда-нибудь выспаться... А девки мы были красивые, и фигурки у нас были – не чета девицам, у которых рот не закрывается. И влюбился в меня в санчасти один молодой капитан лётчик. Правда, вначале он мне не говорил о своих чувствах. Но мне об этом и говорить не надо было. Всё это я видела и без слов: повсюду он ходил за мной и никого из выздоравливающих близко ко мне не подпускал. А я что? Все мужики в медсанбате липли ко мне, а у меня в голове только ветер и тот самый капитан лётчик. Да и как могло быть иначе? Лётчик весь в орденах, высокий, широкоплечий, голубые глаза, густые кудрявые волосы... Помню как сейчас тот день 11 мая 1943 года! Наш медсанбат попал под обстрел. Представляешь – мы, медсёстры во дворе, а вокруг падают снаряды, кругом воронки от снарядов, раненые кричат! Все живые лежат в окопах, а я одна стою среди этого кошмара во весь рост! «Всё, – думаю, – Дорка-помидорка! Вот и закончилась твоя жизнь в неполные 19 лет... Так и не успела ты толком ни с кем поцеловаться, не успела оставить после себя потомство. Да, – думаю, – даже некому будет вспомнить, что жила на свете такая девушка по имени Дорит!» И так мне жалко себя стало! Хотелось разреветься по-простому, по-бабьи, а слёз нет, хотелось закричать громко-громко, а рот слипся от летящей грязи и нельзя его открыть...

И тут подбежал ко мне капитан: «Ложись, дурёха!» – и силой уложил меня на землю, а сам прикрыл меня своим телом. А я обхватила его за шею и стала жадно целовать, будто прощаясь. А мой капитан тоже стал

обжигать меня своими страстными поцелуями. И страх у меня пропал, и перестала я бояться этого артобстрела.

– А что было потом? – не выдержала и спросила у Доры Давыдовны Сорит, забыв, для чего у неё в одной руке нож, а в другой огурец.

– А потом подошли наши части, и где-то вдали от нас завязался бой. И ранило снова в том бою моего капитана в живот, и мне зацепило осколком ногу. А потом отправили меня с моим капитаном на Большую землю в госпиталь на лечение. Через 9 месяцев у меня родилась дочь. А ещё через год закончилась война. Мой капитан женился на мне, и живём мы с ним уже почти 70 лет душа в душу. И моя лучшая подружка тоже в госпитале подцепила себе офицера, правда, уже не лётчика, а танкиста. И сумела к концу войны со своим танкистом сумела обзавестись полноценной семьёй с двумя сыновьями. Только недолго длилось её семейное счастье. От полученных ранений скончался её танкист, оставив её одну с двумя детьми. А моя подруга так во второй раз и не вышла замуж, сама вырастила двух красавцев-сыночек. Она и работала, и училась, и детей на ноги поставила. И откуда у нашего поколения хватило сил на всё?! Сейчас она заслуженный врач, давно уже на пенсии, но двери её дома для всех всегда нараспашку. Десятки людей приходят к ней за медицинской помощью, а многие и просто за житейским советом. Я думаю, что она со своим жизненным опытом быстро и тебя поставит на ноги.

Через несколько дней состоялась встреча двух ветеранов – Доры Давыдовны и её подруги – с Сорит.

– Садись, Сорит, с нами рядом на диван. Нам надо с тобой кое о чём поговорить! – пригласила подруга Доры Давыдовны, стройная, подтянутая, довольно моложавая на вид женщина.

– А у меня на сегодня запланирована уборка. Нельзя ли перенести разговор на другое время?

– Садись, садись! – властно и вместе с тем с улыбкой пригласила женщина. – На сегодня уборка не отменяется, а просто откладывается, – успокоила она Сорит. – Когда мы вдвоём с подругой, нам любая работа нипочём – что генеральная уборка, что приготовление экзотических блюд, что перестановка мебели! Не волнуйся! Мы всё успеем сделать... Итак, я ознакомилась с твоей болезнью. Что могу сказать? Она не смертельна. Особенно для дома, для семьи. Правда, и не желательна. Поверь, дорогая ты моя, очень тяжело и неприятно каждый день видеть одного и того же тучного, болезненного, постоянно всем недовольного человека, особенно когда это – молодая женщина. Сколько тебе лет?

– Уже 45... – вздохнула Сорит.

– 45... – покачала головой гостя. – Для женщины это – золотой возраст, а ты ещё вздыхаешь! Дети выросли, есть муж, квартира и даже машина, а впереди ещё чёрт знает сколько времени – живи и радуйся! Короче, вот тебе ручка, бери лист бумаги и записывай! Я приписываю тебе следующее лечение.

Первое. Это – внешний вид. Как это молодая интересная женщина идёт на работу не накрашенная, по-простому одетая, тучная, всегда чем-то обиженная, с кислой физиономией? Какому работодателю такая нужна? Молодая женщина должна выглядеть так, чтобы все мужчины при встрече с ней пялили на неё глаза. А ты не опускай перед ними голову, улыбайся и

проходи с гордо поднятой головой. Ты должна знать, что совсем не дурна собой и для многих мужчин ещё являешься лакомым кусочком! Но для этого ты каждый день должна создавать себе хорошее настроение. Что для этого нужно? Утром быстро встать с постели, умыться и бегом к зеркалу! А возле зеркала на столике должно находиться божество, делающее тебя не отразимой: духи от Шанель, кремы и косметика фирмы «Ланком» или «Сисли». И вот, наконец, ты выходишь из дома, нарядная, красивая. А улыбка с твоего лица не должна сходить, даже если ты чем-то недовольна, если у тебя отвратительное настроение или даже если ты обувью натерла себе ноги.

Второе. Ни с кем никогда не делись своими обидами, не говори о своей усталости, о неудачах, о болезнях. Это всё твоё, сугубо личное, с которыми справиться должна только ты сама. Ты должна делиться с подругами, со знакомыми только радостью, успехами детей, благосостоянием семьи. — «Сын окончил ВУЗ. У дочери через неделю выставка картин... Мы купили новый автомобиль... Мама после больницы прекрасно себя чувствует... Мы с мужем под старость лет ждём прибавления в семье».

И третье, которое у тебя должно быть — первое. В срочном порядке начать ходить в хедер-кошер! На занятиях сначала становись сзади всех, пока не научишься с улыбкой и с хорошим настроением делать все упражнения. В свободное от тренировок время ходи в свой парк возле дома, занимайся на спортивных тренажёрах. Заниматься нужно только на самых лёгких и не переутомляться. Перед сном каждый день делай прогулки минимум по 20 минут и в качестве лекарства на выбор выпей 20 грамм коньячку или 30 грамм марочного вина.

Кушай только то, что тебе нравится, и в малых количествах. Сладости типа тортов, пирожного, мороженого, конфет есть только раз в неделю и в таких незначительных дозах, чтобы просто забыть их вкус. Всё понятно?

А сейчас верни мне мою ручку, а рецепт положи себе в сумочку и дома выучи его наизусть. И мы все втроём приступаем к генеральной уборке. На спичках гадаем, кому какая достанется комната.

– Вот видишь, Сорит, кто из нас по-настоящему невезуч! Мне досталась кухня и вагон немытой посуды, а тебе – спальня, в которой нужно только протереть пол влажной тряпкой.

Через месяц Сорит снова встретила с подругой Доры Давыдовны. Женщины сидели на диване и, подмигнув метапелет, Дора Давыдовна задала ей вопрос:

– Ну, Сорит, хвались перед нами своими успехами! Надеемся, ты уже полностью здорова?

– Да, да! Спасибо за совет! Во-первых, в хедеркошер у меня появились новые подруги, и некоторые из них с аналогичным диагнозом. А когда я стала каждый день по несколько раз крутиться перед зеркалом и накупила себе вагон новой одежды, муж на меня сначала косо смотрел, злился, а потом стал так смотреть на меня, с такой нежностью и любовью (это я видела по его глазам!), как, простите меня за откровенность, перед нашей первой брачной ночью. «Ты у меня, – говорит он, – такая красивая, как и 26 лет назад, и я сгораю, как и в молодости, от любви к тебе!» Вечером он уже не засыпает, как убитый, а ждёт меня. «Ну, что ты возишься на своей кухне! Я без тебя не могу уснуть!». Утром я просыпаюсь, а он уже не спит, гладит мои волосы и влюблено на меня смотрит.

А все домашние хозяйственные заботы переложил с моих рук на свои мужские плечи, жертвуя даже иногда своими рабочими днями.

А что сын? Мы с ним помирились. Бегал он, бегал со своими подсчётами, разговорами о необыкновенной свадьбе, а потом опустился, наконец, на своё мягкое место и успокоился. Свадьбу общими усилиями сделали всего на 40 человек. В этот список попали все родные, друзья и даже соседи. Цветов было море – почти все пришли с цветами. А к кафе, где состоялась свадьба, молодые приехали на нашей машине. Друзья сына и невестки так красиво украсили её, что я засомневалась, что у английской королевы в день бракосочетания выглядела наряднее. Невесту еле уговорили надеть свадебное платье её подруги. Все гости были просто без ума от этого наряда – так оно смотрелось на невесте в сочетании с ожерельем и серёжками из кораллов. Свадьба была очень весёлая! Все гости остались довольными.

Спасибо вам, дорогие мои оптимистки! Благодаря вам я поняла по настоящему, что такое жизнь и как её сделать прекрасной.

НОВЕЛЛЫ

РОЗЫ

– Так ты говоришь, твоя Златка перестала чувствовать в тебе мужчину? Говорит, раз в месяц позаниматься любовью для тебя и так достаточно? Ой, не могу! Ха-ха-ха! Извини меня, друг, за мой смех. Упаси Бог, я не смеюсь над твоим горем. Просто что-то похожее было до недавнего времени и со мной. Вот послушай.

Моя Ханочка – здоровья ей на долгие годы! – мне говорила то же самое. «Хаимке, для тебя достаточно и раз в месяц, в маскорет. Лучше отдыхай!» А когда я начинаю ночью к ней приставать, она мне устраивает целый концерт: «Хаим, не приставай!» А потом – «Хаим, ты живёшь, как Ротшильд, на широкую ногу. Вчера взял пятьдесят шекелей – пообедал, купил себе пиво, сигареты. Сегодня взял сто шекелей на футбол, купил себе опять пиво. Говоришь, что за футбол без пива? Знаешь, Хаимке, хватит тратить наши деньги. Возьми себе свои деньги и мои и сам веди хозяйство, плати машканту, за машину, покупай продукты».

И это, друг мой, только прелюдия. А потом: «Все мужчины как мужчины, все тянут в дом, а ты, как пьяница, все из дому. И почему я не послушалась свою маму и вышла замуж за такого дурака?»

От таких нежностей я забываю, что от неё хотел, и отворачиваюсь лицом к стенке. А Хана всё не может успокоиться: «Хаим, перестань храпеть! Я с работы, я устала, я хочу спать».

Накрываю подушкой голову и жду не дождусь, пока окончится эта проклятая ночь.

Вначале я всё терпел, терпел, потом начал хитрить. Договорился с балабаем получку разделить на два раза. Это уже кое-что. Бейт-авру я хотел разделить на три части, но Ханочка поставила ультиматум: «Хочешь, тогда принеси все деньги!» Пришлось всё отдать: что не сделаешь ради любви. Ох, уж эти женщины! Даже родная жена мужу – и то за деньги. А неделю тому назад иду домой с работы, как всегда, без настроения, злой. До получки далеко, ругаться с Ханочкой не хочется, а по дороге очередь – цветы продают перед шабатом, да так дёшево, что не поверишь: три розы на пять шекелей. У меня в кармане было пятнадцать шекелей. Подумал я: на ночь, чтобы переспать с Ханочкой, маловато, а на обед завтра Ханочка опять даст 10 шекелей, а купить цветы для очередного скандала – даже не плохо. Пусть поспихует: «Опять деньги швыряешь направо и налево. Ротшильд с дырявыми карманами!» После такого концерта, подумал я, со спокойной душой лягу спать, повернувшись лицом к стенке, зная заранее, что на этот раз опять у нас ничего не получится.

Таки купил я на свои 15 шекелей девять роз. Продавец сделал мне из них красивый букет, украсил зелёными веточками и завернул в целлофан.

Поставил дома я этот букет в вазу, а сам сел в кресло и включил телевизор. Вскоре пришла с работы Ханочка и с порога сразу же набросилась на меня, как овчарка: «Хаим, что ты за человек?! Нет в тебе ни

совести, ни элементарного уважения к моему домашнему труду. В грязных туфлях пошёл прямо на ковёр. Чтоб ты провалился, прежде чем я узнала тебя. У всех моих подруг мужья как мужья, а мне достался какой-то лэмэх. Что, сил не хватило снять грязные туфли в прихожей?..»

Но тут она увидела цветы и остолбенела: «Ой, мои любимые розочки! И так много! Спасибо тебе, Хаимчик!» – и чмокнула меня в щёку. А потом: «Хаимчик, сердце моё! Надень тапочки и садись за стол обедать. Ты ведь с работы, устал». И достаёт из холодильника, что ты думаешь, моё любимое баварское пиво. А кроме него, ты не поверишь, все деликатесы, что хранились в холодильнике для гостей, оказались на столе.

От неожиданности я проглотил язык и, заикаясь, предложил ей отложить свои домашние дела и сесть со мной обедать. А ночью у меня был один из дней медового месяца.

Хозяин обещал мне в следующем месяце добавить к зарплате. Вот я и не знаю теперь, что делать: сказать об этом Ханочке или пустить свою надбавку на цветы?!

МОШКА

Начальник сбыта Хаим Хоперайцев посматривал на часы. Рабочий день заканчивался. Ещё пару минут, и все сотрудники отдела разбегутся по домам, а он с флаконом французских духов пойдет на свидание к секретарше начальника – Гиле. Дружат они давно, но встречаются не часто: всё ждут удобного случая. Нельзя же из-за минутной встречи опозорить имя порядочного семьянина.

И тут к нему в ухо влетела мошка. Да-да, такая махонькая, с крылышками и шестью лапками. Или она лично решила поблагодарить начальника сбыта за крошки сэндвича, оставленного на столе, или ещё за что, не знаю. Оставим это для истории, но гостя явно чем-то не понравилась Хоперайцеву. Он решил пальцем выдворить из своего уха непрошеную посетительницу, но та в ответ с такой яростью жужжала, что Хаим подумал, что у него треснула голова. А когда эта букашечка стала усердно перебирать лапками, стараясь убежать от пальца Хоперайцева к барабанной перепонке, он понял, что это у него уже начались предсмертные судороги. Голова свалилась на бок, лоб покрылся маленькими капельками пота, а из глаз посыпались искры, даже пропал голос. То есть не совсем пропал, полушёпотом говорить можно было, чуть громче... О, майн гот! – мушка с таким рвением начина-ла перебирать лапками и с такой силой жужжать, что Хоперайцеву казалось – остатки жизни исчисляются уже не часами, а минутами.

Вспомнил недавний сон: его покойная тёща звала к себе, обижалась, что редко приходит.

Хаим с трудом уселся в кресло, на ощупь достал из ящика листок бумаги и взял ручку. Писать было не возможно. Он отодвинул лист бумаги почти на край стола и, ещё больше наклонив голову, почти вытянутой рукой стал медленно писать свои последние строчки в этой жизни.

«Дорогая, несравненная моя Сорочка!

Вот и кончается моя жизнь на этом свете. Вчера я рассказал тебе свой сон, что твоя мамочка звала меня к себе в гости, и ты над ним весело посмеялась, а сегодня

твоя хорошая мамочка уже прислала за мной гонцов с того света.

Сорочка! Перестань плакать и вытри свои глаза. Для тебя это ещё не конец света.

Дорогая Сорочка! В банке получишь за меня кругленькую сумму, которую я насобирал в тайне от тебя на чёрный день. Купи себе сразу же – это моё последнее желание! – хорошие выходные туфельки на высоком каблуке и французские духи. Ты всю свою жизнь мечтала об этом, и, к моему большому стыду, такая мелочь так и осталась для тебя мечтой.

Несравненная моя Сорочка! Каждый год перед отпуском ты говорила мне: «Хаимке, кормилец ты наш, тебе срочно нужно отдохнуть. Посмотри не себя в зеркало. Лицо в морщинах, а живот как у спортсмена – совсем без жировой прослойки. Срочно езжай в санаторий, на лучший курорт, не жалея для своего здоровья денег, а, возвращаясь, забывал, как всегда, купить тебе, моя радость, и нашим деткам даже сладостей. Зато ты к моему возвращению устраивала целый праздник и готовила такой обед, который не подадут ни в одном ресторане. И я давал себе клятву – в следующий раз обязательно взять тебя с собой за границу, на курорт.

Сорочка, можешь верить сегодня каждому моему слову. Ведь в свой последний час я перед тобой, как на исповеди перед Богом.

Помнишь в прошлом месяце каштановые волосы на моём пиджаке? Я тебе ещё говорил, что мой пиджак весел в общем гардеробе. Это были волосы от парика нашей секретарши Гилы. Да-да, той самой, с большими губами и китайскими глазами. Это всё было у балабая на дне рождения. Кстати, тогда он пригласил к себе нас двоих, а я, грешная моя душа, пошёл один.

Сорочка, родная, видела бы ты её утром, без длинных ресниц, баз парика, баз помады, без роскошного белья, – настоящее чучело! И я, – О, горе на мою поседевшую голову! – променял в ту ночь тебя, моя красавица, на эту Бабу Ягу. В тот же день я сказал себе: Хаим, всё, смотри, чтобы это было в последний раз.

Сорочка, верь мне. Я ведь перед тобой как на исповеди.

Сорочка, солнышко ты моё ненаглядное! Поцелуй за меня наших милых деточек, и пусть Ханочка не сходит с ума со своим замужеством. В моём рабочем сейфе хватит денег ей на свадьбу и на трёхкомнатную квартиру.

В моём сейфе уже два года лежит прекрасное кольцо с изумрудами – предсмертный подарок моей мамы для тебя. Она мне всегда говорила: «Хаимке, и как тебе, такому распутному, в жизни только повезло! Прекрасная жена, хорошие дети, а ты всё летаешь в облаках и ищешь на свой зад приключения».

О, Сорочка, мать моих детей и моя верная спутница! Ты всегда прощала мне мои маленькие шалости, а твоя доброта и нежность заставляли меня всю жизнь считать себя идиотом. Родная моя, если бы меня спросили про моё последнее желание, я бы, не задумываясь, сказал: надеть своими руками это божественное кольцо на твою нежную шейку.

Прощай, моя ненаглядная! Береги себя и наших деток!»

Хаим положил ручку и закрыл глаза.

«Как я буду жить в аду? – вздохнул он. – Если здесь, ещё на земле, в эти последние минуты моей жизни какая-то махонькая мошка уже делает надо мной, что хочет, а там ведь профессионалы!»

Его мрачные мысли прервал телефонный звонок. От неожиданности Хоперайцев вскочил и резко дернул головой и... почувствовал облегчение и отдалённое жужжание. Он залез пальцем в ухо и вытащил из него непрошеную гостью. Несколько секунд он испуганно смотрел на лежащую на ладони мошку, которая еле перебирала лапками, безуспешно стараясь перевернуться на ножки. Наконец, схватил трубку.

– Алло, Хоперайцев слушает. А, это ты, Сорочка, что ты говоришь? К нам пришли родители нашего будущего зятя просить руки нашей дочери? Что ты говоришь? Что ты говоришь! Да-да, я очень счастлив твоим сообщением и прямо сейчас бегу домой. И знаешь, дорогая, мой балабай это событие просто предчувствовал и даже сегодня отменил совещание.

Хаим прижал телефонную трубку плечом к уху и взял в руки написанную исповедь. Быстро просмотрев её, он улыбнулся сам себе и, разорвав её в клочья, швырнул в урну.

– Сорочка, ты меня ещё слушаешь? Тогда ещё одну минуту внимания и ты можешь идти к нашим гостям. Сорочка, я долгие годы мечтал своими руками когда-нибудь надеть на твою прекрасную шейку золотое кольцо с изумрудами. Я втайне от тебя долгие годы всё копил и копил деньги, и вот, наконец, это кольцо у меня в руках. Представляешь, что подумают о нас родители нашего будущего зятя, когда увидят, как я надеваю тебе на шею это прекрасное кольцо!

– Спасибо, дорогой! – услышал он в трубке.

– Всё. До встречи!

Хоперайцев положил в дипломат кольцо и направился к двери, но вдруг остановился, и, возвратившись, выдвинул верхний ящик стола. Достав оттуда французские духи и шампанское, он тщательно

уложил их в тот же дипломат и с улыбкой вышел из кабинета.

Садясь в свою машину, он набрал мобильный номер секретарши.

– Гилочка, рыбонька моя! Мне жаль, но наша встреча по серьёзным причинам отменяется до завтра. При встрече всё расскажу. Ой, не дождусь, наверное, я до завтра. Не понимаю, как другие ждут! Всё. Целую. Привет.

Хаим посмотрел на себя в зеркало, поправил галстук и включил мотор.

ШУК «КАРМЭЛЬ»

Знаете, что такое тель-авивский «Кармэль»?

– Это огромный выбор товаров для дома, начиная с одежды, домашней утвари и кончая продуктами питания. В общем, всем тем, что нужно нам в дом и к нашему столу. Шук (базар) «Кармэль» – это неисчерпаемый источник юмора, и, пожалуй, очень непросто пройти по нему, чему-то не улыбнувшись, а уйти с базара с пустыми руками – просто невозможно.

Давайте ещё раз вместе пройдемся по знаменитому шуку «Кармэль».

– Импортные куртки из Дании и Германии. Последние модели, цены чисто символические. Для хорошего покупателя могу скинуть десять – пятнадцать шекелей. За какую цену я их купил, за такую и продаю.

– Послушай, так что же ты имеешь от такой перепродажи?

– Что я имею? Только удовольствие, что кому-то чем-то удружил. Сегодня я удружил тебе, завтра ты удружишь мне. А как иначе?

– Девушка, девушка! Да-да, ты, с маленькой девочкой. Купи у меня для дочки импортное платье по дешёвке.

– Платье действительно неплохое. А откуда у тебя импортные вещи?

– Как откуда? Из Реховота. У нас в Реховоте шьют только импортные вещи.

– Эй ты, парень, в полосатой тенниске. Да-да, ты! Купи для жены полоуборочную машину. Последний крик техники. Да ты только посмотри на неё. Окунаешь палку со специальным приспособлением в воду, выжимаешь при помощи этой ручки из губки лишнюю воду и поехали. Машина сама моет полы, твоей жене нужно только мазать руками и крутить бёдрами. А, ты ещё не женат! Жалко, такой товар простаивает.

– Папаша, сколько можно щупать арбузы? Ну полчаса для удовольствия и хватит! Дай пощупать другому. Понимаю: тебе нужно пару хороших арбузов для гостей. Очень хорошо. Тогда ищи самый плохой. Найдёшь – даю тебе в придачу два самых хороших.

– Русалочка моя ты ненаглядная, что, икры захотела? Для тебя у меня всё есть. Тебе сколько? 200 граммов. Пожалуйста. А какой тебе: русской, канадской, американской? Канадской? Можно и канадской. Спрашиваешь, почему всем я набираю с одной банки? Отвечаю: икра – это продукты совместного производства. Русские ловят рыбу,

канадцы её потрошат, достают икру, солят и упаковывают в банки, а американцы нам её привозят. Пожалуйста, кушай на здоровье!

– Мужчина, никак не можешь выбрать яблоки? Все хорошие, глаза разбегаются? Ищешь самые-самые? Да тебя в книгу рекордов Гиннеса. Полжизни прожил, а в яблоках не разбираешься? Объясняю только для тебя: самые хорошие яблоки – это помятые и червивые. Червь не человек, он плохое есть не станет. Мало того, что червивые и помятые – самые хорошие, так и цена на них – чисто символическая.

– Лук! Укроп! Петрушка! Чеснок! Посмотрите мой товар. Какая прелесть! Съешь перед сном пару зубчиков моего чеснока – утром встаешь без лишнего холестерина. В жилах кипит кровь, чувствуешь избыток адреналина. Хочется, как никогда, жить, любить, творить! Скажу всем по секрету, во вторник я слышал по радио, что сам президент перед совещанием съедал зубчик моего чеснока.

– Сухофрукты! Печенье! Сладости!

Мальчик, да, ты, подойди ко мне, дам конфетку. Мальчик, послушай, а эта красивая дама рядом – твоя мама? Вот умница. Такую красивую маму имеешь. Я бы тоже такую красивую маму иметь хотел.

– Дяденька, а можно для моей мамы тоже конфетку?

– Можно. Обязательно можно!

– Дяденька, а моим двум сестричкам?

– Так у тебя ещё и сестрички есть? Ой, как некрасиво попрошайничать, мальчик. Проходи, не мешай торговать.

– Рыба, свежая рыба! Что смотришь? Покупай! Да ты только посмотри, какими глазами она на тебя смотрит, рот раскрывает – с тобой разговаривает. Денег тебе жалко? А может, ты так знаешь иврит, что даже рыбу не понимаешь? Тогда проходи, не мешай торговать! Покупай рыбу в магазине дешёвую, мороженую и глухонемую.

– Яйца, свежие яйца! Ты только потрогай, потрогай! Видишь, какие горячие! Час назад их снесла курица, и я прямо из-под неё принес их на базар. Ты спрашиваешь, по сколько раз в день мои куры несут яйца? Всё зависит от спроса. Сколько я их попрошу, столько они и снесут. Есть спрос, есть свежие яйца. Нет спроса и в субботу – куры отдыхают.

– Виноград, виноград! Сладкий, как мёд. Хаим никогда не врёт. Покупай, дорогой! А-а-а, ты любишь немного кисловатый. Так тебе сегодня просто повезло. Ведь у меня виноград сегодня такой сладкий, что даже немного кислый.

Мы уходим с базара в хорошем настроении и с нужными покупками. И никакие происки врагов, никакие теракты не заставят нас сменить наш привычный образ жизни. Мы знаем, что наступит мир на нашей священной многострадальной земле.

А сейчас мы с нетерпением ждём пятницу, чтобы вновь прийти за покупками именно на этот знаменитый шук «Кармэль».

ЗА СОВЕТОМ К РЕБЕ

– Уважаемый ребе! Мир дому твоему! Я пришёл к тебе за советом.

– Проходи, садись. Слушаю тебя внимательно.

– Стыдно тебе признаться, ребе, но моя Ханочка мне изменила.

– Послушай, Хаим. Как только у тебя язык повернулся мне такое сказать? Твоя Хана – тихая спокойная женщина. У вас четверо детей. Каждого нужно накормить, обстирать, убрать, да и ты, Хаим, без обеда не сидишь, в шабат тебе подавай такой, что другие не едят и в праздники. После такого дня у неё даже для тебя не всегда сил хватает.

– Для меня, может, сил не хватает, а для этого водопроводчика, чтоб у него тряслась голова, как у меня сейчас руки, хватает.

– На, выпей воды, успокойся и расскажи обо всём по порядку.

– Значит так. Прихожу вчера я домой на целый час раньше, думал, с Ханой к брату Якову в гости сходить, и что я вижу. О, позор на мою седую голову! Накрыт стол, а на столе, что душе твоей угодно: и колбаса, и консервы, и помидоры, и полторта. Он сидит, лопает, аж за ушами трещит, и что-то Хане рассказывает, рассказывает. А она, понимаешь, ребе, смотрит ему ласково в глаза и смеется.

– Ну что тут такого, Хаим? Ты мне говорил, что текут у тебя краны, засорилась канализация. Вот твоя Хана и пригласила водопроводчика. Он починил вам краны, провозился не меньше, чем полдня, вот твоя жена и решила его накормить.

– Хорошее дело: накормить! После такого кормления у меня может появиться ещё один ребёнок.

- Ты просто ревнуешь без повода.
- Я ревную?! Ха-ха-ха! А он бессовестно жрёт в чужом доме, когда хозяин на работе! Нет, ребе, ты меня не успокаивай, скажи лучше честно, что мне делать?
- Успокойся и живи, как жил раньше.
- Хорошенькое дело: живи, как жил раньше. Но ведь она мне изменила!
- Ну, тогда разведись! – стал сердиться ребе.
- Но я ведь её люблю больше всего на свете.
- Тогда прости ей свою дурость и живи, как ты жил раньше.
- Живи, как ты жил раньше! Но ведь она мне изменила прямо у меня на глазах.
- Тогда разведись!
- Но ведь она мать моих детей.
- Послушай, Хаим, – начал терять терпение ребе, – живи спокойно и не дури мне голову!
- Как я могу жить спокойно и не дурить тебе голову, когда она привела в мой дом этого водопроводчика?
- Тогда разведись, и чем раньше, тем лучше. По крайней мере, для меня.
- Но ведь я её люблю!
- Хаимке, дорогой мой, – взмолился ребе, – сходи к другому ребе, у меня от твоего вопроса уже раскалывается голова.
- Послушай, ты самый уважаемый человек в нашем городе, ты только скажи мне, что делать, и я уйду.
- Сходил бы ты за советом к ксендзу! – в сердцах сказал ребе.
- Как мне, чистокровному еврею, чьи предки и предки моих предков были почтенными евреями, пойти к ксендзу? Как у тебя, ребе, повернулся язык

сказать мне такое? Посмею поинтересоваться, а как бы он смог решить мой вопрос?

– Как бы твой вопрос решил, не знаю, но, по крайней мере, у меня бы перестала сейчас болеть голова, а ты дурил бы голову сейчас не мне, почтенному ребе, а тому ксендзу.

– Ладно, ребе, раз ты мне ничем помочь не можешь, смирюсь я, наверное, со своим горем, – вздохнул Хаим. – Пойду домой, к своей Хане, и сделаю вид, что ничего и не было.

Он вышел, а ребе, облегченно вздохнув, стал читать молитву:

– О, Всевышний, спасибо тебе за то, что ты не оставил в беде своего простого смертного, в трудную минуту принёс ему облегчение.

Но не успел он закончить молитву, как в дверь снова постучали. На пороге стоял Хаим.

– Послушай, ребе, я уже смирился со своей судьбой и сейчас иду домой к своей Хане. Скажи мне только, ребе, в последний раз, что я всё-таки должен делать? Разводиться или идти домой и сделать перед Ханочкой вид, что ничего не было?

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР (первый)

– Але! Але, Мотл. Шалом! Узнал? Молодец, правильно, это я, Хаим, твой старший брат из Израиля. Как дела, дорогой? Как твой гастрит? Мучает, зараза? Ну, дай бог, чтобы не хуже было. Мотл, представляешь, только набрал твой номер, сразу мне тебя и дали. И слышно тебя так хорошо, как будто я звоню не из Израиля, а сижу с тобой рядом на скамейке в наших

Озаричах. Как у меня дела? Хорошо. Как говорят у нас в Израиле, «беседер». Как я доехал? Хорошо. Устроился? Тоже ничего. До Москвы, ты сам знаешь, доехали как принцы заморские, на автобусе. В аэропорту на таможене меня пронесло – таможенник только спросил: «Доллары везёшь?» Ну что я могу ему ответить? Конечно, везу.

– И сколько?

Я честно признался: 350.

А он: «Чего 350? Тысяч?»

А я отвечаю: «Что я, Рокфеллер? За все мои сбережения банк мне выдал только 350 долларов».

Таможенник улыбнулся и говорит: «Тогда счастливой дороги! Проходи!» И мой чемоданчик даже и не раскрыл, а я так боялся. Ведь у меня в чемодане было два утюга, а провозить разрешается только один. Это соседи нам достали новый утюг, а старый жалко было выбрасывать, я недавно поменял в нём вилку, и он работал, как новый.

Зато пограничник перед выходом на посадку так на меня уставился, как будто я ему что-то должен. То на паспорт посмотрит, то на меня, то на паспорт, то на меня.

– Неужели, – спрашиваю его, – за три недели я так постарел, что нет никакого сходства с фотографией?

А он всё смотрит и молчит.

– Послушайте, товарищ военный, – говорю ему, – может, нет большого сходства, потому что я сегодня ещё не побрился?

А он всё смотрит и молчит.

– Если вам надо для сходства моего с фотографией, чтобы я побрился, нет проблем. В сумке у меня лежит новая механическая бритва.

И что ты, Мотл, думаешь было дальше?

Как услышал он про бритву, сразу замахал на меня руками, чтобы я проходил на посадку, а я его не понял и пожал ему руку. Моя Ханочка после этой сцены даже прослезилась. Какой хороший человек этот военный, даже руку подал на прощание.

Ой, Мотл, что было дальше? Лучше не спрашивай! Чуть старый Досман перед всеми не опозорился. В общем, теперь можно сказать. Стоим, ждём посадку в самолёт. Тут Ханочка мне шепчет:

– Чтоб ты провалился! Я от стыда скоро сгорю! Стоишь и каждую минуту чешешься. И где? Кругом люди! Совсем стыд потерял!

Нет, Мотл, упаси Бог, у меня перед посадкой нигде не чесалось и между ног тоже. Просто Хана мне в трусы вшила карман с замком. Не смейся, конечно, не с висячим, а с замком «молнией». В этом карманчике лежали адреса дочки, знакомых и пятьсот долларов, на которые, как ты понимаешь, у нас разрешения не было. Думал, что если на таможне вдруг разденут до трусов, то вряд ли догадаются пощупать, что там ещё есть в трусах у старого еврея.

Короче, с божьей помощью прилетели мы в Израиль, а здесь нас встретила дочка с зятем. Взяли они наши сумки и пошли, а мы за ними. Смотрю, подходят к новой большой чёрной машине и открывают в ней багажник.

Я им говорю: «Дети, что вы делаете?»

А они: «Как что? Это наша машина. Мы её недавно купили, но вам не писали».

Посмотрел бы ты, Мотл, на эту машину. Двери сами открываются и сами закрываются. Хочешь окно закрыть или открыть, только кнопку нажми. В машине есть магнитофон, сиденья двигаются, раскладываются,

а багажник такой большой, что в него поместились бы все продукты нашего озарического гастронома.

Мало того, когда мой зять подходит к машине, она его приветствует, начинает сверкать фарами и радоваться, как ребёнок. Так и кричит: уа-уа-уа. Что тебе сказать, на такой машине едут, наверное, только короли Саудовской Аравии, американские президенты и мой зять.

Мотл, дорогой, а знаешь, как я провел первую ночь в Израиле? Как? Лучше не спрашивай! Такой ночи я не пожелаю даже врагам своим. Почему? Это всё из-за мазгана. Это такой прибор, который может, если надо, нагреть комнату или охладить её, то есть сделать так, как тебе надо, чтобы было тебе нормально.

В общем, лёг я вечером спать, а моя Хана пошла в зал поговорить с дочкой. Сейчас у нас тепло, на улице 30 градусов, а моей Ханочке вздумалось проверить, как будет работать мазган зимой. Она возьми и поставь пульт на 40 градусов. А я накрылся одеялом, как всегда, по самую шею и сплю. Часа через два я просыпаюсь, весь в поту, смотрю, сидит надо мною Хана и вытирает полотенцем мне лоб, а дочка переключила мазган на холод и включила в моей комнате ещё два вентилятора. В общем, мазган мы проверили, работает, как часы, думаю, зимой мы с ним не пропадём.

Утром решил я познакомиться с Тель-Авивом и заодно посмотреть на знаменитый базар. Он тут называется «Кармэль». Да нет, не карамель, а «Кармэль». Показать мне его взялся мой внук Моше. Ты помнишь моего внука? Он такой большой мальчик, в прошлом году была бар-мицва. Так он знает Тель-Авив не хуже, чем я наши Озаричи.

Только мы двинулись к двери, а дочка говорит: «Папа, на улице жарко, переоденься», – и даёт мне тенниску и шорты – это такие семейные трусы с карманами. Ты представляешь, я в Озаричах по квартире никогда в трусах не ходил, а она хочет, чтобы я по большому городу в таких семейных гулял. А если, не дай бог, кто-то увидит из моих знакомых, я от стыда сгорю. Тебе смешно? А она мне: «Надевай, у нас в Израиле летом все ходят в шортах». Ну, ты же знаешь, с моими детьми спорить, что справлять маленькую нужду против ветра.

Ох, Мотл, видел бы ты меня в этих семейных трусах! Да ещё американские звёздочки по бокам. Ну, конечно, очки от солнца я надел и соломенную шляпу, которую перед отъездом достал по благу в нашем раймаге. Ханочка сразу вручила мне листик бумаги, где написала, что надо купить. Ты ведь её знаешь. Говорит: «Нечего без толку ходить по улицам. Хоть какой-то толк от тебя будет».

Зашли мы с внуком в деликатесный магазин. Колбас, рулетов всевозможных десятки сортов, икра чёрная, икра красная, всё, что когда-то видел, и всё, о чём где-то слышал, – всё там есть. И никакой тебе очереди. Я всё купил, что Хана написала.

А потом пошли на базар. Что тебе сказать, Мотл, базар, пожалуй, не меньше наших Озаричей. Иду и думаю, сколько здесь добра, хоть бы сотую часть всего этого в наши Озаричи. Вот была бы жизнь!

Идём мы дальше. Смотрю, деликатесных магазинов стоят десятки, не меньше, и во всех считанные люди. Решил я ещё разок зайти в магазин. Зачем? Всё думаю, неужели во всех магазинах всё есть. Захожу и прямо к продавцу:

– «Московская» есть? – Есть. – А сервелат есть? – Есть. – Нет, думаю, меня, старого еврея с Озаричей, голыми руками не возьмёшь. – А колбаса «Кремлёвская» копчёная есть? – Есть. – Тогда триста граммов ливерной взвесь.

И что ты думаешь, Мотл, она взвесила мне таки траста граммов ливерной колбасы и с улыбкой так спрашивает: «Что-нибудь ещё?»

– А полкилограмма сальтисона.

Ты помнишь, брат, какой сальтисон делает моя Ханочка к празднику? Так что ты думаешь, и такой сальтисон есть. Я его попробовал – по вкусу точно, как делает моя Ханочка. А уж нарезала мне эта продавщица так тоненько этот сальтисон, что через эти кусочки можно читать газету.

Вышли из магазина, а на улице жара ужасная. Дай, думаю, баночку холодного пива куплю. Подхожу к пивному киоску, а продавец спрашивает: «Вам какого? Маккаби, чехословацкого, баварского?»

А я ведь никакого раньше не пил из этих. Так я говорю: «А что посоветуешь?»

Он посоветовал баварское. Я купил себе баночку и мороженое внуку. Мы сели за столик. Знаешь, Мотл, баварское по вкусу, пожалуй, не хуже нашего жигулевского, когда то свежее и неразбавленное.

Отдохнули и пошли дальше по базару. Смотрю, очередь. Правда, не такая, как в наших Озаричах бывает за туалетной бумагой или за стиральным порошком – вокруг наших домов в два ряда, а человек шесть-десять. Ну, а какой настоящий еврей, Мотл, может пройти мимо очереди и хотя бы не узнать, что там дают? Подхожу, свежая рыба, карп, да такой крупный. И так мне захотелось фаршированной рыбки, которую моя Ханочка делает, что я и не заметил, как

встал в очередь. Стою и вдруг слышу, кто-то меня спрашивает: «Папаша, крайний?»

Да, отвечаю, и сам удивлённо поворачиваюсь: уж очень знакомым показался мне этот голос. Смотрю, стоит за мной, кто ты думаешь, сам майор Томин. Помнишь сериал «Следствие ведут знатоки»? Так вот этот самый майор Томин стоит за мной в очереди, правда, без милицейской формы, в таких же, как и я, трусах, то есть шортах, только без американских звёздочек. Я уставился на него и нагло смотрю ему в глаза. Понимаю, что некрасиво так делать, но не могу повернуться опять лицом к очереди. А он улыбнулся мне и говорит тихо: «Папаша, можешь покупать рыбу, свежая, недорогая и, главное, – никакой контрабанды. Я лично проверял», – и подмигнул мне правым глазом.

Вечером я рассказал про майора Томина Ханочке, и она мне не поверила, а дочка сказала, что никакой он не майор Томин, а артист из Москвы Коневский, и сейчас он тоже живет в Израиле.

Я ей, конечно, не поверил, но спорить не стал: пусть будет так, как она говорит, но если такие люди, как майор Томин ходят по городу, то там всегда будет порядок.

А завтра, Мотл, я еду в ресторан. Зять узнал, что Хана без ума от Михаила Шуфутинского и взял нам билеты на его концерт. Здесь концерт не в зале каком-нибудь, а в огромном ресторане. Представляешь, Мотл, я, простой парикмахер из Озаричей, буду, как директор комбината «Быт услуги», сидеть в ресторане, пить шампанское и слушать самого Шуфутинского. Вот такие, брат, дела.

Мотл, дорогой, ты не поверишь, как я рад слышать опять твой голос. Раньше, в Озаричах, когда ты со своей Мэрой и всеми своими детьми приходил ко мне в

гости, я вам улыбался, а в душе кипел. Ну, сам подумай, мало того, что должен был накормить такую ораву, так ещё моей Ханочке после таких гостей на три дня уборки. А сейчас пусть бы вы все и сестра наша Малка со своими детьми и внуками были бы сейчас со мной рядом, даже в моей квартире, я бы был от счастья на седьмом небе.

Мотл, расскажи завтра всем нашим соседям, как прошли первые недели в Израиле у старого парикмахера Хаима. Знаешь, если бы я мог забрать все наши Озаричи в Израиль, я бы это сделал с большим удовольствием. Правда, оставил бы там, в Озаричах всю милицию, горисполком и моего заведующего парикмахерской. Помню, зайдёт в парикмахерскую кто-нибудь из милиции или городского начальства, заведующий перед ним выпендривался, как парень перед будущей тётшей. «Какие гости! Как здоровье? Сейчас вас обслужим по высшему классу. Посадим к лучшему мастеру», – а потом ко мне: «Хаим, обслужи дорогого гостя!» И я целый час колдую над этим клиентом, делаю из его полысевшей головы настоящее чудо, как минимум – заслуженного артиста. А он встаёт, говорит мне «спасибо» и уходит. А заведующий: «Хаим, ты почему не взял деньги с клиента? У тебя что, парикмахерская или частная лавочка? Ещё раз увижу такое, буду высчитывать из твоей зарплаты». Я, как это вспоминаю, то думаю: надо было уехать из Озаричей только из-за одного этого.

Мотл, не собираешься к нам в Израиль? Конечно, в банке ты будешь иметь всегда тысячу-две, а может, четыре-пять. Всегда. Правда, с минусом, но зато в холодильнике у тебя будет что поесть и что-то такое, от чего душа твоя будет просто радоваться. Поверь мне, своему брату.

Пока всё. Позвоню тебе в конце месяца ещё раз. Всем привет.

ТЕЛЕФОННЫЙ РОЗГОВОР **(второй)**

– Алло! Алло! Мотл? Здравствуй, дорогой! Узнал? Это я, твой старший брат Хаим из Израиля. Как дела? Как здоровье? Что? Так себе, могло быть и лучше? Да-а. Здоровья нету, – это плохо. Его не купить за деньги. Что есть, то и слава Богу. Как Мэра? Дети? Внуки? Всё в порядке? Сестру нашу Малку часто видишь? Что ты говоришь? Билеты уже на руках? Вот молодец. Вот это радость для старого Хаима. Значит, скоро её увижу. Что ты говоришь? Всё оставила и едет с двумя чемоданами? Вот, бери пример, Мотл, со своей сестры: бросила всё и едет в чем есть. Ша-ша-ша, что ты раскипелся, как масло на сковородке? Ой, что ты говоришь? Сейчас старый Хаим лопнет от смеха. Да-а, ты неплохо окопался в наших Озаричах. Телевизор у тебя только из ремонта, работает, как новый? А холодильник так хорошо морозит, что каждую неделю нужно его размораживать? Крышу ты в прошлом году залатал и пока, слава Богу, не течёт? Ой, да, совсем забыл, скоро у тебя на грядках созреют помидоры, да и столько, что иногда ты можешь нарезать и себе пару штук на салат? Ох, ну уморил, брат. Мотл, не злись, дорогой! Я знаю по себе, как это тяжело накопленное годами бросить и поехать неизвестно куда, неизвестно зачем.

Мотл, я выслал тебе визу, немного денег и билет на самолёт. Прилетишь, посмотришь, и решишь сам: ехать насовсем в Израиль или нет. Потом скажешь

мне, что Мотл – лэмэх этакий, не захотел хоть раз послушать совета старшего брата.

Мотл, насчёт денег не беспокойся, я их заработал и без них могу обойтись. Если тебе у нас в Израиле понравится, и ты приедешь к нам насовсем, это будет для меня дороже этих денег.

Послушай, сейчас я тебе что-то расскажу. Мои соседи, как узнали, что у меня в Озаричах есть ещё брат с сестрой, и что они собираются ехать к нам в Израиль, закидали нас подарками, да какими. Принесли бесплатно цветной телевизор, почти новый, в нём чёрт знает сколько программ. Принесли холодильник, довольно приличный, и, главное, его размораживать не надо. Воткни вилку в розетку и пользуйся на здоровье! Нет, эти соседи купили себе новый холодильник, сейчас у нас в моде огромные холодильники, а старый подарили нам. И даже вдобавок микрогаль. Что такое микрогаль? Долго тебе объяснять, ну, такая нужная вещь.

Да, и дочка с зятем меня каждый день ругают. Почему плохо вас зову. Так и говорят, только приедете, мы поможем и квартиру снять, и обставить. У нас, говорят, и мебель и электротовары ещё в отличном состоянии, а хочется в квартире поменять дизайн, обстановку и купить электротовары такие, каких нет ещё у наших друзей и соседей. Ну, молодёжь, чего ты хочешь?!

В общем, Мотл, часть своих забот можешь смело выкинуть из головы и жить спокойно.

Мотл, ты в письме спрашивал, как у нас в Израиле с работой? Лучше бы ты ничего у меня не спрашивал. От твоего вопроса не стало просто у меня житья. Дернуло меня, дурня старого, зайти в одну столярную мастерскую сказать хозяину, что у меня в России живёт

брат и что он для всех Озаричей делает рамы и двери. Хозяин сказал, что такие работники нужны, а, как приедет, пусть сразу выходит на работу. А через день звонит уже ко мне домой и спрашивает: «Брат приехал? Не забудь, что он обещал работать только у меня!»

А насчёт твоей дочки Мирочки, как узнали, что она хорошая швея и шьёт модную женскую одежду для всех Озаричей, стали звонить ко мне каждый день, да, причём из разных ателье.

А насчет Мэрочки вообще можешь не волноваться. Чего-чего, а квалифицированная уборщица со стажем в Израиле всегда в цене. На уборке у нас работают даже лица с высшим образованием. И хотя образования у таких уборщиц хоть отбавляй, навыков по сравнению с твоей Мэрочкой у них явно маловато.

Что у меня слышно? Да всё, чтобы не сглазить, беседер. Открываешь утром холодильник, и душа поёт: чего там только нету... И колбаса, и овощи, и фрукты. Дома летом мы тоже ели иногда такие. А тут дочь с зятем ругаются, почему мы не кушаем. В нашем возрасте нужно есть много витаминов. Представляешь, Мотл, мне в семьдесят лет стали нужны витамины?! Да, бог с ними, с этими витаминами, так дети ещё злятся, когда мы что-то покупаем из продуктов. Они хотят, чтобы мы собирали деньги на экскурсии. В следующем году мы куда-нибудь поедем: в Испанию или во Францию. Представляешь, Мотл, я, Хаим, старый Досман, еду во Францию?! О, лямур, абажур, ля Париж! Что тебе сказать: и смех и грех.

Нет, язык я не учу. Вот Ханочка моя исправно проучилась все полгода. Даже делала дома уроки. Представляешь, варит на кухне цимус, в одной руке – ложка, в другой – тетрадь с новыми словами. Значит,

мешает она цимус, а сама смотрит не в кастрюлю, а в тетрадь и читает вслух: «*хавер*», «*мукдам*», «*савланут*». Спрашиваю её, а что такое савланут? Это когда вперёд ногами понесут? А она сердится и требует, чтобы я тоже запоминал эти слова.

Знаешь, Мотл, в доме у нас между собой говорят только на иврите. Конечно, я не могу тебе похвалиться, что знаю иврит, как русский язык или идиш, но что-то где-то спросить могу.

Мотл, ты меня ещё слушаешь? Так вот, дали нам с Ханочкой пенсию. Правда, небольшую, но на всё необходимое хватает. Жить есть где. Живи и радуйся! Посидел я дома месяц, походил по улицам, познакомился с соседями и чувствую, что мне что-то не хватает. То спина заболит. То ночью не спится. Стал ворчливый какой-то. То телевизор мне стал мешать – целый день не выключается. Друзей – пенсионеров стал избегать: надоело говорить об одном и том же. Наконец, я понял: надо срочно подыскать себе работу. Устроился садоводом в парк. Каждый день с утра иду на работу, подметаю дорожки, обрезаю деревья, окучиваю и поливаю цветы. Ты что, из какой лейки? У меня в парке автоматика. Утром в шесть часов я поворачиваю рычажок, и весь мой парк автоматически поливается. Я только стою и радуюсь, как всё умно придумано. Работаю я каждый день до часу, а потом всегда иду домой самой длинной дорогой. Это специально, чтобы пройти мимо самой большой в Тель-Авиве парикмахерской.

Постою минут десять у окошка, отойду, потом снова подойду. Всё смотрю, как стригут, как причёски делают. И так иногда сердце занает, так хочется взять в руки ножницы, показать им, как такую причёску сделал бы старый Хаим, что сил нет. Ведь хорошая

причёска, как хорошая картина: делать её надо не спеша, а с любовью, чтобы все, кто её увидит, спрашивали: кто это создал такое чудо? А я всё смотрю и не понимаю, как это можно быстро, шахер-махер, сделать настоящую женскую причёску.

Ну, Мотл, задурил я тебе голову своими майсами. В общем, просись на работе в отпуск. Через две недели твой самолёт из Москвы в Израиль. Можешь всем сказать, что отпуск ты берёшь у них в последний раз. Следующий отпуск ты заработаешь уже в Израиле.

Всем соседям привет от старого Хаима. Крепко всех целую. Пока. Позвоню через неделю.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЯ ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ
ВОСПОМИНАНИЯ /3/

РАССКАЗЫ

Я РАДУЮСЬ ЖИЗНИ /181/

СЧАСТЛИВОЙ ДОРОГИ! /188/

ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ /194/

И ТАК БЫВАЕТ /215/

МЕТАПЕЛЕТ /228/

НОВЕЛЛЫ

РОЗЫ /239/

МОШКА /241/

ШУК «КАРМЭЛЬ» /246/

ЗА СОВЕТОМ К РЕБЕ /250/

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР №1 /252/

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР №2 /260/